

журнал социологических наблюдений и сообщений

# Социальная реальность

2(14) 2007  
М а р т

# Социальная реальность

ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ  
НАБЛЮДЕНИЙ И СООБЩЕНИЙ  
№2'2007

Общество

## ■ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

*Г. Кертман*

Эпоха Брежнева – в дымке настоящего ..... 5

## ■ НОРМЫ И ЦЕННОСТИ

*П. Бавин*

Координаты духовности: от храма до кошелька .....24

## ■ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

*С. Климова*

Алкоголизм: обыденные теории .....30

## ■ РЕГИОНЫ

*В. Максимова*

Москвичи – в собственных глазах и во мнениях сограждан .....42

## ■ ОБРАЗОВАНИЕ

*И. Шмерлина*

Заметки о российском учительстве в контексте  
национального проекта “Образование” (Окончание) .....49

## ■ ЦИФРЫ

Опросы без комментариев .....55

Главный редактор  
Александр Ослон

Зам. главного редактора  
Елена Петренко

Ведущие разделов и рубрик  
“Общество”

Григорий Кертман  
“Форум”

Леонид Блехер  
Георгий Любарский  
“Мастерская”

Иван Климов  
“Цифры”

Людмила Преснякова  
“Между прочим”

Анатолий Черняков

Арт-директор  
Анна Данилова

Ответственный секретарь  
Мария Каневская

Маркет-менеджер  
Светлана Басманова

Редакторы выпуска  
Анастасия Егорова  
Мария Каневская

Корректор  
Наталья Шарова

Оригинал-макет  
Любовь Софейчук

Рисунки  
Екатерина Василевская  
Андрей Мирзоян

Свидетельство о регистрации  
средства массовой информации  
ПИ № ФС77-21257 от 28.06.2005

Поддержка издания:  
Фонд Ельцина

При перепечатке ссылка на журнал  
обязательна.

Формат 215×280 в 1/4  
Тираж 700 экз.  
Цена свободная

Номер подписан в печать  
26.03.2007 г.

Адрес редакции журнала:  
119421, Москва,  
ул. Обручева, 26, корп. 2  
тел.: (495) 745-87-65  
факс: (495) 745-89-03  
e-mail: sr@fom.ru

Электронная версия:  
<http://socreal.fom.ru>

© “Социальная реальность”

Отпечатано в типографии  
ООО “Группа Море”  
101898, Москва, Хохловский пер., д. 9



Форум

■ БЕСЕДА

“Социологический поворот в моей профессиональной жизни носил несколько мистический характер”  
Интервью Елены Петренко Борису Докторову .....79

Мастерская

■ НАУКА СОЦИОЛОГИЯ

Д. Рогозин  
Тестирование вопросов о социальном самочувствии .....97

■ МЕЖДУ ПРОЧИМ

Е. Вовк, И. Шмерлина  
Продукты питания – отечественные и импортные .....23  
Профессия: врач .....28  
Сколько детей иметь в семье? .....41  
Реклама на телевидении .....77  
Так говорил респондент... .....48

# CO B T C E E L E O



# Г. Кертман

## Эпоха Брежнева – в дымке настоящего

*...Как и прежде, тема покоя  
Благословенна и глубока*

*М. Щербаков. Тема покоя*

**В** первые постперестроечные годы статус эпохи “развитого социализма” в российском массовом сознании претерпевал, помнится, радикальные и стремительные изменения: “проклятое прошлое” на глазах превращалось в “доброе старое время”. Причины этой эволюции очевидны и общеизвестны: обвальное снижение жизненного уровня населения, экономическая и политическая нестабильность, нормативная неопределенность, лавинообразный поток институциональных инноваций, безответственность элит, социальный инфантилизм граждан, неуклюжий радикализм властей...

Неприятие настоящего оборачивалось кардинальной переоценкой недавнего прошлого, вчерашний “застой” трансформировался в воспоминаниях в желанную “стабильность”, рост ностальгии автоматически приносил политические дивиденды компартии. В середине 90-х годов перспектива возврата коммунистов к власти и попытки реставрации прежней системы – с непредсказуемыми последствиями – казалась, как известно, более чем вероятной. И хотя в 1996 году этого не случилось (прежде всего – потому, что именно страх перед неизбежными при таком исходе “судьбоносных” выборов потрясениями стал основным электоральным ресурсом власти), вектор переоценки позднесоветской эпохи в целом не изменился. Затем произошел дефолт.

В 1999 году ФОМ предложил участникам опроса назвать того из руководителей нашей страны в XX веке, при котором “простым людям жилось лучше всего” (предъявлялась карточка), и 48% респондентов – или 58% от числа так или иначе ответивших на этот вопрос – высказались за Л. Брежнева. Причем ни один иной отрезок времени, прожитый нашими согражданами в уходящем веке, не смог составить в этом отношении какой-либо конкуренции брежневской эпохе: 9% опрошенных упомянули Ю. Андропова (то есть по существу тоже

“проголосовали” за брежневское время, одновременно вынеся “вотум недоверия” лично Леониду Ильичу), по 7% – И. Сталина и Н. Хрущева, 4% – Николая II, по 3% – В. Ленина и М. Горбачева, 2% – К. Черненко, 1% – Б. Ельцина<sup>1</sup>.

Отставка Б. Ельцина и последовавшие за ней перемены одарили российское массовое сознание новым “проклятым прошлым” (добрым словом 90-е годы поминуют, как известно, очень немногие). Причем ощущение разрыва преемственности, наступления новых времен возникло у большинства россиян практически сразу же после смены главы государства – что лишь частично может быть объяснено особой властечетричностью российской политической культуры, склонностью видеть в верховной власти едва ли не единственный субъект социальных изменений и в силу этого поспешно маркировать историческое время именем очередного правителя.

Оценивая деятельность нового президента, наши сограждане, как однозначно показывали и исследования общественного мнения, и бытовые наблюдения, с самого начала акцентировали внимание на различиях между В. Путиным и его предшественником<sup>2</sup>, и продолжают оперировать такими противопоставлениями – применительно как к содержанию политики, так и к стилю деятельности – вплоть до настоящего времени.

На самом образе эпохи “развитого социализма” это, собственно, могло и не отразиться, но контекст его бытования в массовом сознании не измениться не мог. Во-первых, наряду с позднесоветскими временами появилась иная, более актуальная точка соотнесения, отсчета для осмысления и оценки происходящего – 90-е годы<sup>3</sup>. Во-вторых, обнаружилось многочисленные признаки если не пере-

оценки советской эпохи, то по крайней мере “примирения” с ней со стороны верховной власти. И дело не только в эволюции идеологического дискурса последней – почти полном отказе от антикоммунистической риторики (даже тогда, когда декларируются сугубо либеральные тезисы), демонстративной почтительности к прошлому, символической “реабилитации” некоторых его аспектов, возвращении музыки советского гимна и т. д. Важнее другое: укрепление “властной вертикали”, обуздание “олигархов”, приведение к лояльности региональных элит и ведущих СМИ, перемены в позиционировании страны на международной арене – во всем этом и многом ином то более, то менее отчетливо слышится поступь возвращающегося Левиафана. Многим

это импонирует, некоторых – пугает, но во всяком случае времена, сменившие ельцинскую эпоху, уже не воспринимаются, в отличие от нее, как главным об-

*В первые постперестроечные годы статус эпохи “развитого социализма” в российском массовом сознании претерпевал радикальные и стремительные изменения: “проклятое прошлое” на глазах превращалось в “доброе старое время”*

<sup>1</sup> Общероссийский опрос населения от 4–5 сентября 1999 года (56 населенных пунктов, 29 субъектов РФ, 1500 респондентов).

<sup>2</sup> По данным опроса, проведенного через несколько месяцев после первой инаугурации В. Путина (8–9 июля 2000 года, 56 населенных пунктов, 29 субъектов РФ, 1500 респондентов), 30% россиян полагали, что новый президент “продолжает политику Б. Ельцина”, а 56% – что он “идет своим путем”.

<sup>3</sup> Отметим, что период горбачевской перестройки – времени переходного, “склеивающегося” в исторической памяти россиян то с эпохой “развитого социализма”, то с постперестроечной эпохой, – такой “точкой отсчета” для массового сознания не являлся и не является.

разом и прежде всего антитеза временам позднесоветским. Тем более что главным достижением действующего президента российские граждане, как неизменно показывают данные исследований, считают определенную стабильность – а именно отсутствие стабильности в 90-е годы было наиболее мощным генератором ностальгии по эпохе “застоя”.

Однако сказанное не означает, что граждане, испытывающие такую ностальгию, благосклоннее к нынешней власти, чем те, кому это чувство несвойственно. Обратим внимание на симптоматичное совпадение: если среди людей, считающих, что Л. Брежнев сыграл в истории нашей страны положительную роль, доверяют В. Путину 61%, “отчасти доверяют, отчасти – нет” – 27%, и не доверяют – 10%, то и среди считающих роль Л. Брежнева отрицательной обнаруживается в точности такое же распределение ответов на вопрос о доверии действующему президенту: 61%, 27%, 10%<sup>4</sup>. В 90-е годы подобное совпадение, конечно же, было бы абсолютно невозможно: очевидно, что если бы в то время был задан аналогичный вопрос, поклонники Л. Брежнева демонстрировали бы гораздо более критическое отношение к Б. Ельцину, нежели их оппоненты. И еще: 52% респондентов, признающих роль Л. Брежнева позитивной, заявляют о положительном отношении к “Единой России”, а 18% – об отрицательном. Практически то же распределение мнений относительно “партии власти” – среди оценивающих роль Л. Брежнева негативно: 53% и 20% соответственно.

Таким образом, можно говорить об определенной “деполитизации” ностальгии по эпохе “развитого социализма” – не в том, понятно, смысле, что она не оказывает более влияния на политическое сознание россиян (оказывает, и немалое), а в том, что она, в отличие от 90-х годов, уже не является фактором делегитимизации действующей власти, но вместе с тем не стала и ее политическим, электоральным ресурсом. Нет оснований, отметим, считать эту ситуацию необратимой, но сейчас она именно такова.

### С чувством глубокого удовлетворения...

100-летие со дня рождения Л. Брежнева дало прекрасный повод выяснить, как сегодня воспринимается российскими гражданами этот исторический персонаж и долгое время его правления. Фрагмент массового опроса, посвященный этому сюжету, начинался с открытого вопроса: “Какие чувства, мысли, ассоциации возникают у Вас, когда Вы слышите имя «Леонид Брежнев?»” Так или иначе ответили на него почти две трети опрошенных (64%). Отметим сразу: респонденты гораздо больше вспоминали о времени, связанном с Леонидом Ильичом, нежели о нем самом.

Чаще всего участники опроса говорили, что жилось в те годы хорошо, все имели работу и достаток.

*“Хорошее было время”; “нормальная жизнь была”; “прекрасная жизнь”; “все работали и жили нормально”; “времена, когда все были довольны жизнью”; “от зарплаты до зарплаты никто не жил”; “благополучие”; “счастливое время”; “просто рабочему жилось гораздо лучше”; “хорошо было”; “золотое было время” (14%; ответы на открытый вопрос).*

<sup>4</sup> Общероссийский опрос населения от 9–10 декабря 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

Многие просто констатировали, что при упоминании имени Л. Брежнева у них возникают “очень положительные ассоциации”:

*“Все только хорошее”; “положительные чувства”; “самые добрые воспоминания”; “приятные чувства”; “доброе, теплое”; “хорошие, приятные воспоминания”; “светлые чувства”* (8%; ответы на открытый вопрос).

Примерно так же часто опрошенные вспоминали как отличительные черты брежневской эпохи стабильность, порядок и спокойствие.

*“Спокойное время”; “стабильность”; “покой”; “уверенность в завтрашнем дне”; “можно спланировать свой бюджет”; “спокойствие, комфорт”; “надежность, стабильность”; “порядок”, “тихие, спокойные времена”* (7%; ответы на открытый вопрос).

Некоторые говорили о социальных гарантиях (*“мы защищены были”; “учеба, отдых – все бесплатно”; “бесплатное лечение и образование”; “доступное жилье”* – 2%), о крупных стройках, о крепких колхозах и совхозах (1%), о низких ценах (1%), о том, что СССР в ту пору был великой державой (1%) и т. д. Упомянулась свойственная, по мнению части опрошенных, тому времени *“простота отношений”* (*“народ честнее, добрее”*) – 1%.

Ностальгические мотивы слышны в этих высказываниях вполне отчетливо, и надо сказать, что довольно многие респонденты именно так – как ностальгические – и диагностировали свои эмоции по поводу брежневских времен.

*“Ностальгия”; “ностальгия по прошедшим годам”; “ностальгия о спокойствии”; “ностальгия по прошлому”; “ностальгия по временам Брежнева”; “ностальгия по прошлой жизни”* (3%; ответы на открытый вопрос).

В той или иной мере эта ностальгическая нота слышна и в большинстве ответов тех респондентов, у которых имя Л. Брежнева ассоциируется прежде всего с собственным детством или юностью.

*“Беззаботное детство”; “молодые, веселые годы”; “юность – тогда все было хорошо, и люди были другие”; “самые лучшие времена, счастливое детство”; “наша юность”; “детство, доброта, море”* (4%; ответы на открытый вопрос).

*В некоторых ответах понятие “застой” сопровождалось явно позитивными коннотациями: “застойное, но хорошее время”; “застой был, цены не росли”; “это было давно, время застоя и спокойствия”*

Негативные эмоции респонденты, откликаясь на вопрос о Л. Брежневе, выражали гораздо реже. Сравнительно многие говорили о брежневской эпохе как о времени застоя.

*“Застой, глухомань”; “сон всей страны”; “болото”; “кошмар, застой”; “совок”; “застой в стране, сонное царство”; “застоялые времена”* (6%; ответы на открытый вопрос).

Впрочем, было бы опрометчиво зачислять всех участников опроса, аттестовавших брежневское время как “застой”, в критики этой эпохи. Дело в том, что в некоторых ответах это понятие сопровождалось явно позитивными коннотациями: *“застойное, но хорошее время”; “застой был, цены не росли”; “это было давно, время застоя и спокойствия”*. И поскольку примерно половина ответов этой группы сводилась к одному слову – *“застой”*, – то можно полагать, что по крайней мере часть “соавторов” этой лаконичной реплики отнюдь не вкладывала в нее осуждение.



Вместе с тем довольно многие респонденты недвусмысленно заявляли, что при упоминании имени Л. Брежнева ассоциации у них возникают сугубо неприятные.

*“Жуткие ассоциации”; “злость”; “отвращение”; “отрицательные чувства”; “брезгливость”; “ничего хорошего”; “раздражение одно”; “ужас”; “не нравится тот период, нечего вспомнить хорошего”; “отстойная эпоха” (5%; ответы на открытый вопрос).*

Некоторые вспоминали о дефиците, пустых прилавках.

*“Пустые полки в магазинах”; “очереди, развал”; “дефицит в стране”; “разруха”; “талоны, недостаток продуктов” (2%; ответы на открытый вопрос).*

Что касается самого Леонида Ильича, то тут сравнительно немногочисленные реплики респондентов разделились на хвалебные и критические примерно поровну. Одни говорили о достоинствах генсека, давая ему лестные характеристики и как главе государства, и как человеку.

*“Очень хорошо жил и служил Родине”; “отличный руководитель и хозяйственник”; “хороший мужик был”; “сильный политик, вождь”; “красавец; достойное лицо нашей страны”; “добрый”; “широкой души человек был” (3%; ответы на открытый вопрос).*

Другие отзывались о Л. Брежневе пренебрежительно (“бездарный политик”; “марионетка”; “пустой человек” – 1%), аттестовали его как “карикатурную личность”, персонажа анекдотов (1%), поминали – не всегда беззлобно – его пристрастие к наградам (1%), особенности внешности и дикции (1%).

Отметим для полноты картины, что некоторые респонденты в ответ на просьбу поделиться чувствами и ассоциациями, возникающими у них при упоминании имени Л. Брежнева, сообщили лишь, что оно напоминает им об отечественной истории (“прошлое”, “советские времена”, “история наша” – 3%), либо поведали интервьюеру, что названный человек – “бывший руководитель нашей страны”; “генеральный секретарь КПСС” (3%).

В целом высказывания участников опроса определенно свидетельствуют о том, что эпоха Л. Брежнева вызывает у большинства россиян по преимуществу благостные реминисценции. Это, естественно, подтверждается и распределением ответов на соответствующий закрытый вопрос: 61% опрошенных считают годы правления Л. Брежнева благополучным временем для нашей страны, и только 17% – неблагоприятным (22% – затрудняются с ответом). Причем среди тех, кому от 36 до 54 лет, позитивную оценку той эпохе дают 75% респондентов; среди тех, кто старше, – 74% (негативную – соответственно 14% и 18%). Что касается молодых респондентов (до 35 лет), то почти половина из них затрудняются дать оценку временам Л. Брежнева, но прочие гораздо чаще признают эти времена благополучными, нежели неблагоприятными (35% и 20% соответственно). Доли придерживающихся второй точки зрения сравнительно высоки среди граждан с высшим образованием (24%), москвичей (23%) и жителей других мегаполисов (31%), но и здесь, как видим, ощутимо преобладают позитивные оценки.

Вердикт общественного мнения относительно исторической роли самого генсека несколько менее определен – главным образом потому, что оценить

*Отвечая на вопрос об ассоциациях, связанных с именем Брежнева, респонденты гораздо больше вспоминали о времени, связанном с Леонидом Ильичом, нежели о нем самом*

ее респондентам оказывается сложнее, нежели соответствующий период: тут уже 34% опрошенных затруднились с ответом. Но половина респондентов (50%) уверенно заявляют, что Л. Брежнев сыграл положительную роль в истории страны; считают эту роль отрицательной 16% участников опроса. Среди представителей среднего и старшего поколений 61% и 62% соответственно придерживаются первой точки зрения (второй – 15% и 16%).

Стоит отметить, однако, что если респонденты, признающие роль Л. Брежнева положительной, почти единодушно в своей симпатии к маркированной его именем исторической эпохе, то среди считающих роль генсека отрицательной менее двух третей (63%) рассматривают ее как “неблагополучное время”, и при этом обнаруживается довольно заметное меньшинство (22% данной группы), полагающее, что годы его правления были для страны благополучными (табл. 1).

Иначе говоря, ностальгия по эпохе “развитого социализма” не в полной мере проецируется на фигуру Л. Брежнева. О причинах этого дают определенное представление ответы респондентов, так или иначе оценивших историческую роль Леонида Ильича, на открытые вопросы о том, почему они сочли ее положительной или отрицательной. Поклонники генсека фактически воспроизводили позитивные суждения, звучавшие ранее в ответ на вопрос о чувствах, мыслях и ассоциациях, связанных с именем Л. Брежнева (благополучие, достаток, всеобщая занятость, стабильность, спокойствие, порядок, крупные стройки и т. д.), – каких-либо иных, новых мотивов тут не возникало. А вот в репликах его критиков наряду с упоминаниями о “застое” и товарном дефиците, а также суждениями о бездеятельности и слабости первого лица государства появились и некоторые новые, ранее не звучавшие соображения. Так, одни говорили, что Л. Брежнев “дал возможность разложить страну”, что именно его правление заложило предпосылки последующих потрясений (“развал пошел оттуда”; “все разворовали при нем”; “его политика способствовала распаду СССР”), другие обвиняли генсека в покровительстве коррупции и бюрократизации (“коррупция пошла от него”; “бюрократию развел”), третьи ставили ему в вину отсутствие свобод (“закрытость страны”; “закомплексованность народа”; “железный занавес, беспощадное КГБ”). В целом подобные высказывания составили примерно треть от числа ответов тех, кто счел историческую роль Л. Брежнева отрицательной. Любопытно, что такие соображения

не были артикулированы респондентами изначально, при первом упоминании имени генсека – а лишь в связи с просьбой оценить итоги его деятельности в исторической перспективе.

Но так или иначе роль Л. Брежнева в истории страны, повторим, втрое чаще оценивается россиянами позитивно, нежели негативно (а представителями среднего и старшего поколений – вчетверо чаще). Когда же респондентов в возрасте от 40 лет (58% участников опроса) спросили, как они относились к нему в те годы, когда он возглавлял страну, соотношение мнений оказалось еще более благоприятным для Леонида Ильича – 7:1; 76% опрошенных указанной возрастной категории сказали, что относились к генсеку положительно, и только 11% – что отрицательно (осталь-

ные, соотношение мнений оказалось еще более благоприятным для Леонида Ильича – 7:1; 76% опрошенных указанной возрастной категории сказали, что относились к генсеку положительно, и только 11% – что отрицательно (осталь-

*Половина респондентов заявляют, что Л. Брежнев сыграл положительную роль в истории страны; считают эту роль отрицательной шестая часть участников опроса*

Табл. 1

% от групп (по столбцам)

	Население в целом	Если говорить в целом, какую роль, на Ваш взгляд, сыграл Л. Брежнев в истории нашей страны – положительную или отрицательную?		
		положительную	отрицательную	затрудняюсь ответить
<b>Как Вы считаете, годы правления Л. Брежнева были в целом благополучным или неблагоприятным временем для нашей страны?</b>				
Благополучным	61	89	22	37
Неблагополучным	17	4	63	15
Затрудняюсь ответить	22	7	14	47

ные затруднились с ответом)<sup>5</sup>. Особенно часто вспоминают о хорошем отношении к нему в селах (83%; относились плохо – 10%), но и в Москве (61% и 18% соответственно), и в других мегаполисах (71% и 9%) эта позиция преобладает безоговорочно. Среди обладателей высшего образования, добавим, 70% заявляют, что относились к Л. Брежневу положительно, 15% – что отрицательно.

Откровенно говоря, такое распределение ответов меня лично несколько озадачило: ну никак не припоминаются мне – применительно к брежневскому времени – ни массовое почтение, ни массовая любовь к генсеку ни в каких социальных стратах. С ярко выраженной неприязнью к нему, впрочем, тоже тогда доводилось встречаться не слишком часто; скорее, кажется, преобладало – причем чуть ли не повсеместно – отстраненно-ироническое отношение.

Разумеется, подозревать респондентов в лукавстве или в аберрации памяти на основании своих частных и совершенно нерепрезентативных реминисценций было бы, мягко говоря, не совсем корректно. Но можно, по крайней мере, предположить, что за словами участников опроса об их хорошем отношении к Л. Брежневу в годы его правления скрывается гамма чувств, не сводимая к высокой оценке качеств и достижений этого государственного деятеля, а иногда и не включающая такую оценку. Присмотримся повнимательнее к тому, как вспоминают о Л. Брежневе участники фокус-групп<sup>6</sup>.

### “Это сладкое слово – «халява»”

Прежде всего нельзя не заметить, что когда речь заходит об отношении к Л. Брежневу, модераторам никак не удается сфокусировать внимание респондентов на фигуре самого генсека. Участники дискуссий, как правило, сообщают, что и они сами, и окружающие относились к нему “нормально”, “положительно” – после чего разговор сразу же соскальзывает в плоскость обсуждения атрибутов повседневной жизни брежневской эпохи.

“Модератор: Какого было отношение населения к Брежневу?”

1-я участница: Я думаю, что хорошее, все положительно относились к нему.

<sup>5</sup> Считающие историческую роль Л. Брежнева положительной практически единодушно заявили, что относились к нему хорошо, в то время как среди оценивающих ныне его роль как отрицательную 37% опрошенных сказали, что тогда относились к генсеку позитивно, а 43% – что негативно.

<sup>6</sup> Дискуссионные фокус-группы в Москве, Санкт-Петербурге и Воронеже 5 декабря 2006 года.

2-й участник: *Нормально все относились к нему. Колбасы не было, а в гости пойдешь к кому-нибудь – то там любая колбаса в холодильнике была, и копченая, и вареная* (ДФГ, Воронеж).

“Модератор: *И вот вся наша сегодня беседа – она будет посвящена именно Брежневу. Какие у вас впечатления от этого человека?*”

1-я участница: *Нормальные.*

Модератор: *Что значит – нормальные?*

2-я участница: *Позитивные.*

Модератор: *Что для вас значит это имя?*

3-й участник: *Ну, он был очень хороший человек, в общем-то.*

Модератор: *Что значит – очень хороший человек?*

3-й участник: *Добрый, все про это говорили. В молодости очень красивый, его девушки любили.*

2-я участница: *И анекдоты про него нормальные.*

4-я участница: *Сам жил – и другим давал.*

2-я участница: *Да.*

5-й участник: *Вот, вот это правильно.*

2-я участница: *И зарплата была стабильна, и цены были стабильные. Работали все.*

6-я участница: *Квартиры получали.*

2-я участница: *Квартиры получали.*

1-я участница: *И югославскую колбаску ели.*

2-я участница: *Колбаса была нормальная.*

4-я участница: *Свободно можно было отложить.*

2-я участница: *Все люди работали – и получали нормально. Зарплата была нормальная.*

6-я участница: *Нет, опять же, была зарплата стабильная.*

2-я участница: *Да, да.*

7-я участница: *Отношения были совсем другими.*

2-я участница: *И зайдешь в магазин – пахло колбасой.*

7-я участница: *Если она была*” (ДФГ, Москва).

Как видим, модератор вынужден прилагать титанические усилия, чтобы добиться от респондентов хоть нескольких слов о самом генсеке, но как только в беседе всплывают какие-то характеристики эпохи “развитого социализма”, все оживляется и с энтузиазмом, перебивая друг друга, начинают добавлять свои штрихи в картину. Причем на всех фокус-группах ассортимент аргументов в пользу брежневской эпохи практически одинаков, стандартен: помимо непрерывной колбасы, а также уверенности в завтрашнем дне и всеобщей занятости, он включает в себя пионерские лагеря, путевки в санатории, возможность получения бесплатного жилья, приличный уровень жизни пенсионеров, отсутствие осязаемого материального расслоения, работающие заводы, преуспевающие колхозы (кстати, о нараставшем в те годы импорте продовольствия не вспомнил никто), БАМ, освоение космоса, военную мощь и статус сверхдержавы.

Надо сказать, что на всех фокус-группах нашлись респонденты – причем как пожилые, так и молодые, – которые оценивают ту эпоху негативно или по крайней мере сдержанно. Они говорят о товарном дефиците, бедности, урав-

*Нельзя не заметить, что когда речь заходит об отношении к Л. Брежневу, модераторам не удается сфокусировать внимание респондентов на фигуре самого генсека. Разговор соскальзывает в плоскость обсуждения атрибутов повседневной жизни той эпохи*

ниловке, о подавлении всяческой инициативы, застое, отсутствии свободы, привилегиях номенклатуры, коррупции, “холодной войне”, войне в Афганистане и т. д. Вспыхивают жаркие споры, в которых критики неизменно оказываются в меньшинстве. Причем показательно, что защитники “развитого социализма” зачастую не столько опровергают филиппики критиков, сколько сравнивают времена Л. Брежнева с сегодняшним днем – в пользу прошлого.

Приведем типичный пример. После весьма оживленного обмена доводами модератор спрашивает, на чем основано преобладающее на фокус-группе мнение, согласно которому Л. Брежнев сделал для страны больше хорошего, нежели плохого, и, получив лаконичный ответ – “стабильность”, ставит вопрос “ребром”.

“Модератор: *То есть стабильность все перевешивает – и дефицит, и ядерную угрозу, и холодную войну?*

1-я участница: *Да, стабильность все перевешивает.*

2-й участник: *Человеку хочется стабильности.*

3-я участница: *Все на работу ходили, к чему-то стремились, а сейчас не поймешь, кто и чем занимается.*

1-я участница: *Все знали, что у каждого есть работа и есть зарплата. А сейчас ничего этого нет.*

3-я участница: *Учились в институте бесплатно. А сейчас? Сколько денег нужно, чтобы ребенка выучить. Один дурак дураком – за него деньги заплатили, и он учится. А кто умница, тот сидит дома – у него денег нет.*

2-й участник: *При его жизни мы его, конечно, хулили. А если бы мы в те времена знали, какая жизнь станет сейчас, то слова плохого я бы не сказал про него” (ДФГ, Воронеж).*

Несколько позднее респондентка, сказавшая, что “стабильность все перевешивает”, отмечает, что в брежневские времена “не все можно было говорить – то, что думаешь”<sup>7</sup>, и тут же запальчиво заявляет:

*“Это окупается. Лучше жить спокойно и с сытым желудком, чем с пустым желудком – и орать на всю площадь, как ненормальная. Поорать, постоять – от этого хлеб не появится” (ДФГ, Воронеж).*

Л. Брежнев явно предстает в воспоминаниях большинства участников групповых дискуссий прежде всего гарантом и символом стабильного, спокойного, относительно сытого существования. Именно в этом качестве генсек для них ценен, и именно поэтому они настроены не давать его в обиду критикам.

*“В принципе вот главный чиновник в нашей стране воспринимается именно как царь... Этот царь был такой хороший, относительно демократичный, вменяемый – ну, на начальном этапе, да, – и в принципе вот за его царствование вот таких диких ляпов, которые делал Хрущев, не было; такого кошмара, такой крови, как делал Сталин, не было, такого кошмара, как Ленин, не было.*

*Л. Брежнев предстает в воспоминаниях большинства участников фокус-групп прежде всего гарантом и символом стабильного, спокойного, относительно сытого существования. Именно в этом качестве генсек для них ценен*

<sup>7</sup> Кстати, стоит заметить, что некоторые участники дискуссий – и даже не из числа самых преданных поклонников Л. Брежнева – с этим категорически не соглашались: они уверяют, что чувствовали себя в то время вполне свободными людьми.

*То есть это была вот такая стабильная, может быть, ну, с небольшими там огрехами, ошибками... – вот такое нормальное царствование, и все были довольны в принципе, вернее, большинство людей были довольны жизнью и знали, что примерно ожидать, что будет завтра”* (ДФГ, Москва).

*“1-й участник: По сравнению со Сталиным или Лениным, конечно, все было более спокойно. Там были такие волнения, страна переживала такие периоды громадные. А здесь все было как бы спокойно. И мне кажется, что это его заслуга, потому что он был руководителем в это время.*

*2-й участник: Мне кажется, что он дал отдых народу”* (ДФГ, Санкт-Петербург).

Не случайно Леонид Ильич представляется участникам фокус-групп добродушным, жизнелюбивым, незлобивым человеком – только об этих личностных характеристиках генсека согласно и довольно уверенно говорят многие респонденты.

*“Приятный, жизнелюбивый человек. Действительно жизнелюбивый – вот на него смотришь. Добрый”* (ДФГ, Санкт-Петербург).

*“Участник: Добрым был, наверное, не злым.*

*Модератор: Что значит – добрым?*

*Участник: На лице у него было написано. Он любил хорошо покушать, и попить, и отдохнуть любил. И народ тоже”* (ДФГ, Воронеж).

Никаких доводов в пользу этой точки зрения не приводится – несмотря на недоуменные вопросы немногочисленных критиков Л. Брежнева, пытающихся понять, на чем она основана. Однако похоже, что подобный имидж произведен от представления о генсеке как о гаранте покоя и стабильности: живому олицетворению этих свойств эпохи надлежит быть именно добродушным и миролюбивым – и соответствующие характеристики образа времени экстраполируются на фигуру правителя. Причем скорее всего такая экстраполяция произошла преимущественно не при жизни Леонида Ильича, а значительно позже – когда время его правления стало объектом массовой ностальгии.

Показательно и то, что участники обсуждений, в частности – продемонстрировавшие по ходу дискуссии явную симпатию к Л. Брежневу, определяли и свое собственное, и преобладавшее, по их мнению, в стране отношение к нему не только как “нормальное” или “положительное”, но и как “никакое”. Противоречия тут нет: респонденты фактически говорят о том, что спокойное, неподвижное брежневское время позволяло не обращать внимания на верховную власть – что в их глазах является бесспорным благом.

*“Модератор: Я имею в виду именно самого Брежнева – какое было к нему отношение?*

*1-я участница: Никакое.*

*2-й участник: Да, я думаю, что никто не обращал на это внимания. Все жили прекрасно, я думаю, в основном. Было не до политики.*

*1-я участница: Да, жили и жили.*

*3-й участник: Вот в то время была минимальная политизированность населения, она выражалась только в различных иронических отношениях”* (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Модератор: *Валерий, у Вас какие воспоминания о Брежневе?*”

1-й участник: *Практически никаких. Был и был, есть и есть. Знаешь, что завтра пойдешь на работу и вернешься обратно.*

2-я участница: *Получишь получку и аванс.*

3-я участница: *Раньше стабильность была.*

1-й участник: *И тебя по дороге не убьют, не ограбят.*

3-я участница: *Пусть мало было денег, но это было спокойнее”* (ДФГ, Воронеж).

В этом контексте “никакое” отношение к Л. Брежневу – синоним положительного отношения, “никакие” воспоминания о нем – синоним благодарной памяти. “*Хорошее руководство – то, которое не замечают*”, – заявляет участник воронежской фокус-группы, и это, похоже, преобладающее мнение. Надо полагать, подавляющий численный перевес участников массового опроса, заявивших, что они положительно относились к Л. Брежневу в годы его правления, над занявшими противоположную позицию во многом обеспечен именно этой тождественностью “никакого” и позитивного.

Отметим, впрочем, что, признавая те или иные недостатки брежневской эпохи и огрехи тогдашнего руководства страны – от коррупции до преследования инакомыслящих, от несправедливости в распределении жилья или билетов на кремлевские елки до вторжения в Афганистан, – участники групповых дискуссий склонны освобождать Леонида Ильича от “персональной ответственности”: возлагают вину на его окружение или на нижестоящее начальство, говорят о том, что генсека иногда дезинформировали.

Вместе с тем, особой уверенности в выдающихся талантах Л. Брежнева как государственного деятеля респонденты отнюдь не испытывают. В том числе – его поклонники. Один из них, например, заявляет:

*“Я бы его назвал просто хорошим человеком, но никудышным руководителем. Как руководитель – он никак не смотрится. Если мы видим Горбачева – можно его по-всякому оценивать – но мы его видим и слышим. Видим Путина сейчас, видим Ельцина – то есть это фамилии, это личности, которые звучат. С разными оттенками, но они звучат. А Брежнев – хороший человек. Душа-человек, с ним хорошо вытить и закусить”* (ДФГ, Санкт-Петербург).

Другая участница той же фокус-группы – едва ли не самая темпераментная сторонница Л. Брежнева, всемерно превозносящая его время, – на вопрос о том, можно ли ставить в заслугу генсеку различные достижения, перечисленные в ходе дискуссии, решительно заявляет: “*Конечно. Он же тоже стремился. Он переживал за свою страну... Он державник такой был. – И тут же продолжает – Но он был слабый державник, потому что доброты в нем было больше, чем мудрости*”. А на следующем витке дискуссии говорит, что при другом правителе “*не такая расслабуха была бы; может, меньше было бы воровства, кумовства целовального... По другому пути пошла бы страна. Может, даже и развала страны бы не было*”.

*Признавая те или иные недостатки брежневской эпохи и огрехи тогдашнего руководства страны, респонденты склонны освобождать Леонида Ильича от “персональной ответственности”: они возлагают вину на его окружение или на нижестоящее начальство*

И подобная двойственность сквозит в высказываниях многих участников фокус-групп. Респонденты, симпатизирующие Л. Брежневу, нередко говорят о нем со снисходительной, а иногда и пренебрежительной интонацией, не только комментируя такие безвредные и простительные, на их взгляд, слабости генсека, как, например, пристрастие к наградам<sup>8</sup>, но и признавая его не слишком дальновидным и в меру самостоятельным политиком. Причем привязанность к Леониду Ильичу – как к олицетворению эпохи, “духа времени” и гаранту безопасности, стабильности жизнеустройства – органично сочетается не просто с непочтительностью в отношении к нему, но и в некоторых случаях – с признанием его “несоответствия занимаемой должности” (в особенности, конечно, в последние годы правления). Чрезвычайно выразительно в этом плане еще одно высказывание цитировавшейся только что поклонницы Л. Брежнева, аттестовавшей его как “слабого державника”.

*“Он был как такой хранитель. Пусть такой дряхлый, слабый, смешной, но вот как в семье – цепляешься, чтобы кто-то из старших оставался. Это немножко скрепляет. Так и здесь. Потому что все эти встречи – пусть они были и показательные, все эти целования – но все-таки это была какая-то связь хорошая. И у меня была и жалость, и немножко было стыдно, что такая страна не может себе выбрать достойного руководителя”* (ДФГ, Санкт-Петербург).

Вспоминая о смерти Л. Брежнева, одни участники дискуссий говорили, что испытали тогда страх, растерянность (“чувство ужаса было”, “шок был”), другие – что подобных эмоций у них не было, а были, наоборот, смутные надежды на изменения к лучшему. Но и тех, и других, судя по репликам, прозвучавшим на фокус-группах, объединяло тревожное ощущение исторического перелома (причем это ощущение вспоминали не только люди пожилые, но и те, кому в 1982 году было 15–20 лет): ощущение конца эпохи, неизвестности и неизбежности перемен.

Сегодня они знают, что последовало потом, и видят брежневскую эпоху сквозь призму приобретенного опыта.

В большинстве своем – испытывают ностальгию: динамичные и болезненные социальные перемены очень способствуют восприятию предшествующего исторического этапа как “доброе старое время”. Но если одни при этом идеализируют эпоху “развитого социализма”, то другие – оценивают ее амбивалентно, усматривают в ней как достоинства, так и недостатки. Иначе говоря – в какой-то мере дистанцируются от собственной ностальгии, смотрят на нее “со стороны”. Сохраняясь как эмоциональная доминанта восприятия соответствующей эпохи, эта ностальгия утрачивает статус интерпретативной схемы, детерминирующей трактовки и оценки брежневской эпохи. Наиболее яркой иллюстрацией этой тенденции может служить монолог 60-летнего петербуржца, прозвучавший, подчеркнем, в самом начале дискуссии – как только была объявлена тема фокус-группы.

<sup>8</sup> “1-й участник: Как сорока – все блестящее любил. 2-я участница: Это хобби, кстати, совершенно безобидное” (ДФГ, Воронеж).

*Привязанность к Леониду Ильичу органично сочетается не просто с непочтительностью в отношении к нему, но в некоторых случаях – и с признанием его “несоответствия занимаемой должности”*



*“Тенсек – это золотая пора жизни. Это сладкое слово «халява». Это в то время родилось такое слово. Добродушие, миролюбие, отсутствие какой-то борьбы и противостояния – вот я так характеризую эпоху Брежнева. Но то, что движения вперед не было, – это нам, в принципе, и не требовалось. Я имею в виду обывателя. Стране, конечно, это требовалось – а обывателю это не требовалось. Обыватель имел хорошие или не очень, но продукты на столе. При всей бедности прилавков у всех все было в холодильниках. То есть это время, по которому сегодня – вот по этой спокойной атмосфере – скучают люди, которые это пережили. А те, кто живут сегодня в бурном потоке сегодняшней жизни, наверное, нуждаются в каких-то эпизодах из того времени”* (ДФГ, Санкт-Петербург).

Это рассуждение пронизано ностальгией, которая, однако, органично уживается с признанием “застойности” брежневской эпохи, оценкой ее как упущенного – с точки зрения общенациональных интересов – времени.

Те же респонденты, которые ностальгии не испытывают (среди пожилых участников групповых дискуссий их, повторим, немного), расценивают это время как “застойное” и в общественной, и в своей частной жизни – и ни в коей мере не склонны вспоминать о Л. Брежневе с элегической интонацией, в той или иной степени присущей большинству их собеседников. Участница той же, петербургской, фокус-группы, в конце беседы печально говорит, что она “профукала всю жизнь из-за него”, и тут же “взрывается”:

*“Я не знаю, какой он там добрый! Прошла такая эпоха – и я считаю, что она незаметная. В истории она не”* (ДФГ, Санкт-Петербург).

Ее не перебили – респондентка сказала то, что хотела сказать.

## **Наше время: позавчерашнее или сегодняшнее?**

Но вернемся к данным массового опроса. Его участников попросили пофантазировать и выделить “отличительные черты, особенности жизни того периода, когда страну возглавлял Л. Брежнев”, которые они перенесли бы в наше время, – и те, которые они переносить бы не стали. На первый из этих открытых вопросов ответили почти две трети опрошенных (63%). Хотя мы уже, кажется, неплохо представляем, что именно особенно привлекает наших сограждан в брежневской эпохе, стоит присмотреться к распределению ответов – оно позволяет, помимо прочего, уточнить иерархию атрибутов “развитого социализма”, особо ценимых россиянами сегодня.

Чаще всего респонденты говорили, что хотели бы вернуть бесплатное образование (14% от всех опрошенных): “*бесплатная учеба*”; “*учился бесплатно, можно было поступить в любой вуз*”; “*бесплатные вузы – очень тяжело собрать деньги на будущую учебу дочери*”.

Второе место по частоте упоминаний (13%) заняла стабильность, уверенность в завтрашнем дне: “*все было размеренно*”; “*жизнь стабильная была*”; “*эту стабильность, уверенность в завтрашнем дне*”.

На третьем месте – бесплатное здравоохранение (12%): “*бесплатное лечение*”; “*медицина была бесплатной – сейчас тоже надо медицину бесплатную*”.

Оговоримся: многие респонденты называли сразу несколько “особенностей жизни” брежневской эпохи<sup>9</sup>, и особенно распространенным “тандемом” оказалось “бесплатное образование и медицина”.

Четвертое место в перечне наиболее желанных ныне черт брежневской эпохи принадлежит всеобщей занятости (11%): “*всем рабочие места*”; “*безработицы не было*”; “*легче было найти работу*”.

Далее следуют низкие и стабильные цены, квартплата, тарифы на услуги ЖКХ (“*дешевизна товаров в магазинах*”; “*низкие цены*”; “*стабильность цен*”; “*раньше за квартиру платили копейки*” – 9%), достойные зарплаты и пенсии (“*зарплата соответствовала ценам*”; “*пенсии хватало на жизнь нормальную*”; “*зарплата, на которую можно было бы купить все*” – 7%), бесплатное жилье (“*квартиры давали бесплатно*”; “*получение жилплощади*” – 6%), социальная защищенность в целом (“*больше социальной направленности*”; “*социалка – забота о гражданах*”; “*защита населения*” – 4%), доброта людей, коллективистские нравы (“*люди были друг к другу добрее*”; “*народ был дружнее, приветливее*”; “*людскую совесть, заботу, доброту*”; “*взаимовыручка была тогда*” – 4%).

Некоторые вспоминают об экономике времен “развитого социализма” (“*планирование экономики*”; “*развитие промышленности*”; “*колхозы и совхозы вернуть бы*”; “*стабильность экономики*”), о формах опеки подрастающего поколения, присущих тому времени (“*октябрята, пионеры, комсомолы – интереснее, чем сейчас*”; “*забота о детстве, пионерские лагеря*”) – по 3%.

Далее – пунктиром: респонденты “предлагают” перенести из брежневской эпохи в наши дни “*порядок в стране*” (2%), “*безопасность*”; “*пониженный уровень преступности*” (2%), “*благополучие населения*” (2%), “*дружбу народов*”; “*интернационализм*” (2%), “*контроль общественный, народный, партийный за деятельностью чиновников*” (2%), “*патриотизм*” (1%), “*возможность ездить на море на отдых, самим и с детьми*” (1%) и т. д.

Назвать черты брежневских времен, которые им не хотелось бы переносить в день нынешний, респондентам оказалось значительно сложнее. Если на предыдущий открытый вопрос дали ответы 63% участников опроса, то на этот – лишь 38%. Причем практически половина из них (18% от всех опрошенных) говорили о товарном дефиците, очередях, талонах и иных механизмах распределения материальных благ: “*всеобщий дефицит*”; “*в магазинах пусто было*”; “*дефицит и громадные очереди*”; “*голые прилавки, блат, дефицит*”; “*карточки на продукты и одежду*”; “*талоны на продукты*”.

Кроме того, 6% опрошенных упомянули отсутствие свободы слова и иных свобод, политический диктат: “*не было права голоса*”; “*боязнь сказать, что думаешь*”; “*засекреченность всего*”; “*контроль партии за личной жизнью граждан*”; “*деятельность КГБ*”; “*чрезмерность цензуры*”; “*нетерпимость к инакомыслящим*”.

Реже участники опроса заявляли, что не хотели бы переносить из эпохи “развитого социализма” в сегодняшний день “*железный занавес*” (“*страна была закрыта от мира*”; “*запреты на поездки за рубеж*”) – 3%, уравниловку (“*серость и уравниловка*”; “*все одинаковые ходили*”), однопартийность (“*диктату-*

<sup>9</sup> Поэтому сумма ответов превышает 100% – хотя ответили на вопрос, как сказано, менее двух третей респондентов.

ра одной партии”; “обязаловка принадлежности к партии”), коммунистический режим (“*весь социализм*”; “*коммунизм*”; “*коммунистический строй*”), коррупцию и произвол бюрократии (“*поведение номенклатуры в смысле коррупции*”; “*бюрократия, судебный произвол*”; “*коррупция в высших чинах*”) – по 2%, бедность, войну в Афганистане, бесхозяйственность, геронтократию, застой в экономике – по 1%.

Все данные, приведенные выше, казалось бы, свидетельствуют о том, что российские граждане в большинстве своем определенно и недвусмысленно предпочитают брежневские времена нынешним. В самом деле, и первые, спонтанные ассоциации, возникающие у респондентов при упоминании Леонида Ильича, неизмеримо чаще оказываются окрашенными позитивно, нежели негативно. И вопрос о желательных “заимствованиях” из брежневской эпохи вызывает у них куда меньше затруднений, чем вопрос о “заимствованиях” нежелательных. И спектр атрибутов “развитого социализма”, которые они хотели бы, окажись это возможно, перенести в наше время, значительно шире, чем спектр его характеристик, которые они предпочли бы оставить в прошлом. И участники групповых дискуссий, сопоставляя брежневскую эпоху с нынешней, почти по всем параметрам предпочитали прошлое настоящему, а в особенности – по наиболее актуализируемым в этом контексте параметрам стабильности жизнеустройства и социальной защищенности. И, наконец, вспомним: брежневское время почти вчетверо чаще признается благополучным, чем неблагополучным.

Однако когда респондентов “в лоб” спрашивают: “*Какой период Вы считаете более благополучным для нашей страны – годы правления Л. Брежнева или наше время?*”, – результат оказывается совсем не таким однозначным, как вроде бы можно было ожидать. В пользу брежневской эпохи высказываются 41% опрошенных, а в пользу нынешних времен – 31% (остальные – затрудняются). “Счет”, как видим, отнюдь не разгромный.

Позиции респондентов в этом вопросе, как нетрудно догадаться, очень сильно зависят от их возраста: среди молодежи только 16% опрошенных считают более благополучным брежневское время, а 46% – наши дни, среди представителей среднего поколения – 53 и 25% соответственно, среди относительно пожилых россиян – 59 и 19%. Было бы, однако, неверно представлять дело так, что пожилые испытывают привязанность к брежневской эпохе просто потому, что хорошо помнят ее и воспринимают как “свою”, а молодые, выросшие в постсоветские годы, предпочитают знакомое им историческое время “чужому”, незнакомому и непонятному. Это обстоятельство наверняка играет определенную роль, но, по-видимому, не менее важно и то, что молодежь имеет преимущественный, в сравнении со старшим поколением, доступ к различным социальным ресурсам, и именно как “ресурсная” группа сегодняшнего российского общества предпочитает его социуму, построенному на принципиально иных основаниях.

В подтверждение сказанного можно сослаться на более чем ощутимый разрыв в суждениях между обитателями мегаполисов (еще одной относительно “ресурсной” группы), с одной стороны, и сельскими жителями (группой,

*В целом высказывания участников опроса определенно свидетельствуют о том, что эпоха Л. Брежнева вызывает у большинства россиян по преимуществу благостные reminiscenции*

обделенной социальными ресурсами) – с другой. Если в мегаполисах (без учета Москвы) только 30% опрошенных считают более благополучным брежневское время, а 50% – время нынешнее, то в селах, напротив, за прошлое “голосуют” 51%, а за настоящее – только 23%. И еще: если среди респондентов со средним образованием (как общим, так и специальным) распределение мнений близко к средним показателям по выборке в целом, то те, кто полного среднего образования не получил, гораздо решительнее высказываются за эпоху “развитого социализма” (59% – при 19% отдающих предпочтение нашим дням), а обладатели высшего образования чаще считают более благополучным именно нынешнее, а не брежневское время (41% и 31% соответственно).

Но, может быть, доля признавших нынешнее время более благополучным, чем брежневское, оказалась довольно высокой отчасти потому, что формулировка вопроса побуждает респондентов сравнивать эти эпохи с точки зрения общенациональных интересов? Ведь речь тут идет о том, какое время является более благополучным “для нашей страны”, – а мы видели, что по крайней мере некоторые участники групповых дискуссий склонны оценивать брежневскую эпоху в этой плоскости несколько более критически, чем в плоскости обсуждения ее с позиций интересов рядовых граждан (для людей – отдых, “раслабуха”, для страны – отставание, застой).

Предположение вроде бы логичное. Но, как выясняется, ошибочное. После того как участники опроса “инвентаризировали” свои представления о брежневском времени, назвав (или не назвав) те его отличительные черты, которые они хотели бы перенести в наше время, и те, которые предпочли бы оставить в прошлом, им был задан итоговый вопрос, апеллирующий – в данном контексте – уж точно не к представлениям респондентов об общенациональных или государственных интересах, а к их собственным, частным предпочтениям: “А если бы сейчас было возможно вернуть страну в тот исторический период, когда ее возглавлял Л. Брежнев, со всеми отличительными чертами и особенностями жизни того периода, Вы бы хотели или не хотели, чтобы это случилось?” И тут перевес оказался уже на стороне тех, кто возвращаться в прошлое не хотел бы: 36% опрошенных высказались за такое “путешествие во времени”, 42% – против.

Разумеется, среди молодежи доминируют противники возврата в эпоху “развитого социализма”, а среди тех, кто старше 54 лет, наоборот, преобладают, хотя и не столь ощутимо, сторонники такого возврата (*график 1*).

Но, пожалуй, самое интересное тут – распределение мнений среди представителей среднего поколения, знающего о брежневской эпохе не понаслышке<sup>10</sup> и вместе с тем остающегося в активном, трудоспособном возрасте сейчас. Люди среднего возраста, как мы видели, в два с лишним раза чаще признают брежневское время более благополучным, чем нынешнее, нежели занимают противоположную позицию (53 и 25% соответственно). Когда же речь заходит о возвращении в “развитый социализм”, их “голоса” делятся почти поровну: 44% – за, 39% – против.

<sup>10</sup> Даже самые младшие представители этой возрастной когорты достигли вполне “сознательного” возраста – заканчивали школу – если не при Брежневе, то в первые годы после его смерти, еще до того, как горбачевская перестройка вступила в решающую фазу и “дух времени” качественно изменился.

А если бы сейчас было возможно вернуть страну в тот исторический период, когда ее возглавлял Л. Брежнев, со всеми отличительными чертами и особенностями жизни того периода, Вы бы хотели или не хотели, чтобы это случилось?

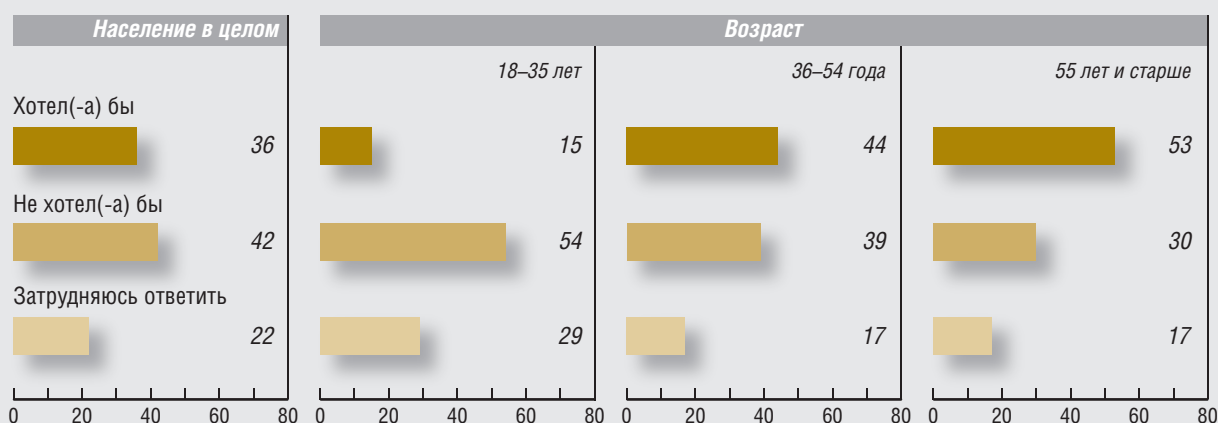


График 1. Желательность возврата страны в брежневскую эпоху (возрастные группы, % от групп)

А если бы сейчас было возможно вернуть страну в тот исторический период, когда ее возглавлял Л. Брежнев, со всеми отличительными чертами и особенностями жизни того периода, Вы бы хотели или не хотели, чтобы это случилось?

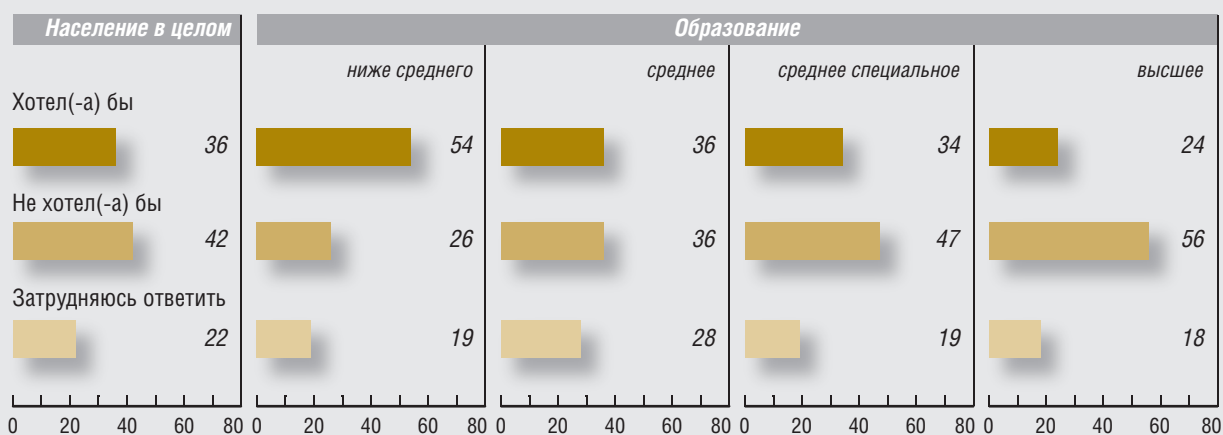


График 2. Желательность возврата страны в брежневскую эпоху (группы по образованию, % от групп)

Отметим, кстати: если считающие брежневское время неблагоприятным для нашей страны в подавляющем большинстве своем высказываются, естественно, против возврата в это время, то оценивающие его как благоприятное далеки от единодушия: 53% хотели бы этого, но 29% – не хотели бы.

Противники возврата в прошлое безоговорочно доминируют в Москве (17% – за, 63% – против) и других мегаполисах (25 и 57%), ощутимо преобладают они и в иных крупных городах (35 и 45%). В малых городах сторонников и противников возврата в прошлое – поровну (по 38%), и только в селах – больше тех, кто предпочел бы вернуться в эпоху Л. Брежнева (45 и 31%).

Столь же ощутимы контрасты и между группами, различающимися по образовательному уровню (график 2).

Как видим, “ресурсные” группы отчетливо предпочитают наше время, а группы, в наименьшей степени обладающие доступом к социальным ресурсам, склонны высказываться в пользу возврата в брежневскую эпоху.

Чем же объясняется такое распределение мнений наших сограждан относительно желательности реанимации “развитого социализма” – распределение, выглядящее странным на фоне всех прочих данных исследования (оценок брежневского времени и лично Леонида Ильича, ответов на различные открытые вопросы, материалов групповых дискуссий), вроде бы предуготовлявших нас к тому, что россияне решительно “проголосуют” за возврат в “доброе старое время”?

По-видимому, образ этой эпохи, сформировавшийся в глубинах массового сознания к сегодняшнему дню, далеко не однозначен. В нем сочетаются, переплетаются как позитивные, так и негативные характеристики, черты “доброе старое время” и “проклятого прошлого”. Но публично в большей мере акцентируются “светлые” стороны

брежневской эпохи, и это – наследие 90-х годов. В прошлом десятилетии, воспринимавшемся, повторим, как антитеза “развитого социализма”, критиковать последний – значило де факто позиционировать себя как приверженца Б. Ельцина, его политики, “духа времени” ельцинской эпохи. И чем менее популярным становилось ельцинское время, тем прочнее табуировалась критика времени брежневского. Сейчас эти “запреты”, очевидно, несколько ослабли, но полностью не исчезли. Речь, понятно, не о самоцензуре и тем более не о лицемерии – мы говорим о сформировавшемся публичном дискурсе, в той или иной мере определяющем окраску реминисценций и оценочных суждений, касающихся брежневской эпохи.

Кроме того, апелляции к этой эпохе – наиболее “удобный” для обыденного сознания способ формулировать запрос на социальную защищенность, на зрелую и ответственную социальную политику. Однако за этим далеко не всегда действительно стоит стремление к воспроизводству соответствующей макро-социальной модели.

И еще одно наблюдение: ностальгия как эмоциональный комплекс не наследуется следующим поколением. Молодежь принимает к сведению эгегические воспоминания старших и отнюдь не спешит опровергать их – с “насмешкой горькою обманутого сына”. Но стремление к идеализации брежневской эпохи молодым людям по преимуществу чуждо, и идея возвращения в нее – “со всеми отличительными чертами и особенностями жизни того периода” – их совершенно не прельщает. А значит – несколько сусальный образ брежневской эпохи, бытующий сегодня в массовом сознании, будет постепенно тускнеть. ■

*“Ресурсные” группы отчетливо предпочитают наше время, а группы, в наименьшей степени обладающие доступом к социальным ресурсам, склонны высказываться в пользу возврата в брежневскую эпоху*

# Продукты питания – отечественные и импортные

**В** подавляющем большинстве россияне предпочитают отечественные продукты питания (84%). Лишь 2% участников одного из опросов ФОМа заявили, что при одинаковой цене купят скорее импортные продукты. Для каждого десятого респондента страна-производитель не имеет значения. Заметим, что структура массовых предпочтений в отношении российских и импортных продуктов питания принципиальным образом не изменилась с 1999 года, когда был проведен первый опрос на эту тему.

Отечественные продукты, по мнению населения, качественнее, лучше импортных (так заявили, отвечая на открытый вопрос, 28% респондентов), они более натуральные, “без отравы” (24%), выращены на своей земле (7%) и вообще вызывают больше доверия (16%); при этом они “вкуснее” (8%) и “свежее” (5%). Часть респондентов (6%) говорили о патриотических мотивах своего потребительского поведения – о желании поддержать отечественного производителя (“...в патриотических целях”; “надо поддержать нашу экономику”; “живу в России, патриот”).

На продовольственных прилавках сегодня широко представлена продукция самых разных производителей, поэтому вопрос, каких продуктов питания в магазинах больше – отечественных или импортных, – вы-

звал массовое затруднение: 29% респондентов не смогли на него ответить. Заметим, что жителям села оценить соотношение импортной и отечественной продукции оказалось не менее, если не более, сложно, чем москвичам (31% и 26% соответственно). Преобладающим все же является представление, что отечественных продуктов на прилавках больше, – 45% ответов. Чаще других об этом говорят жители больших городов и мегаполисов (но не Москвы) – 53% и 56% соответственно. По мнению четверти опрошенных (26%), в торговле преобладают импортные продовольственные товары (такой ответ чаще всего звучал в Москве – 47%).

На нехватку тех или иных продуктов отечественного производства жалуются 37% респондентов. В ответах на соответствующий открытый вопрос они прежде всего отмечали недостаток “своих” фруктов (20%) и овощей (12%), мяса и птицы (15%), рыбы и рыбных продуктов (11%). Ровно половина опрошенных заявили, что в местных магазинах всех видов отечественных продуктов питания достаточно. Такое мнение чаще высказывают жители села (57%), а также люди, которым приходится ориентироваться, по-видимому, на довольно ограниченный рацион питания, – это те, кто располагает относительно низким среднестатистическим доходом и имеет образование ниже



среднего (60 и 58% соответственно). Заметная доля опрошенных (13%) затруднились назвать отечественные продукты, которых недостаточно в магазинах их города или села, – хотя и не сказали определенно, что таких продуктов достаточно.

Свыше половины опрошенных (54%) высказали мнение, что наше сельское хозяйство производит недостаточно продукции, чтобы обеспечить страну продовольствием; противоположного мнения придерживаются 31% респондентов, затруднились с ответом – 15%. Трудно сказать, из чего исходили участники опроса в своих обобщенных “экспертных” оценках – из собственного потребительского опыта или из внешней, медийной информации. Как бы то ни было, но половина из них (51%) уверены, что в случае ограничения импорта продуктов питания дефицита продовольствия в стране не будет; 29% думают, что это произойдет; каждый пятый (21%) затруднился дать какой-либо прогноз на этот счет.

**И. Шмерлина**

*Общероссийский опрос населения от 15–16 июля 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).*

# П. Бавин

## Координаты духовности: от храма до кошелька

**В** сегодняшнем российском медиапространстве есть термины и понятия, которые, с одной стороны, употребляются довольно часто, а с другой – не имеют внятного определения, или их определения размыты, неоднозначны.

Знакомые всем со школьной скамьи словосочетания “духовное сословие”, “духовное звание” вроде бы однозначно указывают на жесткую связь слова “духовный” с религиозной, церковной сферой. Вместе с тем сегодня оно чаще употребляется в контексте, с религиозностью и церковностью не связанным.

Наука также не дает однозначного ответа на вопрос, что же следует понимать под “духовностью”. Академический (4-томный) словарь русского языка огоршает уже тем, что атрибутирует это слово как “книжное, устаревшее”; при этом о религиозной составляющей в толковании не упоминается вовсе. Если обратиться к эпохе, когда идеология не находила прямого отражения в лингвистике, то мы увидим, что в словаре Даля слово “духовность” присутствует в единственном значении: “состояние духовного”, а в толковании прилагательного “духовный” Даль не проводит четкой границы между “нравственным состоянием” и мировоззрением (“все умственные и нравственные силы его [человека], ум и воля”), выделяя лишь религиозную составляющую, что понятно: прилагательное “духовный” упоминается в словосочетании “духовный отец”, обладающем стопроцентной семантической ясностью – речь идет о человеке клира.

Вернемся к более близким нам временам – к веку двадцатому. На рубеже 80–90-х годов слово “духовность” (“духовный”), по всей видимости, стало употребляться так часто, что породило снижающее словоупотребление. Так, например, О. Хрусталева, говоря об А. Вознесенском и Е. Евтушенко, характеризует их поведение как “декоративную духовность” (1989 год)<sup>1</sup>, а в 1996 году Борис Гребенщиков пишет такие строки: “Ох, не хило быть духовным – в голове одни кресты”.

В первом случае снижению подвергается претензия упомянутых поэтов на особую позицию в среде советской интеллигенции, сугубо светской “аудитории”. Во втором примере “снижению” подвергается уже само слово “духовность”, которое стало “слишком часто” пониматься исключительно как приверженность религиозным установкам.

<sup>1</sup> Гаспаров М. Записки и выписки. М.: Новое литературное обозрение. 2000. С. 22.



Как же термин “духовность” понимается сегодня? Как показал опрос, это слово знакомо подавляющему большинству жителей нашей страны – 91%. Обратимся к ответам респондентов на открытый вопрос: *“Как Вам кажется, что такое «духовность»? Как Вы понимаете это слово?”* – и увидим, сколь широкий спектр значений имеет данное понятие в массовом сознании<sup>2</sup>.

Четверть респондентов (25%) объясняли “духовность” как термин религиозный, связанный с верой в Бога.

*“Вера в Бога”; “духовность – единое целое с Богом”; “Господь Бог”; “христианская религия”; “близость к Богу”; “это что-то связано с церковью”; “быть ближе к церкви”; “ближе к религии”; “я своего Аллаха знаю, верю в него и буду верить”* (ответы на открытый вопрос).

К этой группе примыкают, на наш взгляд, суждения, авторы которых полагают, что духовность – это *“вера, любовь, вера во что-то хорошее”* (5%).

Каждый пятый респондент считает, что духовность – это совокупность положительных моральных качеств человека.

*“Высокая мораль, нравственность”; “душевный человек”; “доброта и человечность”; “взаимопонимание, поддержка”; “доброта, помощь другим людям”* (21%; ответы на открытый вопрос).

Сюда же можно отнести суждения, в которых духовность характеризуется как некое позитивное начало внутри человека, чистота души.

*“Чистота мыслей и намерений”; “душой чистые люди”; “чистота внутренняя”; “душевные качества”; “это гармония внутреннего мира”; “жить в мире с самим собой”* (7%; ответы на открытый вопрос).

Часть опрошенных полагают, что духовность – это прежде всего интеллектуальное богатство человека: его ум, способности, кругозор.

*“Умный, рассудительный человек”; “интеллект человека”; “духовность – это разносторонние знания”; “образованность, чтение книг”* (8%; ответы на открытый вопрос).

К этому сегменту относятся высказывания, в которых духовность понимается как определенное мировосприятие человека, а также его стремление к совершенствованию.

*“Мировоззрение”; “отношение людей к жизни”; “как я отношусь ко всему окружающему”; “работа над собой”; “развитие личности”; “стремление к развитию, воспитанию в себе высших ценностей”; “самопознание”* (5%; ответы на открытый вопрос).

Еще одна группа суждений (10%) оказывается как бы на границе между второй и третьей: в них духовность определяется как внутренний мир человека – без уточнений, о нравственной или интеллектуальной стороне этого мира идет речь.

Таковы три основных семантических поля, в которых находится понимание духовности: религиозность, нравственность, интеллект. При этом примерно в трети ответов “духовность” трактуется в плоскости рассуждений о вере, в трети – в плоскости моральных устоев человека, и примерно в шестой части “духовность” интерпретируется как интеллектуальный багаж личности.

<sup>2</sup> Общероссийский опрос населения от 16–17 декабря 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

Разговор о духовности в современном российском обществе чаще всего разворачивается в модальности “рост – падение” – больше или меньше стало духовности в обществе по сравнению с советскими временами. Как распределяются мнения наших сограждан по данному вопросу? Примерно половина опрошенных (49%) считают, что духовности в жизни общества стало меньше, каждый четвертый (23%), напротив, полагает, что духовности стало больше, чем раньше. Отметим, что различий по возрастным группам практически нет – в данном аспекте возможность сравнивать прошлое и настоящее на основании личного опыта роли не играет.

Какие же явления современной российской жизни упоминаются респондентами, полагающими, что духовности в жизни общества стало меньше, чем было в советские времена?

Чаще всего, отвечая на соответствующий открытый вопрос, респонденты говорят о материальном факторе, причем в двух модальностях. Первая – люди стали больше стремиться к деньгам.

*“Больше людей интересуют материальные ценности”; “власть денег потопила духовность”; “все в бизнесе”; “все решают деньги”; “выгода, и ничего более”; “деньги играют все”; “деньги правят, все стремятся урвать, обогатиться”; “думают о материальном”; “культ денег”* (10%; ответы на открытый вопрос).

Вторая – у людей стало меньше денег.

*“Люди стали бедные, и голодные проблемы губят духовность”; “все озабочены, как выжить”; “жизненный уровень нас ожесточил”; “жизнь стала тяжелей”; “из-за бедности”; “люди заняты проблемами работы, быта”* (4%; ответы на открытый вопрос).

Итак, в первом случае снижение духовности понимается как явление, сопряженное со стремлением людей к обогащению, а во втором случае оно связывается с противоположной тенденцией – снижением уровня жизни, обнищанием людей. В первом случае интонация обвинительная, во втором – скорее оправдательная.

Обратим внимание на еще один распространенный аргумент тех, кто отмечает падение уровня духовности в обществе: *“злые все стали”* – злоба как показатель отсутствия духовности.

*“Больше зла в сегодняшней жизни”; “больше людей злых, завистливых”; “все озлобленные, ничего нет человеческого”; “добра мало”* (11%; ответы на открытый вопрос).

И еще одно свидетельство падения духовности – разобщенность.

*“Жизнь такая – всем на всех безразлично”; “каждый сам за себя”; “люди стали более безответственные к окружающим”; “люди – эгоисты”; “сейчас всем все равно”* (6%; ответы на открытый вопрос).

Итак, комплекс аргументов тех, кто считает, что уровень духовности в обществе снижается, таков: возросшая злоба, бедность, тотальное стремление к материальным благам, разобщенность. Если считать, что духовность, с точки зрения этих людей, была выше при зеркально обратных тенденциях, то картина общественного устройства того времени получается – загляденье: нестяжательство при нормальном уровне достатка, сплоченность и взаимная доброта. Идеал общинного, безамбициозного существования, коллектива, где каждый довольствуется тем, что у него есть, и при этом всегда приходит на выручку соседу. Воз-

Табл. 1

% от групп (по столбцам)

	Население в целом	Как Вам кажется, что такое духовность? Как Вы понимаете это слово?					
		I группа		II группа		II-III группа	III группа
		вера в Бога	вера, любовь	нравственность человека	положительные качества человека	внутренний мир	ум, образованность
<b>Сегодня в жизни общества по сравнению с советским временем духовности...</b>							
Больше	23	46	46	16	16	18	11
Меньше	49	39	39	70	70	63	73
Затрудняюсь ответить	28	15	15	14	14	19	16

можно, этому образцу в значительной мере соответствует остаточный комплекс представлений о коммунальном быте советской эпохи.

А что же те, кто говорит о подъеме духовности в современном российском обществе, видят ли они укрепление общинно-справедливого уклада? Отнюдь нет. Рост духовности отмечается теми, кто смотрит на проблему совершенно с другой стороны.

Три четверти ответов людей, считающих, что духовности сегодня по сравнению с советскими временами стало больше, отражают их представление о духовности как о религиозном чувстве (14% по выборке).

*“Больше верующих стало”; “больше ходят в церковь”; “все стали верующими”; “люди больше ходят в церкви, в мечети”; “более открыто стали ходить в церковь”; “в советское время люди не могли ходить в церковь”; “выступление священников по радио, телевидению”; “религия стала возрождаться”; “много восстанавливается церковью, и больше стало верующих”; “можно смело говорить о своем отношении к религии”* (ответы на открытый вопрос).

В приведенных высказываниях подъем религиозной духовности интерпретируется в двух ракурсах: а) рост личной религиозности, числа верующих; б) усиление религиозной составляющей в политике государства, открытость государственных каналов для религиозных деятелей, отсутствие государственных гонений на верующих.

Итак, важно отметить: представление о росте или падении духовности базируется не на разных взглядах на одно и то же явление, а на различном понимании самой сути духовности. В наиболее наглядной форме этот тезис проиллюстрирован в табл. 1, где даны распределения ответов на вопрос о росте / падении духовности в современной России в зависимости от ответов на открытый вопрос о понимании “духовности”, который мы разбирали выше.

Если духовность понимается как степень религиозности, то, по мнению респондентов, она сегодня скорее растет, если как мера оценки нравственности и тем более ума, интеллекта – то падает.

Мы уже видели, что причиной падения духовности многие респонденты называют материальные условия жизни и их значимость в повседневной жизни современных россиян. В еще более явном виде эта связь “материального” и духовного выявилась в ответах респондентов на открытый вопрос: *“Что, по Вашему*

*мнению, сегодня могло бы более всего способствовать росту духовности в жизни нашего общества?”*

Наиболее эффективной мерой, способной стимулировать рост духовности, по мнению почти каждого четвертого из давших ответ на этот вопрос (10% по выборке в целом), является повышение уровня жизни людей, увеличение пенсий, зарплат.

*“А будет народ жить нормально – и люди лучшие станут”; “...достаток финансов – тогда люди будут духовно богаты”; “денег надо больше людям, нет возможности пойти в театр, кино, тут не до духовности”; “достаток”; “если бы люди жили богаче, было бы больше духовности”* (ответы на открытый вопрос).

Характерно, что чаще других такой ответ давали именно те респонденты, которые под духовностью понимают интеллектуальный багаж человека – они же, напомним, чаще других говорили и о том, что уровень духовности в обществе заметно снизился.

Примерно столь же часто (9%) в качестве наиболее действенного способа поднять духовность называлось совершенствование системы воспитания.

*“Воспитание детей с садика”; “воспитание другое надо”; “воспитание с детского возраста”; “надо больше времени уделять молодежи”; “воспитание людей в любви друг к другу”; “воспитание доброты, отзывчивости”; “воспитание культуры общения с малых лет”; “воспитание культуры поведения”; “воспитание с детства нравственных принципов; любовь, совесть, долг”; “воспитывать нужно в каждом человеке духовность”* (ответы на открытый вопрос).

Говорилось и о религиозном пути развития духовности. Пятая часть ответивших на соответствующий открытый вопрос (или 9% опрошенных в целом по выборке) полагают, что росту духовности лучше всего может способствовать строительство храмов, религиозное воспитание.

*“Более внимательное отношение к церкви, восстановление храмов, просвещение духовной литературой”; “больше внушать молодежи Божье начало”; “больше пропагандировать духовную литературу в школах, институтах”; “больше распространялось <бы> православной религии не искаженной”; “быть ближе к Богу”; “в школах и детсадах знакомить детей с церковью”; “в этом могла бы принять участие церковь – она нас приближает к духовной жизни”* (ответы на открытый вопрос).

И, наконец, нельзя обойти вниманием тот факт, что в перечне наиболее эффективных способов повышения уровня духовности далеко не последнее место заняла такая мера, как введение цензуры в СМИ, прежде всего – на телевидении.

*“Ввести цензуру на средства массовой информации”; “запретить показ боевиков, эротики, ужасов”; “изменение политики в области культуры, рекламу убрать”; “на ТВ убрать хамство, убийства, показывать больше культуры”; “поменять телевизионные программы”; “пропаганда телевидением духовности, убрать из телевидения рекламу с намеком на секс, пошлые передачи”* (6%; ответы на открытый вопрос).

Итак, росту духовности будут способствовать: деньги (для взрослых), воспитание (для детей и подростков), цензура в СМИ (для тех и других); религиозная пропаганда, строительство храмов.

Разумеется, Академический словарь русского языка 1981 года издания сильно лукавил, помечая слово “духовный” как книжное, устаревшее. Из ответов только на три открытых вопроса одной анкеты мы видим, сколько тем, сюжетов и проблем российского общества проступает в разговоре о “духовности”: от цензуры в СМИ до строительства церквей – это ли не показатель его актуальности?

Раньше светское и религиозное, церковное понимание духовности существовали взаимосвязанно. Сегодня же два семантических поля слова “духовность” пересекаются слабо. Люди, утверждающие, что уровень духовности в нашем обществе растет, по сути, не спорят с теми, кто считает, что он падает, – просто слово в этих группах понимается по-разному. Причина этого кроется в появлении тезиса “бедность мешает духовности” – если угодно, в материализации духовности. Собственно, ничего удивительного в этом нет – многолетняя пропаганда максимы “бытие определяет сознание” не могла пройти бесследно. ■

МЕЖДУ ПРОЧИМ

# Профессия: *врач*

**О**браз врача – ключевой фигуры здравоохранения – в российском массовом сознании неоднозначен. Около трети участников проведенного ФОМом опроса (31%) убеждены, что престиж профессии врача в последнее время растет; чуть выше доля считающих, что ничего в этом отношении не меняется (35%). По мнению 18% респондентов, престиж медиков снижается.

Почти половина наших сограждан (45%) полагают, что современные российские врачи обладают низким уровнем квалификации и профессиональных знаний. Еще выше доля убежденных, что большинство российских врачей относятся к своим пациентам невнимательно и равнодушно (56%). Позитивные оценки квалификации врачей и их отношения к больным звучали заметно реже – соответственно в 34% и 30% случаев.

Треть россиян считают, что сегодня врачи справляются со своими обязанностями “плохо” (23%) или даже “очень плохо” (10%). Основные аргументы, которые в ответах на открытый вопрос приводили респонденты, обосновывая свое мнение, – это ссылки на холодное, безразличное отношение медиков к пациентам (11%) и недостаточный уровень их квалификации (6%).

Треть участников опроса (35%) оценили работу врачей как “удовлетворительную”, но, судя по ответам на соответствующий открытый вопрос, за такой оценкой также часто стоит недовольство работой медиков.

По мнению пятой части опрошенных, врачи делают свое дело “хорошо” (16%) и даже “отлично” (2%). Аргументируя свой

ответ, люди часто ссылались на собственный опыт общения с теми или иными специалистами (“детские хорошо работают, к другим не обращалась давно”; “делали дочке две операции – хорошо всё”; “личный опыт – негатива не было”; “меня врачи вытащили с того света”).

За последние четыре года представления россиян о том, насколько хорошо врачи справляются со своими обязанностями, существенно изменились к худшему. Так, в июле 2002 года неудовлетворительную оценку работе врачей выставляли на 10 п.п. меньше россиян, чем теперь (она составляла тогда 23%, причем 18% сказали, что врачи работают “плохо”, а 5% – что “очень плохо”). Выше была доля “удовлетворительных” и “хороших” оценок (41% и 23% соответственно, что на 6–7 п.п. выше нынешних показателей).

Что касается конкретных обращений к врачам за последнее полгода, предшествовавшие опросу, то 31% респондентов остались этими визитами довольны (в 2002 году – 34%), а 27% – недовольны (было – 23%). Примерно две пятых россиян, по данным того и другого опроса, в течение полугодия к врачам не обращались.

*И. Шмерлина*

**Т**ема алкоголизма и, шире, алкогольного поведения людей может служить хорошей иллюстрацией идей феноменологов, описывающих функции и соотношение обыденных и научных теорий. Алкоголизм – с одной стороны, предмет анализа многих экспертов: химиков, биологов, психологов, врачей, криминологов, социологов и проч., а с другой – тема повседневного теоретизирования “человека с улицы”. Р.М. Фрумкина в рецензии на книгу Дж. Цаллера “Происхождение и природа общественного мнения” обращает внимание на аксиомы Цаллера, описывающие взаимодействие “профанного” и “экспертного” знания [Фрумкина. 2006. С. 109]. В частности, аксиома “когнитивной вовлеченности” постулирует, что человек больше заинтересован в сообщении, высказывании эксперта, если оно касается положения дел в той области, в которую он включен.

## С. Климова

# АЛКОГОЛИЗМ: *обыденные теории*

Люди довольно часто вынуждены оценивать, интерпретировать, прогнозировать свое поведение и поведение окружающих в связи с алкогольными проблемами; соотносить свое знание этой темы с объяснениями, которые предлагают специалисты. Результаты нашего исследования дают некоторое представление о масштабах проблемы: 40% россиян, участвовавших в опросе 9–10 декабря 2006 года<sup>1</sup>, сказали, что среди их знакомых, родственников есть алкоголики. Конечно, люди могли назвать алкоголиком и человека, не страдающего зависимостью, а просто употребляющего спиртное чаще, чем принято в данном микросоциуме. Впрочем, нарушение норм, связанных с потреблением крепких напитков, – уже ступенька на пути к алкоголизму. В любом случае мы можем констатировать, что эту, весьма значительную, часть опрошенных беспокоят алкогольные привычки близких. Кстати, чаще других заявляют об этом люди бедные (с ежемесячным доходом до 2000 рублей) и жители больших городов (по 46%). Реже – москвичи (32%).

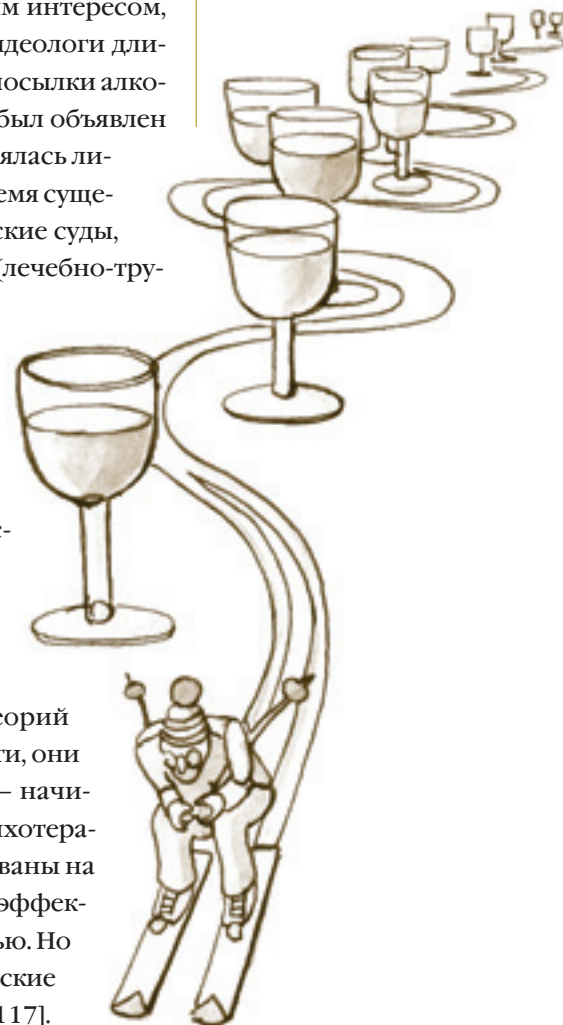
Специалисты различают потребление алкогольных напитков в рамках принятых в обществе норм (так называемое культурное потребление); злоупотребление алкоголем – пьянство; и алкоголизм – заболевание, именуемое по международной классификации болезней “синдромом алкогольной зависимости”. Алкоголизм проявляется в виде психической и физической зависимости от алкоголя; приводит к психической и социальной деградации личности, патологии обмена веществ, внутренних органов, нервной системы [Девиантность... 2000.

<sup>1</sup> Общероссийский опрос. 100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1 500 респондентов.

С. 30]. С помощью многочисленных экспериментов доказано, что алкоголизм является заболеванием, в развитии которого существенную роль играют наследственные факторы. Вместе с тем врачи и генетики всегда признавали и значимость среды в развитии алкоголизма [Алкоголизм и наследственность. 1987. С. 5–6]. Московский врач К.М. Бриль-Краммер в работе 1819 года “О запое и лечении оного” писал, что большинство его пациентов-алкоголиков обзавелись этим недугом во время войны 1812 года, “когда многие лишились своего покоя, имущества и ближайших своих родственников”. Он показал также более высокую частоту алкоголизма у людей низших сословий, испытывающих постоянный гнет и лишения [Девиантность... 2000. С. 31].

Все, что связано с анализом социальных предпосылок алкоголизма, имеет существенную идеологическую компоненту (так же, как темы других социальных патологий: самоубийств, наркомании, преступности, проституции и др.), поскольку считается доказанным наличие прямой связи кризисных явлений в обществе с ростом числа этих патологий. Тоталитарные режимы, ограничивая свободный доступ граждан к информации, засекречивали такого рода данные, поскольку они противоречили идеологемам о “всеобщем благоденствии”. А.А. Ослон обращает внимание на определение идеологии, данное П. Бергером и Т. Лукманом в книге “Социальное конструирование реальности”: “Когда частное определение реальности соединяется с конкретным властным интересом, его можно назвать идеологией” [Ослон. 2006. С. 120]. Советские идеологи длительное время утверждали, что при социализме социальные предпосылки алкоголизма отсутствуют, и, как и другие виды девиаций, алкоголизм был объявлен “нетипичным явлением”. Соответственно, вина за этот недуг вменялась либо самому индивиду, либо его ближайшему окружению. Долгое время существовали репрессивные институты “перевоспитания” (товарищеские суды, комиссии по борьбе с пьянством и пр.) и “лечения” алкоголиков (лечебно-трудовые профилактории – ЛТП). Последние по условиям содержания мало чем отличались от тюрем и в качестве лечебных учреждений были абсолютно неэффективными.

На волне перестройки ЛТП были ликвидированы, появились наркологические лечебницы, а также разные формы “альтернативной” медицинской и психологической помощи алкоголикам. Но идеологическая нагруженность проблемы алкоголизма не исчезла. В начале 90-х годов вместо одной государственной идеологии появилось много теорий, которые предлагали обществу разнообразные объяснения причин алкоголизма в России (религиозные, культурологические, политические, психотерапевтические) и способы решения этой проблемы. Некоторые из этих теорий проанализировали врачи Ю.С. Бородкин и Т.И. Грекова. В частности, они показали, что большая часть предлагавшихся способов лечения – начиная от церковных обетов против пьянства и кончая методами психотерапии широко известных тогда А.Р. Довженко и В.Д. Столбуна – основаны на механизмах внушения и самовнушения, поэтому они могут быть эффективными лишь в отношении пьющих людей с сохранной личностью. Но и у них часто наблюдаются тяжелые соматические и нейропсихические последствия подобного лечения [Бородкин. Грекова. 1987. С. 107–117].



Появились тогда и активные “борцы со злом” – преимущественно молодежные группы, куда входили люди с низким уровнем достатка и культуры. Это, например, “люберы” из Подмосковья, “Отряд активных действий” из Ленинграда, оренбургские “ништяки” [Климова. 1993. С. 95]. Новосибирский социолог В.Г. Немировский писал тогда, что в его городе проходили экстремистские пропагандистские акции ветеранов Афганистана против “жидомасонов, спаивающих русский народ”. Исследователь отмечал, что эти молодые люди по определению не могли предложить обществу новые пути решения проблем, за преодоление которых они выступали [Немировский. 1990. С. 55–56]. Постепенно эти и подобные им “борцы” переключились на других “врагов”. Проблема алкоголизма на официальном уровне деидеологизировалась, а на уровне массового сознания сформировалась смесь авторитарных и либеральных установок, которая едва ли помогает людям решить проблему алкоголизма, если они с ней столкнулись. Одной из задач нашего исследования было выяснить, какие “обыденные теории” алкоголизма существуют в настоящее время. В частности, усвоены ли обществом какие-то новые, не авторитарные идеи относительно причин алкоголизма и способов его лечения.

### Масштабы проблемы алкоголизма, по данным статистики и социологических исследований

Эксперты называют алкоголизм “локомотивом смертности” в России [Халтурина, Коротаев. 2006. С. 6]. В частности, утверждается, что тяжелые алкогольные проблемы являются главной причиной того, что уровень смертности в стране катастрофически высок, – для страны с таким уровнем экономического развития, как Россия, не втянутой в широкомасштабные военные действия. Существуют десятки более бедных стран со значительно более высокими показателями продолжительности жизни населения [Халтурина, Коротаев. 2006. С. 6].

На *рис. 1* наглядно показано, что динамика продолжительности жизни россиян – это зеркальное отображение динамики потребления алкоголя [Алкоголизация...].

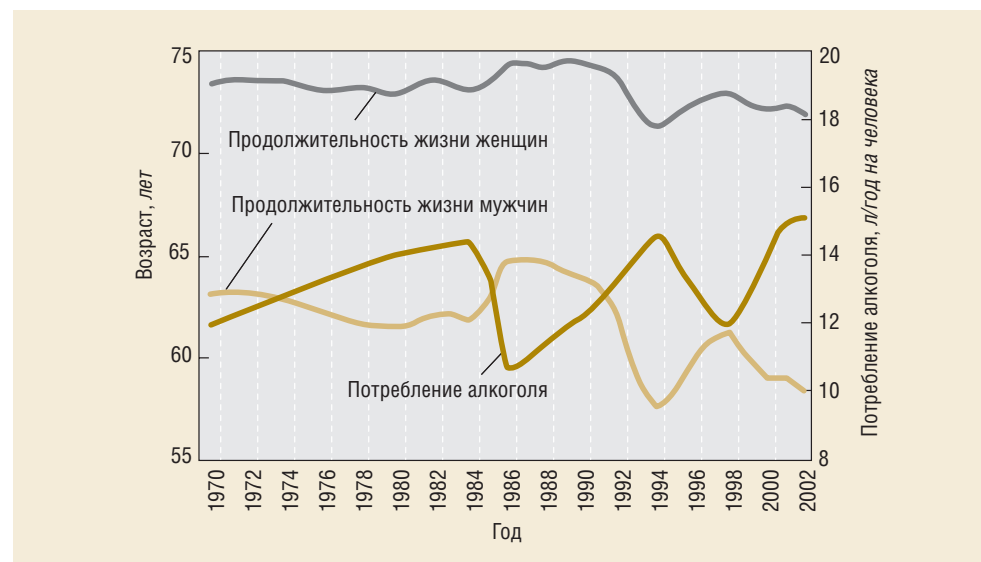


Рис. 1. Динамика продолжительности жизни и динамика потребления алкоголя



Табл. 1. Смертность от случайных отравлений алкоголем<sup>3</sup>

число умерших на 100 000 человек населения

2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006 (январь-ноябрь)
26	29	31	31	26	29	20,5

Табл. 2. Регулярность потребления алкогольных напитков

% от групп (по столбцам)

	Февраль 2002 г.	Август 2004 г.	Ноябрь 2006 г.	Декабрь 2006 г.
<b>Как часто Вы пьете алкогольные напитки?</b>				
Раз в неделю и чаще	23	21	17	15
Два-три раза в месяц	24	20	23	22
Несколько раз в год	30	27	32	37
Никогда	21	32	27	23
Затрудняюсь ответить	2	1	1	2

В 2006 году ситуация в алкогольной промышленности и торговле в стране заметно изменилась. В соответствии с поправками в Федеральный закон о государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции (171 ФЗ) был существенно увеличен уставный капитал для производителей спирта и алкогольной продукции, а региональным властям было разрешено повышать уставный капитал для розничных торговцев алкоголем. Закрылись мелкие заводики по производству спирта и алкогольной продукции. В июле 2006 года был утвержден список из четырех обязательных денатурирующих добавок для спиртосодержащих жидкостей, делающих эти жидкости непригодными для питья. Сменили и акцизные марки. Была внедрена Единая государственная автоматизированная информационная система электронной регистрации алкоголя (ЕГАИС). В 2006 году в России впервые за последние годы снизилась смертность: по данным Росстата, с января по август умерло на 76,7 тысяч человек меньше, чем за аналогичный период 2005 года. Причем смертность снизилась преимущественно за счет причин, связанных с потреблением алкоголя. Особенно сильно сократилась смертность от алкогольных отравлений [Алкоголизация...]. Доля умерших от случайных отравлений алкоголем за 11 месяцев 2006 года составила 82% по сравнению с соответствующим периодом 2005 года (табл. 1)<sup>2</sup>.

Специалисты утверждают, что на снижение смертности россиян от алкоголя повлияло ужесточение правил функционирования алкогольного рынка. Но поскольку алкоголизм – многофакторный феномен, следует обратить внимание и на некоторые другие обстоятельства. В частности, наши данные показывают, что, по самоотчетам россиян, частота потребления алкоголя медленно, но неуклонно снижается (табл. 2).

Подчеркнем, эти данные зафиксированы со слов респондентов. Они достоверно указывают лишь на то, какой режим потребления является “приличным”. Поэтому главный вывод – что еженедельное потребление алкоголя становится все менее “нормальным”.

<sup>2</sup> См.: [Социально-экономическое положение... 2006. С. 288].

<sup>3</sup> См.: [Россия в цифрах... 2006. С. 76]. Данные на 2006 год приведены на период с января по ноябрь по: [Социально-экономическое положение... 2006. С. 288].

Еще один фактор алкоголизации – вид спиртных напитков, преимущественно потребляемых населением. Специалисты знают, что тяжесть последствий от потребления алкоголя зависит не столько от количества выпиваемого, сколько от структуры потребления. В Южной Европе люди пьют преимущественно легкий алкоголь, главным образом – вино. В Центральной Европе распространена пивная культура. В нашей же стране продолжает сохраняться преимущественно водочный тип алкогольного потребления. По мнению некоторых экспертов, переход с крепких спиртных напитков на пиво и вино будет сопровождаться снижением алкогольной зависимости и смертности [Алкоголизация...]. На этот счет есть и другие мнения – в частности, много говорится об опасности так называемого “пивного алкоголизма”. Но опыт других стран показывает эффективность такой меры, как вытеснение крепкого алкоголя более слабым. Активная политика по замещению водки вином в скандинавских странах привела к тому, что, например, в Швеции доля потребления крепкого алкоголя снизилась с 67% в 1954 году до 21% в 2000 году [Алкоголизация...]. При этом резко снизилась смертность мужчин трудоспособного возраста.

В нашей стране тоже наметился переход к потреблению слабого алкоголя. Так, специалисты отмечают начавшийся в 2003 году рост числа активных потребителей пива (пьющих его 2–3 раза в месяц и чаще) и снижение числа активных потребителей водки. Особенно заметно снижение доли потребляющих водку (на 30–40%) в трудоспособном возрасте (среди 20–55-летних), которое произошло на фоне возросшего потребления пива (в старших возрастах снижение потребления водки составило лишь 10%)<sup>4</sup>. В 2006 году рост потребления пива был наибольшим за последние три года. За январь–ноябрь продано 920 млн дкл пива – это 112,1% к соответствующему периоду 2005 года<sup>5</sup>.

Если в России продолжится тенденция по замещению крепкого алкоголя пивом и вином, можно будет также ожидать улучшения ситуации со здоровьем населения и роста продолжительности жизни. Но такое замещение будет происходить, если будет стабильно расти благосостояние граждан. Наши данные подтверждают известный из повседневной практики факт: вино пьют чаще состоятельные люди, тогда как самые дешевые крепкие напитки (самогон) – бедняки и жители малых городов и сел (табл. 3, 4).

### Алкоголизм – предосудительная болезнь

Важнейшим принципом современной алкогольной политики является ее нацеленность на общество в целом, а не исключительно на тяжелых алкоголиков. Алкоголизм – болезнь социальная, и для ее лечения необходимо воздействовать на все общество, поскольку все когорты потребителей алкоголя друг на друга влияют. В результате исследования этой проблемы обнаружился “парадокс профилактики” в сфере алкогольной политики: даже небольшое воздействие на общество в целом дает больший эффект, чем сильное воздействие непосредственно на больных алкоголизмом [Алкоголизация...]. Но пока не разработан комплекс повседневных знаний и навыков, включающий основные представления о причинах возникновения алкоголизма и его последствиях; алгоритмы поведения

<sup>4</sup> Цит. по: <http://www.sostav.ru/columns/opinion/2003/stat16/>

<sup>5</sup> [Социально-экономическое положение... С. 101].

Табл. 3. Предпочтение алкогольных напитков в зависимости от уровня доходов<sup>6</sup>

% от групп (по столбцам)

	Все	Доход (руб.)		
		до 2000	2001-3999	4000 и более
<b>Скажите, пожалуйста, какие напитки Вы, как правило, пьете?</b>				
Пиво	37	37	30	43
Водку	36	34	35	39
Вино	29	24	28	35
Коньяк (виски, бренди)	7	5	3	11
Самогон	6	12	6	3

Табл. 4. Предпочтение алкогольных напитков в зависимости от типа населенного пункта<sup>7</sup>

% от групп (по столбцам)

	Все	Тип населенного пункта				
		Москва	мегаполисы	большие города	малые города	сёла
<b>Скажите, пожалуйста, какие напитки Вы, как правило, пьете?</b>						
Пиво	37	25	40	40	39	34
Водку	36	36	34	41	36	33
Вино	29	41	32	37	27	22
Коньяк (виски, бренди)	7	20	13	7	4	3
Самогон	6	1	3	5	7	10

супругов в браке, исключают «пьяное зачатие»; действия в ситуациях, когда возникают серьезные алкогольные проблемы у членов семьи, и т. д. Все эти темы – элементы новой «обыденной теории» алкоголизма, которая должна быть понятной и доступной для большинства населения, и в первую очередь для бедняков, которым не по карману дорогостоящее лечение. Пока же люди по-прежнему остаются один на один со своими проблемами, скрывают их, считая постыдными.

Признаком наступившего «либерального» времени является то, что две трети населения – 64% – считают алкоголизм болезнью (чаще – люди с высшим образованием и молодежь: по 69% в каждой из этих двух групп<sup>8</sup>. (Не считают его заболеванием 28% россиян). Казалось бы, это означает, что идеология об алкоголизме как следствии моральной ущербности индивида осталась в прошлом. Если алкоголизм – болезнь, значит, нужно относиться к алкоголику как к больному человеку, то есть лечить его, а не разоблачать, клеймить, позорить, тем самым выталкивая его «в полосу отчуждения».

Россиянам был задан вопрос: «Вы лично осуждаете алкоголиков или относитесь к ним без осуждения?» Оказалось, что и те, кто считает алкоголизм болезнью, и те, кто не разделяет этого мнения, в основном осуждают алкоголиков: среди первых – 65%, среди вторых – 66% (в целом по выборке – 65%). Говорят, что не осуждают их, 30% опрошенных. Ответы на вопрос: «Как Вы думаете,

<sup>6</sup> Общероссийский опрос населения от 4–5 ноября 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

<sup>7</sup> Тот же опрос.

<sup>8</sup> Здесь и далее приводятся данные общероссийского опроса населения от 9–10 декабря 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

большинство людей в России осуждают алкоголиков или относятся к ним без осуждения?» – распределились примерно так же. Мнение, что большинство россиян осуждают алкоголиков, разделяют 71% опрошенных (здесь тоже нет разницы между теми, кто считает и кто не считает алкоголизм болезнью). Полагают, что большинство россиян относятся к алкоголикам без осуждения, лишь 20% участников опроса.

Обоснования осуждения алкоголиков мы находим в ответах на открытый вопрос: *“Как Вы думаете, почему люди становятся алкоголиками, в чем причина алкоголизма?”* Тот факт, что ответ на этот вопрос дали необычайно много респондентов – 87%, говорит об актуализированности проблемы в массовом сознании. В совокупности “профанное знание” – так же, как и экспертное, – включает все причины возникновения алкоголизма: биологические, психологические, социальные. Но в отличие от специалистов каждый “человек с улицы” часто, хотя и не всегда, настаивает на одной версии.

Большинство опрошенных видят причину алкоголизма в **самом человеке**, обстоятельствах его личной биографии – 55%<sup>9</sup>.

Негативные ярлыки, которыми некоторые опрошенные награждали алкоголиков, как будто списаны с заводского листка “Пьянству – бой!” советских времен (такого рода ответы дали в общей сложности 28% опрошенных). Эти респонденты говорили, что алкоголиками становятся люди слабохарактерные, безвольные, неуверенные в себе, неспособные себя контролировать (*“не знают меру – потом трудно остановиться”*; *“паралич воли”*) – 12%. Еще 12% утверждали, что пьют бездельники и лентяи (*“от безделья, не хотят работать, напрягаться”*; *“тунеядство, много свободного времени”*). Сказали, что алкоголиками становятся люди глупые, эгоистичные, избалованные и т. п., 2%. Утверждают, что алкоголиками становятся по собственному желанию, еще 2% (*“наверное, им это нравится”*; *“потому что сами этого хотят”*).

Нет явного осуждения (а иногда – присутствует явное сочувствие, а то и оправдание) в ответах, содержащих указания на эмоциональное и психологическое состояние людей, страдающих алкоголизмом. Связывают причины пьянства с негативными переживаниями – горем, стрессом, отчаянием, безысходностью – 14% (*“душевная травма, после которой человеку трудно прийти к нормальной жизни”*; *“от обиды”*). Считают, что неумеренно пьют те, кто не смог найти своего места в жизни, 9% участников опроса (*“которые разочарованы в жизни”*; *“кто не может себя реализовать”*).

О наследственной предрасположенности к алкоголизму говорят 3% (*“генетически предрасположенные к алкоголизму”*; *“наследственность плохая”*). Связывают его с постепенно формирующейся привычкой 2% (*“быстрая зависимость, невозможность самостоятельно справиться”*; *“страшное пристрастие”*).

**Ближайшее окружение индивида** также может провоцировать его на частые возлияния, считают 13% респондентов.

По мнению 8% участников опроса, к алкоголизму приводят конфликты в семье или на работе, отсутствие любви со стороны близких. Полагают, что причи-

<sup>9</sup> В совокупности число ответов больше 100%, потому что один респондент мог назвать не одну, а несколько причин алкоголизма.

Табл. 5. Представления о том, может ли алкоголик сам бросить пить, среди считающих и не считающих алкоголизм болезнью  
% от групп (по столбцам)

	Все	Считают алкоголизм болезнью	Не считают алкоголизм болезнью	Затрудняются ответить
<b>На Ваш взгляд, может или не может алкоголик при желании сам, без посторонней помощи, бросить пить, избавиться от алкоголизма?</b>				
Может	62	56	78	57
Не может	29	37	16	15
Затрудняюсь ответить	8	7	6	27

на такого недуга – низкий уровень культуры и воспитания, в том числе в школе, 4% респондентов (“в школах не ведется духовно-нравственное воспитание”; “воспитание такое – оттуда и такое поведение”). Говорят, что виной всему – плохая компания, ближайшее окружение в учебном заведении, на работе, 1% опрошенных (“попадают в коллектив, где все пьют, – это становится образом жизни”; “...бродят, друг друга подстрекают”).

Сильно распространено представление о социальных причинах алкоголизма (50%).

Утверждают, что к алкоголизму приводит безработица, 21% россиян (“от плохой занятости населения; работать людям негде”; “спиваются без работы”).

Плохие условия жизни, беспросветность, неустроенность людей, отсутствие стабильности и уверенности в завтрашнем дне называют причиной пьянства 14% респондентов (“жизнь безрадостная”; “от тяжелой, жестокой жизни”; “отсутствие уверенности в будущем”).

Полагают, что алкоголизм – удел бедняков, 8% опрошенных (“нехватка денег, когда натъешишься, жрать неохота”; “денег нет на еду – пьют пузырьки”).

По мнению 4% респондентов, люди начинают пить из-за социальной незащищенности, “равнодушия властей”.

Считают, что люди становятся алкоголиками из-за продажи некачественного спиртного, самогона, суррогатов, 2% опрошенных (“плохая водка”; “водку сделали дорогой и пьют всякую бодягу”). Винят в этом вседозволенность, отсутствие контроля над поведением граждан 1% (“демократия дала слишком много свободы, к чему люди не привыкли”; “отсутствие страха перед контролирующими органами”).

### Как излечиться от алкоголизма

Тех, кто считает алкоголизм болезнью (напомним, таких 64%), спрашивали, излечим ли, по их мнению, этот недуг. Большинство в этой группе полагают, что он излечим (73%, или 47% опрошенных по выборке в целом), а также что это не наследственное заболевание (56% считающих алкоголизм болезнью, или 36% опрошенных).

Две трети опрошенных (62%) полагают, что алкоголик может избавиться от своего пагубного пристрастия сам, без посторонней помощи. Уверены в том, что это невозможно, 29% респондентов.

Считающие алкоголизм болезнью реже остальных разделяют мнение, что алкоголик способен самостоятельно бросить пить. Но и здесь большинство все-таки придерживаются этой точки зрения (табл. 5).

Респондентов спросили, какие способы бросить пить, избавиться от алкоголизма они считают наиболее эффективными. Предлагавшиеся меры зависели от представлений о причинах недуга и о том, способен ли алкоголик справиться с ним самостоятельно, без посторонней помощи.

Треть опрошенных (33%) полагают, что алкоголику надо просто *“взяться за ум и проявить силу воли”*, *“взять себя в руки, да и все”*.

Считают эффективным способом кодирование и гипноз 6% (*“торпеду влить в плечо”*; *“я знаю только кодирование”*). Занятия спортом (*“спортом заняться, хотя бы бегом”*) и обращение к религии называют действенной мерой по 1%.

Полагают, что человеку, страдающему алкоголизмом, помогут избавиться от недуга моральная поддержка и помощь близких 3% (*“помощь родственников”*; *“понимание со стороны”*); о важности хороших отношений в семье в такой ситуации сказали 1% (*“друг к другу уважение в семье”*; *“хорошее, благополучное состояние в семье”*).

Предлагается в ответах и развернутая программа государственных мер – как прямых, ориентированных на искоренение алкоголизма, так и косвенных, предполагающих социальную профилактику этого недуга. Респонденты считают, что государство должно организовать:

лечение и реабилитацию алкоголиков (10%): *“лечить, создавать большие реабилитационных центров в глубинках”*; *“психологическая помощь”*;

принудительное лечение в ЛТП (2%): *“надо принимать более строгие меры к ним, лечить принудительно”*; *“нужно последовать примеру СССР и открыть ЛТП”*.

К мерам социальной профилактики алкоголизма можно отнести следующие предложения:

ликвидация безработицы (15%): *“если правительство будет обращать внимание на занятость людей”*; *“давать людям работу – пьют от безделья”*;

повышение уровня жизни людей (5%): *“повысить жизненный уровень народа”*; *“создать условия нормальные для жизни, особенно в провинции”*;

предоставление возможности для самореализации, шансов найти свое место в жизни (4%): *“заинтересовать людей в жизни, было к чему приложить свой ум и руки”*; *“чтобы был смысл в жизни, было для чего жить”*;

воспитание молодежи, организация культурного досуга, создание условий для занятий спортом (3%): *“...прививать культуру”*; *“...улучшение морально-нравственной обстановки в стране”*; *“больше бесплатных культурных развлечений”*;

отказ от рекламы алкоголя, пропаганда здорового образа жизни (2%): *“...уменьшить рекламу по пиву и алкоголю”*; *“реклама здорового образа жизни...”*;

ограничение продажи спиртных напитков, контроль их качества (2%): *“...расстреливать тех, кто торгует самопалом”*; *“запретить продавать спиртное молодежи”*; *“не продавать водку в магазинах, а только по спецкарточкам”*;

введение “сухого закона” (1%): *“запретить продавать алкоголь”*; *“создать условия, при которых будет невозможно достать спиртное”*.

Некоторые предлагают ввести смертную казнь для алкоголиков: *“прибить, все равно пили и будут пить”*; *“расстреливать”*; *“убивать, только жаль, посадят”*.

Заявляют, что нет способов избавиться от алкоголизма, 4% участников опроса.

\* \* \*

Данные опроса показывают, что обыденные представления о причинах и способах преодоления алкоголизма противоречивы: с одной стороны, алкоголизм считается болезнью, поражающей в первую очередь личность алкоголика, а с другой стороны – что с помощью усилия воли такой человек, с фактически разрушенной личностью, может избавиться от своего недуга.

В числе субъектов, призванных, по мнению опрошенных, помогать алкоголику справиться с его пагубным пристрастием, редко называется его ближайшее окружение. По мнению большинства, эту проблему человек должен решать сам – с помощью государства. Вообще обескураживает тот факт, что основную роль респонденты тут отводят государству. Ведь, согласно мировому опыту, наиболее действенно решать эти проблемы помогает именно ближайшее окружение алкоголика: его семья, друзья, коллеги, соседи. Во многих странах существуют добровольные организации, помогающие таким людям, самые известные из них – общества “Анонимные алкоголики” и “Ал-Анон” (сообщества семей алкоголиков). Это добровольные непрофессиональные и неформальные психотерапевтические группы само- и взаимопомощи. И те, и другие сообщества следуют одним и тем же принципам: анонимность, безвозмездность помощи, подход к алкоголизму как к неизлечимой болезни, которую можно купировать, и т. д. Во многих странах мира адрес ближайшего клуба помощи алкоголикам или членам их семей может легко найти даже приезжий.

В России деятельность подобных обществ, к сожалению, не освещается, их опыт не пропагандируется, да и вообще об их существовании может узнать лишь человек, который озаботится целенаправленными поисками. Впрочем, в Москве и других крупных городах такие структуры уже довольно успешно работают.

Мнения рядовых россиян не противоречат наблюдениям, давно сделанным психологами, – о том, что жертвами алкоголизма являются люди, имеющие психологические проблемы. Но в общественном мнении доминируют представления, что от болезни, стимулированной эмоциональной и духовной депривацией (отчужденные, а то и враждебные отношения в семье; стигматизация в школе; тяжелая, монотонная, вредная для здоровья работа и т. п.), может избавиться сам больной с помощью усилий разума и воли.



Между тем собственно лечение алкоголизма – сложная проблема, требующая усилий многих специалистов: наркологов, психологов, социальных работников. Но “провести по этому пути” алкоголика способен только микросоциум, к которому он принадлежит, либо его “заменитель” (например, группа анонимных алкоголиков).

Психологи говорят, что часто приходится наблюдать случаи, когда исцеленный алкоголик представляет собой “руины” личности, что часто личность “вычитается”, то есть перестает обуславливать действия человека. Со стороны это выглядит как поведение, представляющее собой набор ситуативных реакций [Братусь, Розовский, Цапкин. 1987. С. 9, 13]. После лечения личность восстанавливается очень медленно, шаг за шагом (эти программы называются “двенадцать шагов”, но на самом деле двенадцатью сеансами дело не ограничивается). Если рядом нет “значимых других”, лечение не даст эффекта, потому что место, которое алкоголь занимал в структуре смыслов жизнедеятельности, нужно “населить” другими смыслами: близкими людьми, работой, интересным досугом. Не случайно фильм о судьбе алкоголика, вышедший в СССР в 1987 году, называется “Друг” (режиссер Л. Квинихидзе, в главной роли С. Шакуров) и до сих пор обсуждается в интернете. Но, во-первых, у членов семьи алкоголика часто формируется созависимость, ведущая к дефектам личности, – они сами нуждаются в помощи. Во-вторых, даже если окружающие алкоголика люди психологически и социально сохранны, они часто не знают, как могут помочь близким и себе, и потому формируют “обыденные идеологии”, в которых есть лишь два субъекта: сам алкоголик и государство. ■

## Литература

- Алкоголизация – важнейший деструктивный фактор в России // Золотой Лев. № 97–98; [http://www.zlev.ru/97\\_23.btm#\\_ftn1](http://www.zlev.ru/97_23.btm#_ftn1)
- Алкоголизм и наследственность (материалы международного симпозиума). М., 1987. 182 с.
- Бородкин Ю.С., Грекова Т.И.* Алкоголизм. Причины, следствия, профилактика. Л.: “Наука”, 1987. 158 с.
- Братусь Б.С., Розовский И.Я., Цапкин В.Н.* Психологические проблемы изучения и коррекции аномалий личности. М.: Изд-во МГУ, 1988. 86 с.
- Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.). С-Пб.: “Алетейя”, 2000. 384 с.
- Климова С.* Отклоняющееся поведение молодежи. Обзор. Проблемы социализации молодежи. Реферативный сборник. М.: ИНИОН РАН, 1993.
- Немировский В.Г.* Эхо афганской войны // Социологические исследования. 1990. № 10. С. 55–56.
- Ослон А.* Эксперты на страже социальной реальности. Выписки из книги П. Бергера и Т. Лукмана “Социальное конструирование реальности” // Социальная реальность. 2006. № 7–8. С. 114–123.
- Россия в цифрах. Официальное издание. М.: Росстат, 2006.
- Фрумкина Р.* Общественное мнение и неосведомленные граждане // Социальная реальность. 2006. № 5. С. 107–109.
- Халтурина Д.А., Коротаев А.В.* Русский крест. Факторы, механизмы и пути преодоления демографического кризиса в России. М.: УРСС, 2006.



# Сколько детей иметь в семье?

**В** ходе опроса, проведенного ФОМом, респондентов спросили: “Сколько бы Вы хотели иметь детей, если бы у Вас были для этого идеальные условия?” Как выяснилось, 40% россиян хотели бы иметь двоих детей, 22% – троих, 12% – четверых и более. В идеале ограничились бы одним ребенком 8% опрошенных, а 7% вообще не хотели бы иметь детей. Полученные данные, отметим, не дают оснований говорить

о “нормативной двухдетности”: доля тех, кто при идеальных условиях хотел бы иметь двоих детей, лишь немногим больше доли мечтающих о троих и более детях (40% и 34% соответственно).

Реальное число детей в российских семьях заметно отличается от желаемого. Треть участников опроса (31%) сообщили, что у них есть один ребенок, еще треть – что имеют двоих детей (33%). Три ребенка есть

только у 8% опрошенных, четыре и более – у 4%. У 25% участников опроса детей нет (среди 18–35-летних эта доля составляет 50%, среди 36–54-летних – 10%).

Респондентов моложе 50 лет спросили, планируют ли они в ближайшие 5 лет рождение ребенка. Выяснилось, что 26% среди них (16% по выборке в целом) подумывают в обозримом будущем обзавестись потомком, первым или очередным, 59% (36% по выборке) не собираются этого делать. Последним был задан открытый вопрос о причинах нежелания заводить ребенка в ближайшие 5 лет. Отвечая на него, одни ссылались на возраст и состояние здоровья (10% от всех опрошенных), другие – на то, что уже удовлетворили свою потребность в детях (“сколько хотела, столько и получила” – 4% ответов). Некоторые говорили, что еще не встали на ноги – не закончили учебу или не начали работать (3% ответов), не нашли спутника жизни (2% ответов). Но многие респонденты ссылаются на причины иного рода: они говорят о плохом материальном положении (14% ответов), жилищных проблемах (2%) или неблагоприятной обстановке в стране – нестабильности, мизерных пособиях, плохом медицинском обслуживании и т. п. (1%).

По сравнению с 2001 годом, когда респондентам задавались аналогичные вопросы, значимых изменений в полученных ответах не обнаружилось. Достоинно упоминания, что мужчины и женщины отвечают на эти вопросы сходным образом.

**Е. Вовк**

*Общероссийский опрос населения от 20–21 мая 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).*



# В. Максимова

## МОСКВИЧИ —

### *в собственных глазах и во мнениях сограждан*

**М**оскву давно уже называют государством в государстве. Называют – с разными интонациями. Двойственное отношение к столице сложилось еще в советские времена. “Первопрестольная” – с ее обособленностью, темпом жизни, разнообразием жизненных перспектив, относительным товарным изобилием и абсолютным культурным доминированием – и притягивала, и отталкивала живших за ее пределами. Вопрос взаимоотношений страны и ее столицы продолжает сохранять актуальность и поныне. Нет, наверное, уголка в стране, где не нашлись бы люди, уверенные, что Москва – это средоточие зла, город, пожинающий плоды труда всей России и перемалывающий человеческие судьбы. Показательно, что в различных интернет-сообществах стало хорошим тоном демонстрировать негативное отношение к столице. И несмотря на это, каждый год множество молодых людей едут в Москву, мечтая не только получить там образование, но и остаться работать. Одни надеются вкушать мифической “сладкой жизни”, другие рассчитывают реализовать свои способности, добиться социального и профессионального успеха, третьи просто хотят выбраться из бедности, поддержать родителей. Особенно целеустремленным и активным действительно удастся устроиться на приличную работу. Но большинство возвращаются домой, обзаведясь и привязанностью к столице, и неприязнью к ней. Отношение россиян к Москве и москвичам, похоже, так же противоречиво, как это смешанное чувство вернувшегося из столицы провинциала.

\* \* \*

Свыше четверти участников недавно проведенного опроса<sup>1</sup> (29%) готовы согласиться с тем, что столица – “воплощение всего лучшего, что есть в России”, однако большинство наших сограждан такую восторженную оценку не разделяют: 62% респондентов избрали альтернативный вариант ответа на соответст-

<sup>1</sup> Общероссийский опрос населения от 30 сентября – 1 октября 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

вующий вопрос, сказав, что Москва является для них “просто большим городом”. Причем эти показатели не претерпели существенных изменений по сравнению с опросом, проведенным в 2004 году<sup>2</sup>, – тогда они составляли, соответственно, 26% и 66%. Естественно, жители столицы значительно чаще, чем остальные россияне, придерживаются мнения, что Москва – “воплощение всего лучшего” (47%), однако приблизительно столько же москвичей (49%) скромно признают ее обычным большим городом.

Отказ считать Москву концентрированным воплощением достоинств страны, конечно, еще не свидетельствует о неприязни к ней. Немосквичи, отвечая на вопрос о том, какие чувства, эмоции преобладают у них по отношению к столице, значительно чаще заявляли о позитивных (36%), нежели о негативных (22%) эмоциях. Более трети жителей российских регионов (37%) утверждали, что не питают к Москве никаких чувств<sup>3</sup>.

Однако когда у людей поинтересовались, как, по их мнению, относится к Москве большинство жителей других российских городов и сел, картина стала почти противоположной: немосквичи в полтора раза чаще выражали уверенность в том, что другие россияне не любят столицу, чем в том, что сограждане хорошо относятся к ней (33% против 22%). Пятая часть респондентов (20%) говорили о преобладании у большинства безразличного отношения к городу<sup>4</sup>.

Итак, россияне значительно чаще приписывают негативное отношение к Москве другим, нежели говорят, что испытывают его сами. Почему так получается? Потому ли, что существует укоренившийся миф о том, что Москву не любят? Или потому, что респонденты недостаточно искренни и, не желая признаться в неприязни к главному городу страны, приписывают это отношение своим соотечественникам, прячась за их спинами?

Те россияне, которым не приходилось встречаться с москвичами (44% от числа немосквичей), чаще относятся к столице нейтрально, в то время как респонденты, которые имеют опыт общения со столичными жителями (53%: 19% общаются с ними часто, 34% – редко), значительно реже остаются к Москве безразличными. Среди них больше как тех, кто испытывает симпатии к этому городу, так и тех, кто ощущает неприязнь к нему. Пропорции же позитивных и негативных эмоций в этих группах опрошенных существенно не различаются. То есть опыт общения с москвичами не оказывает определенного и однозначного – позитивного либо негативного – влияния на отношение к столице (табл. 1).

Когда же россиянам, общающимся с москвичами, задают вопрос о том, как относятся к столице большинство жителей других российских городов и сел,

*Примерно три четверти россиян убеждены, что москвичи заметно отличаются от жителей других российских городов, и лишь шестая часть респондентов не разделяют этого мнения*

<sup>2</sup> Общероссийский опрос населения от 9–10 сентября 2004 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

<sup>3</sup> Подавляющее большинство москвичей (82%), как и следовало ожидать, хорошо относятся к своему городу. Лишь каждый десятый (10%) заявил о своей нелюбви к Москве, 5% жителей столицы никаких эмоций в отношении своего города не испытывают.

<sup>4</sup> Среди москвичей же вообще преобладает мнение о негативном отношении к столице. Его придерживается ровно половина столичного населения (50%), тогда как всего 14% уверены, что к Москве за ее пределами относятся положительно (18% полагают, что ее воспринимают безразлично).

Табл. 1. Отношение россиян к столице

% от групп (по столбцу)

	Население в целом (без москвичей)	Общаться с москвичами		
		никогда не приходится	приходится часто	приходится редко
<b>Какие чувства, эмоции преобладают у Вас по отношению к Москве – положительные или отрицательные? Или Вы не испытываете никаких эмоций по отношению к Москве?</b>				
Положительные	36	33	42	38
Не испытываю никаких эмоций	37	44	24	34
Отрицательные	22	17	29	25
Затрудняюсь ответить	6	7	5	4

Табл. 2. Представления россиян об отношении к столице

% от групп (по столбцу)

	Население в целом (без москвичей)	Общаться с москвичами		
		никогда не приходится	приходится часто	приходится редко
<b>По Вашему мнению, как сегодня относятся к Москве большинство жителей других российских городов и сел – положительно, отрицательно или безразлично?</b>				
Положительно	24	21	24	29
Безразлично	20	26	17	15
Отрицательно	33	26	40	39
Затрудняюсь ответить	23	27	19	17

они (как и сами москвичи) значительно чаще прочих говорят о негативном отношении населения страны к Москве (табл. 2).

\* \* \*

Что же думают россияне о столичных жителях, как воспринимают их?

Подавляющее большинство россиян в целом (71%) и жителей столицы (73%) убеждены, что москвичи “заметно отличаются от жителей других российских городов”, и лишь 16% и 19% соответственно не разделяют этого мнения, не видят никаких существенных отличий. Причем среди жителей регионов мнение о незначительности различий стало встречаться реже по сравнению с результатами опроса 2004 года (24%), тогда как москвичи своего мнения на этот счет не переменили (было – 20%).

Но, может быть, в это почти единодушное признание отличий, специфики столичных жителей вкладывается разный смысл? Ведь не исключено, что сами москвичи, говоря об этом, подразумевают лестные для них особенности, а остальные, немосквичи, – особенности по преимуществу негативные...

Респондентам были заданы два открытых вопроса: о положительных и отрицательных качествах, присущих, на их взгляд, москвичам.

Положительные качества москвичей смогли назвать 26% жителей регионов (44% среди тех, кому часто приходится общаться с москвичами, 29% – среди редко встречавшихся с ними, 19% – среди тех, кому вообще не приходилось общаться со столичными жителями) и 55% обитателей Белокаменной.

Среди позитивных характеристик столичных жителей россияне чаще всего называли доброжелательность, отзывчивость, приветливость, общительность. “Отзывчивость, сочувствие, внимание”; “спросишь что-то – подскажет, если натуральный житель, старый москвич”; “больше других отклика-

ются на призыв помочь людям материально – больным и детям” (6%; открытый вопрос).

Особенно охотно отмечали это качество москвичей те жители регионов, которые имеют опыт общения с ними (11% – среди общающихся с ними часто; 8% – среди общающихся редко).

Многие упоминали о наличии у жителей столицы “деловой жилки” – об их энергичности, предприимчивости, деловитости (“разворотливость, инициатива”; “они умеют хорошо зарабатывать”; “деловые, не такие заторможенные, как мы” – 5%); о присущей им уверенности, решительности, целеустремленности (“стремятся к цели”; “они могут добиться, чего хотят”; “уверенные в себе люди”; “идут напролом, добиваясь своей цели” – 4%); об их трудолюбии, работоспособности (“в Москве без трудолюбия не прожить”; “работоспособностью отличаются”; “умеют работать” – 2%); об обязательности и порядочности (“они хорошие деловые партнеры, надежные”, “добропорядочные, обладают постоянством” – 1%).

По мнению некоторых россиян, москвичей отличают ум и образованность (“выше планка по интеллекту”; “эрудированные, всезнающие”; “шире кругозор” – 4%); а также высокий уровень воспитания и культуры (“вежливые, отношения к другим более культурные”; “воспитанных людей больше” – 2%).

Обратим внимание на то, как различаются положительные характеристики москвичей, данные жителями иных регионов, с одной стороны, и самими обитателями столицы – с другой (табл. 3).

Москвичи “согласились” с утверждением о том, что они приветливы, общительны и доброжелательны: об этом своем качестве упомянули почти четверть столичных жителей. Кроме того, собственными отличительными чертами они считают воспитанность и интеллигентность, патриотизм по отношению

Табл. 3. Москвичи и немосквичи о положительных качествах жителей столицы

% от групп (по столбцу)

	Немосквичи		Москвичи	
	все	от числа ответивших на вопрос	все	от числа ответивших на вопрос
<b>Какие положительные качества, по Вашему мнению, присущи большинству москвичей?</b>				
Приветливость, общительность, отзывчивость, доброжелательность	6	24	23	42
Энергичность, предприимчивость, деловитость	5	18	6	12
Уверенность, решительность, целеустремленность	4	14	5	9
Ум, образованность, информированность	4	15	3	5
Высокий уровень жизни, богатство, успешность	4	15	1	2
Воспитанность, интеллигентность, культура	2	9	7	13
Трудолюбие, работоспособность	2	7	1	3
Порядочность, обязательность, дисциплинированность	1	4	2	4
Стойкость, высокая приспособляемость	1	3	4	7
Патриоты своего города	1	2	6	10
Обычные люди, такие же, как все, все люди разные	1	5	9	16
Другое	2	7	2	4
Нет положительных качеств	6	22	3	5
Затрудняюсь ответить, нет ответа	68	–	42	–

к своему городу и лишь вслед за этим упоминают деловые характеристики, успешность и высокий уровень жизни.

9% москвичей вообще заявляют, что они “обычные люди, такие же, как все”, тогда как среди остальных россиян в этом ключе высказались 1% опрошенных.

Отрицательные качества москвичей назвали 42% жителей регионов (среди тех, кому часто приходится общаться с москвичами, – 59%, среди редко встречающихся с ними – 49%, среди тех, кому не приходилось общаться со столичными жителями, – 30%). Это в полтора раза больше, чем число позитивных характеристик (26%). Москвичи, отметим, тоже несколько чаще критиковали себя, чем любовались собой (62% и 55% соответственно).

Главным упреком москвичам от прочих россиян стало обвинение в высокомерии, заносчивости и снобизме.

*“Напыщенность”; “высокого мнения о себе, потому что живут в столице, считают нас низшей планкой”; “высокомерные, с сомнением о своей исключительности”; “неуважение к провинциалам, снобизм”; “ведут себя как высшая каста”* (20%; открытый вопрос).

Кроме того, немосквичи часто говорили о жадности, корыстности и завистливости столичных жителей (*“много денег хотят”; “зависть, гнилость”; “жадность, скупость”; “погоня за прибылью”* – 5%); об их наглости и хамстве (*“наглые, беспардонные”; “хамство, нахальство”; “наглые как танки”* – 4%); эгоизме и равнодушии (*“только о себе думают, равнодушны к чужим проблемам”; “безразличие к окружающей среде и окружающим людям”* – 4%).

Сравним отрицательные характеристики москвичей, данные самими жителями столицы и остальными россиянами (табл. 4). В целом вторые были терпимее в оценках. Жители столицы относятся к “себе подобным” критичнее. Только один блок качеств москвичи упоминали существенно реже остальных участников опроса: высокомерие, заносчивость и снобизм. Но вместе с тем самыми распространенными недостатками столичных жителей в их собственных глазах оказались агрессивность, злоба и жестокость. И можно предположить, что речь тут идет об одном и том же свойстве – недоброжелательности, которая воспринимается иногородними как продиктованная чувством превосходства и направленная против них, “посторонних”, а москвичами – как черта, присущая их землякам и обращенная ко всем окружающим.

Кроме того, москвичи часто “калялись” в жадности, корыстности и завистливости, а также в эгоизме и равнодушии к другим.

Итак, снова получается, что жители столицы считают “московское общество” менее приятным, чем жители других регионов. Причем самый значительный недостаток москвичей в глазах прочих россиян – высокомерие, снобизм – особенно заметен оказался людям, которым приходилось общаться с москвичами, остальные же даже в этой характеристике были более сдержанны.



Табл. 4. Москвичи и немосквичи об отрицательных качествах жителей столицы

% от групп (по столбцу)

	Немосквичи		Москвичи	
	все	от числа ответивших на вопрос	все	от числа ответивших на вопрос
<b>Какие отрицательные качества, по Вашему мнению, присущи большинству москвичей?</b>				
Высокомерие, заносчивость, снобизм	20	48	10	16
Жадность, корыстность, завистливость	5	12	14	22
Невоспитанность, грубость, наглость, хамство	4	11	4	6
Эгоизм, равнодушие к другим	4	10	10	17
Неприветливость, недоброжелательность, необщительность	3	7	5	8
Заехавшиеся, богатые, тянут со всей России	3	7	2	3
Агрессивность, злоба, жестокость	2	5	17	28
Нелюбовь к приезжим	2	5	3	5
Нервозность, задерганность, суетливость	1	3	4	7
Лицемерие, нечестность, хитрость	1	2	1	2
Лень, привередливость в выборе работы	1	2	2	3
Бездуховность, распущенность, склонность к алкоголю, наркотикам	1	1	2	4
Москвичи плохие в целом	1	1	2	3
Другое	2	3	4	6
Нет плохих качеств, такие же, как все, все люди разные	1	2	0	0
Затрудняюсь ответить, нет ответа	56	–	38	–

Общеизвестно, что уровень доходов в Москве существенно выше, чем в других регионах России, – хотя некоторые москвичи все же сетуют на трудности жизни в столице. Мнение, что москвичи живут лучше, чем остальное население страны, разделяют 79% жителей регионов; лишь 11% россиян считают, что столичные жители живут так же, как все, и 2% – уверены, что жизнь в Москве хуже. Почти две трети москвичей (60%) соглашаются, что они живут лучше большей части населения страны. При этом четверть опрошенных в столице убеждены, что живут они так же, как их сограждане в иных регионах, и количество людей, придерживающихся этого мнения, за последние два года увеличилось (с 18% до 25%). Есть среди москвичей и те, кто считает, что в столице живется хуже, чем в остальных регионах России (2%).

Высокий уровень жизни – весьма объективная характеристика, однако, судя по описанным выше данным, не похоже, что основным мотивом предубежденности по отношению к москвичам является зависть к их “легкой”, относительно благополучной жизни. Москвичей скорее воспринимают через призму отношения к людям из других регионов. Недаром именно те респонденты, которым приходилось общаться с жителями столицы чаще всего, предъявляют им обвинения в “высокомерии к людям из провинции”, “чувстве превосходства над жителями других городов” а также в “хамстве, нахальстве” и “грубости к людям”. Да и напрямую говорят о “ненависти к приезжим”.

\* \* \*

Подведем итог. Как видим, те респонденты, которые никогда не сталкивались с москвичами, относятся к ним в целом скорее с благодушным безразличием, чем с неприязнью. Те же из опрошенных, кому доводилось общаться с жителями

*Главным упреком москвичам от прочих россиян стало обвинение в высокомерии, заносчивости и снобизме, а самыми распространенными недостатками столичных жителей в их собственных глазах оказались агрессивность, злоба и жестокость*

столицы (а весьма вероятно – и бывать в ней), относятся к москвичам не столь отстраненно. Они делятся негативными впечатлениями и эмоциями от встреч с “заносчивыми”, “высокомерными”, “равнодушными”, “грубыми” и “корыстными” людьми, которые ущемляют их самолюбие и к тому же вызывают некоторую зависть более высоким уровнем жизни, доступом к информации, образованию и достойной работе. Однако они же уважают москвичей за их деловые качества, “энергичность”, “целеустремленность”, “трудолюбие”, “образованность” и, как следствие, считают заслуженными “высокий уровень жизни, богатство и успешность”. Признают также, что среди москвичей нередко встречаются “отзывчивые и доброжелательные” люди.

Но сильнее, чем другие, осознают собственное несовершенство сами москвичи. Они уверены, что россияне их не любят, и догадываются за что. Они видят, как в зеркале, свою “злость и агрессию”, “жадность и корыстность”, “эгоизм” и “высокомерие”. И несмотря на то что определенный критический настрой по отношению к жителям столицы в стране, несомненно, существует, в полное взаимное отчуждение он не выливается и вылиться не может, пока москвичи оказываются самыми суровыми судьями самим себе. ■

## МЕЖДУ ПРОЧИМ

## ☞ Так говорил респондент...

– Почему Вы считаете, что, выходя замуж, женщина обязательно должна брать фамилию мужа?

– Должны иметь одну фамилию, это, как форма, сплачивает.

\* \* \*

– Что именно Вы предпринимаете для того, чтобы в Вашем доме стало теплее?

– Обогреватели электрические, дышу чаще.

\* \* \*

– Какие бытовые проблемы, сложности, вызванные холодами, у Вас возникали?

– Мобильник отморозила.

– Что Вы любите делать в свободное время? Какие у Вас увлечения, любимые занятия?

– Гулять с собой.

\* \* \*

– Какие действия пешеходов, по Вашему мнению, чаще всего приводят к ДТП?

– Не уступают переход движущемуся транспорту.

\* \* \*

– Какие именно уголовные преступления Вы считаете незначительными?

– Преступления с незначительными материальными расходами.

– Откуда, из каких источников В. Путин узнает, какие настроения царят сегодня в обществе, о чем думают люди?

– Путин – выходец из определенных органов, оттуда и информация.

*(Из опросов ФОМа)*



# И. Шмерлина

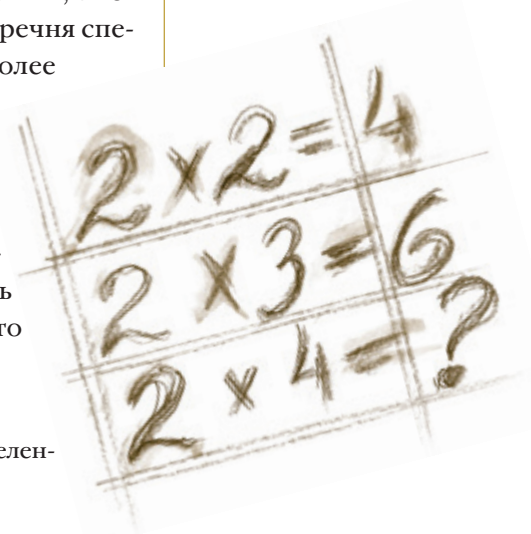
## Заметки о российском учительстве в контексте национального проекта “Образование”\*

### Социальная привлекательность и престиж профессии учителя

В профессионально-содержательном плане учитель – это человек, имеющий отношение к интеллектуальному труду и призванный при этом решать не научно-познавательные, а социальные задачи: обеспечивать поколенческую (вертикальную) трансляцию базовых знаний о природе и обществе.

С точки зрения существующих сегодня в обществе способов социальной и личностной самореализации профессия учителя не выглядит ни привлекательной по существу, ни тем более прибыльной с точки зрения тех благ и возможностей, которые она предоставляет. В этих условиях ожидать притока перспективной молодежи в “учительское дело” не приходится.

Показательны в этом отношении данные недавнего исследования<sup>1</sup>, в ходе которого респондентов просили выбрать из предложенного перечня специальностей социального и гуманитарного профиля те, что наиболее востребованы, по их мнению, на рынке труда, и те, что наиболее популярны у молодежи. Существует перечень специальностей гуманитарного и социального профиля, по которым ведется подготовка в вузах. Большинство этих специальностей были перечислены на карточке. Приоритет в полученных ответах чаще всего отдавался юриспруденции, экономике и менеджменту. Перспективность педагогики признавали очень немногие: так, лишь 4% сказали, что



\* Окончание. Начало см. в № 1 за 2007 г.

<sup>1</sup> Общероссийский опрос населения от 16–17 декабря 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

**Скажите, пожалуйста, с какой из этих специальностей, по Вашему мнению, легче всего устроиться на хорошую, высокооплачиваемую работу? (Карточка, не более пяти ответов)**



График 1. Россияне о востребованности на рынке труда специальностей социального и гуманитарного профиля (%)

**Какие из этих специальностей пользуются, на Ваш взгляд, наибольшей популярностью у молодежи? (Карточка, не более пяти ответов)**



График 2. Россияне о востребованности специальностей социального и гуманитарного профиля среди молодежи (%)

педагогическая специальность дает возможность хорошего трудоустройства, 6% сочли ее популярной среди молодежи (см. *графики 1 и 2*).

Заметим, что и сами респонденты, поставленные в гипотетическую ситуацию выбора специальности, педагогику называют редко (3%), отдавая предпочтение юриспруденции (12%), экономике (10%) и управленческому делу (7%)<sup>2</sup>.

В качестве простого и емкого заключения этого сюжета можно привести слова участницы краснодарской фокус-группы: *“...раньше дети хотели быть учителями, а сейчас дети не хотят быть учителями”* (3-я волна)<sup>3</sup>.

Следует признать, что большая часть российского населения относит учительский труд к непрестижным профессиям. Такое мнение разделяют, в частности, большинство родителей, родственников школьников (63%; чаще других это люди с высшим образованием – 75%, высоким уровнем доходов – 73%, жители мегаполисов и больших городов – 73% и 68% соответственно, а также мужчины – 70%).

Лишь 29% родителей, родственников школьников полагают, что профессия учителя сегодня престижна. Чаще всего об этом говорили респонденты, имеющие низкий уровень образования (47%), и сельские жители (41%). Реже всего (19%) называли престижной профессию учителя люди с высшим образованием (данные 3-й волны; *график 3*).

Сопоставимые данные были получены в ходе общероссийского опроса населения, проведенного летом 2006 года<sup>4</sup>. Более половины россиян (55%) сказали тогда, что, по их мнению, профессия учителя не пользуется сегодня уважением в обществе. Противоположную точку зрения – что профессия учителя уважаема – высказали треть респондентов (33%); 12% затруднились с ответом на этот вопрос.

У самих педагогов нет иллюзий относительно общественного признания их профессии. Почти единодушно они констатируют ее непрестижность (82%; данные 3-й волны; *график 4*), и в этой констатации можно увидеть проявление сильной обиды учителей на общество.

Вопрос о престижности / непрестижности профессии вообще и учительской в частности связан в сознании педагогов преимущественно с темой заработной платы.

*“Мы сейчас куда пришли? Человек имеет деньги – у нас уважаемый человек. Если я получаю зарплату 20 000 – я буду уважаемый человек. Пока,*

<sup>2</sup> Общероссийский опрос населения от 11–12 ноября 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

<sup>3</sup> Напомним, что в тексте используются данные (1) целевого исследования, которое включало опросы педагогов общеобразовательных учреждений и родственников школьников (родителей, бабушек и дедушек, других близких родственников) о ситуации в средней школе и ходе реализации национального проекта “Образование” (четыре опросные волны: 18–29 марта, 14–26 июня, 19 сентября – 1 октября и 13–28 ноября; в ходе каждой волны исследования опрашивались 2800–2900 человек, из них 700–800 педагогов и 2000–2100 родственников школьников), а также дискуссионные фокус-группы с учителями, проводившиеся в 7 городах в марте, июне, сентябре и ноябре 2006 года; (2) ежемесячного общероссийского мониторинга, посвященного проблемам образования и ходу реализации национального проекта (опрос населения в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик России, 1500 респондентов).

<sup>4</sup> Общероссийский опрос населения от 1–2 июля 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

**По Вашему мнению, профессия учителя в российском обществе является сегодня престижной или непрестижной?**



График 3. Мнения родителей о престижности профессии учителя (%)

**По Вашему мнению, профессия учителя в российском обществе является сегодня престижной или непрестижной?**



График 4. Мнения педагогов о престижности профессии учителя (%)

*я говорю, зарплата у меня 1200 – Вы меня извините!”* (ДФГ, Краснодар; 3-я волна).

*“Статус же в прямой связи с зарплатой находится, правильно? Повысят зарплату – и статус повысится”* (ДФГ, Екатеринбург; 3-я волна).

*“Я тоже считаю, что он <престиж> сейчас очень низкий, поскольку низкая зарплата!”* (ДФГ, Владивосток; 3-я волна).

*“Извините, конечно, надо, материально чтобы учитель не был вообще ниже всех на земле. Ведь сейчас, посмотрите, мы живем в таком мире, где материальная сторона – это главенствующее. И если мы такие низкооплачиваемые, нас чуть ли не за дворников считают, у нас дети, извините, могут тратить в месяц больше, чем мы зарплату получаем. Как мы выглядим при этом, что мы можем себе позволить при этом?”* (ДФГ, Екатеринбург; 3-я волна).

*“Как можно вообще работать за такие гроши и себя при этом уважать? Уважающий себя человек никогда не будет такие гроши получать. Он уйдет на другую, более достойную, выше оплачиваемую работу. А те, кто остался в школе...”* (ДФГ, Екатеринбург; 3-я волна).

*“1-й участник: Я согласен, что от зарплаты много зависит.*

*2-й участник: Да все, исключительно”* (ДФГ, Ярославль; 4-я волна).

*“Была очень хорошая реприза у Жванецкого... Там у него звучал рефрен: это потому что учителям мало платят”* (ДФГ, Казань; 4-я волна.)

Впрочем, изредка звучало и иное мнение, согласно которому престиж профессии определяется не только размером денежного вознаграждения.

*“Ну, сами <виноваты в низком статусе профессии>, очень невысокий уровень культуры у некоторых учителей...”* (ДФГ, Екатеринбург; 3-я волна).

*“Престиж – да, поменялся за последнее время. За последние десять лет поменялся – и, в общем, в худшую сторону. Но это в общем. А если в частности, зависит конкретно от каждого индивидуального учителя – как человека, как личности. То есть если он авторитетный, если он с запасом знаний, он, так или иначе, в глазах учащихся обладает некоторым уважением... вызывает уважение”* (ДФГ, Краснодар; 3-я волна).

Одним из характерных проявлений феномена “обиженного сознания”, присущего педагогам, выступает их чрезвычайно болезненная реакция на любые признаки того, что представляется им “дискредитацией” образа учителя в средствах массовой информации.

*“Как-то очень много негатива... Что плохо в школе – это у нас <на> первых страницах... в средствах массовой информации, а вот то, что хорошее, – оно как-то... вот мы знаем – и все... Там несчастье произошло, там несчастье, вот учителя – они такие-сякие... А то, что хорошего, – это как-то меньше... Информирование о негативном в средствах массовой информации снижает престиж учителя. Учителя – они только пить могут, ругаться – и все!”* (ДФГ, Владивосток; 3-я волна).

*“Средства массовой информации... буквально оккупированы людьми, враждебными моим детям, моему народу и моим коллегам – педагогам, да. Ведется просто настоящая война...”* (ДФГ, Краснодар; 3-я волна).



*“У нас сейчас фильмы идут по телевидению, где учителя показывают дураком, идиотом выставляют. Вот даже эти юмористы, их шутки про учителя...”* (ДФГ, Казань; 3-я волна).

*“Дебилов из нас делают”* (ДФГ, Казань; 3-я волна).

*“Сейчас в СМИ не поднимают престиж учителя, а, наоборот, постоянно его унижают и принижают”* (ДФГ, Казань; 3-я волна).

*“Я еще хотела сказать, что региональные власти должны, наоборот, работать на повышение статуса учителя. А у нас что идет, какая информация по телевизору? Тот учитель убил, тот изнасиловал, тот по башке стукнул, оскорбил. Как это может быть? Я вот смотрю всегда и возмущаюсь: как можно вот до такой степени!.. В какой-то школе... Уродов везде хватает. Почему это нужно все так распространять?! И это же негативная информация падает на нас на всех”* (ДФГ, Екатеринбург; 3-я волна).

*“..А поскольку СМИ все равно к какой-то власти привязаны, к областной или муниципальной, почему бы властям не переориентировать СМИ?”* – предложил в связи с обсуждаемой проблемой один из участников екатеринбургской фокус-группы (3-я волна).

Обиду у педагогов вызывают не только конкретные информационные сюжеты, представляющие учителя в негативном свете, но и художественные

персонажи, имеющие к российскому учительству весьма отдаленное отношение:

*“...трудно работать в условиях, когда наши средства массовой информации навязывают нам негативный образ... учителя – здесь все это знают. Когда выставляют учителя вроде какого-то идиота или дурака, как у Гарри Поттера в книгах, где учитель вообще враг, демон какой-то”* (ДФГ, Краснодар; 3-я волна).

### Материальное положение учителя и требования педагогов

Материальное положение учителей – острая проблема современной российской школы. Одна из главных претензий педагогов к национальному проекту состоит в том, что он проходит мимо вопроса о нищенском заработке учителя.

*“Ну, прежде всего зарплата у учителя... – она недостойная, совершенно недостойная... Учитель, имеющий высшее образование, составляет самую большую часть населения, которая стоит за всякими, значит, субсидиями. Это стыдно! Это стыдно государству должно быть, что человек с высшим образованием поставлен в такие условия, что вынужден ходить по... как, знаете, побирושка, это с протянутой рукой, чтоб он получил субсидию... у нас, значит, человек поставлен в такие условия, что не зарабатывает себе на пропитание. То есть он похлебочник. И мы все похлебочники. И человек, который так мало зарабатывает, – у него ущербное сознание... Вот, я не знаю, как присутствующие, я лично от школы ни квартиры, ни участка, ни дачи, ни машины, ни мужа – ничего не получила. И главное – у меня нет зарплаты. Так ради чего работать-то?! За такие деньги, как я получаю, знаете, прямо надо сказать: за такие деньги надо просто уже вредить!”* (ДФГ, Архангельск; 2-я волна).

*“...Я не говорю, что мне нужно съездить в отпуск, я не говорю, что мне нужно красиво одеться. Дай бог, лишь бы ботинки не развалились... И нас,*

*учителей, очень осуждают за что? За то, что нам, чтобы реализоваться, нам нужна поддержка, чтоб у нас дома не капало, чтобы я спокойно отстегнула слесарю, который пришел, 200 рублей, чтоб он мне сделал унитаз, чтоб я, извините, пошла и что-то купила... От нас хотят услышать о глобальном – о национальном проекте, от нас хотят услышать о больших как бы идеалах и так далее, а мы начинаем сводить на то, что, ребята, обеспечьте нам одно, другое... Нам говорят: что ж вы, учителя, такие меркантильные, почему мы вас тянем, чтобы*

*вы думали о высоком, а вы думаете о меркантильном, вы думаете о мелком?..”* (ДФГ, Омск; 3-я волна).

*“Катастрофическое положение учителя в обществе, низкая зарплата – а это не вошло в проект. Обидно, что все упирается в одноразовые премии, в одноразовые поощрения”* (ДФГ, Казань; 1-я волна).

*Вопрос о престижности / неprestижности профессии вообще и учительской в частности связан в сознании педагогов преимущественно с вопросом заработной платы*

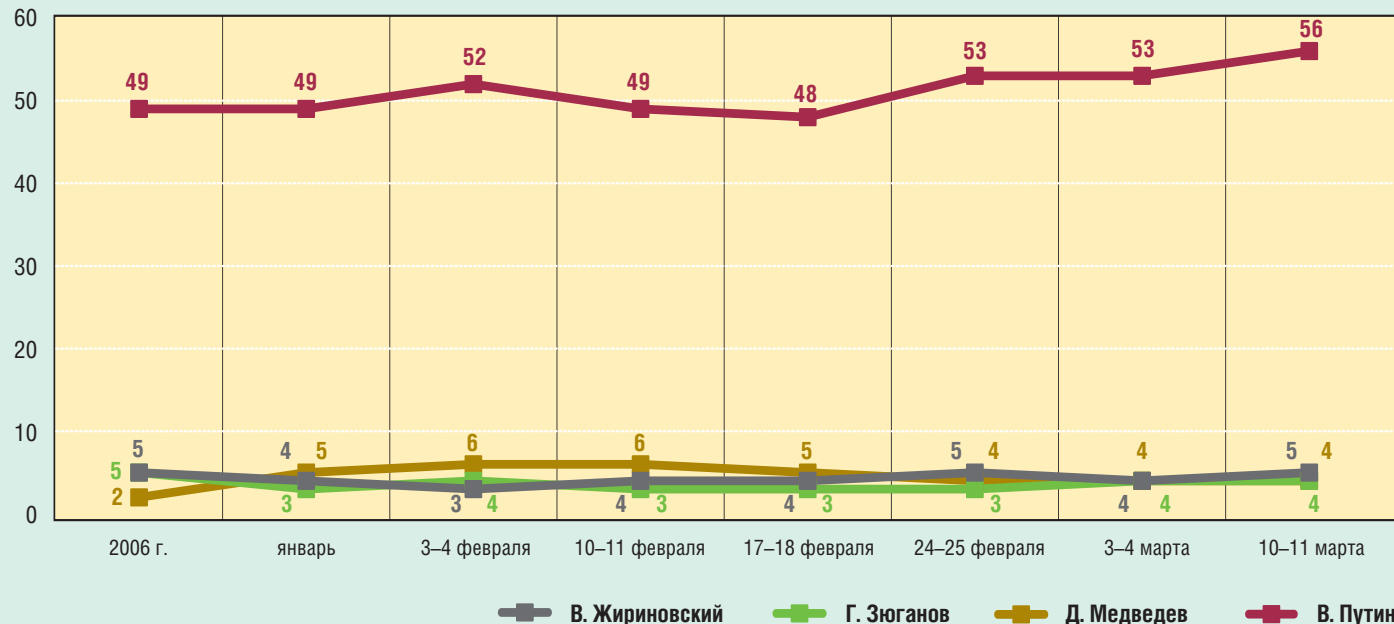
Окончание см. на стр. 63 →

# Электоральные рейтинги

Данные в % от населения

## Политики

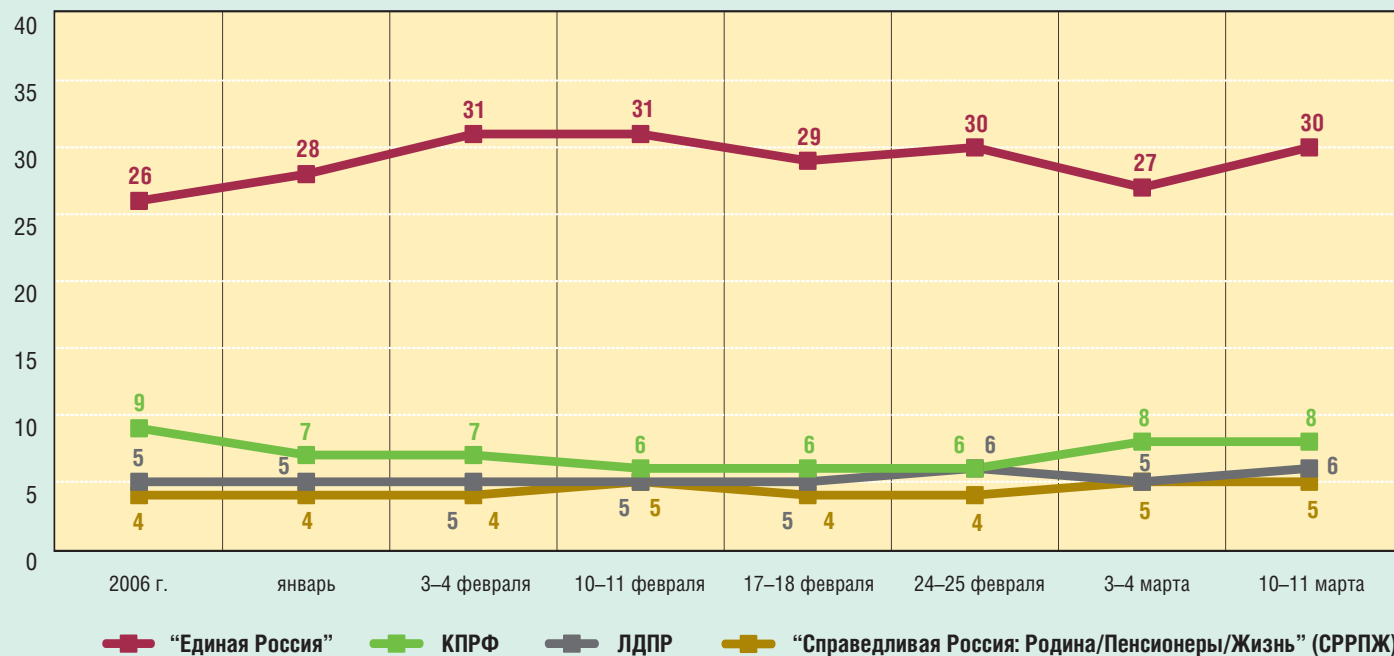
Представьте себе, что в ближайшее воскресенье состоятся выборы президента с участием перечисленных политиков. За кого из этих политиков Вы бы проголосовали?\* (Карточка, один ответ)



\* Приведены рейтинги политиков, составляющие не меньше 2%

## Политические партии

Если бы в ближайшее воскресенье состоялись выборы в Государственную думу, то за какую из перечисленных партий Вы бы скорее всего проголосовали\*\*\* (Карточка, один ответ)

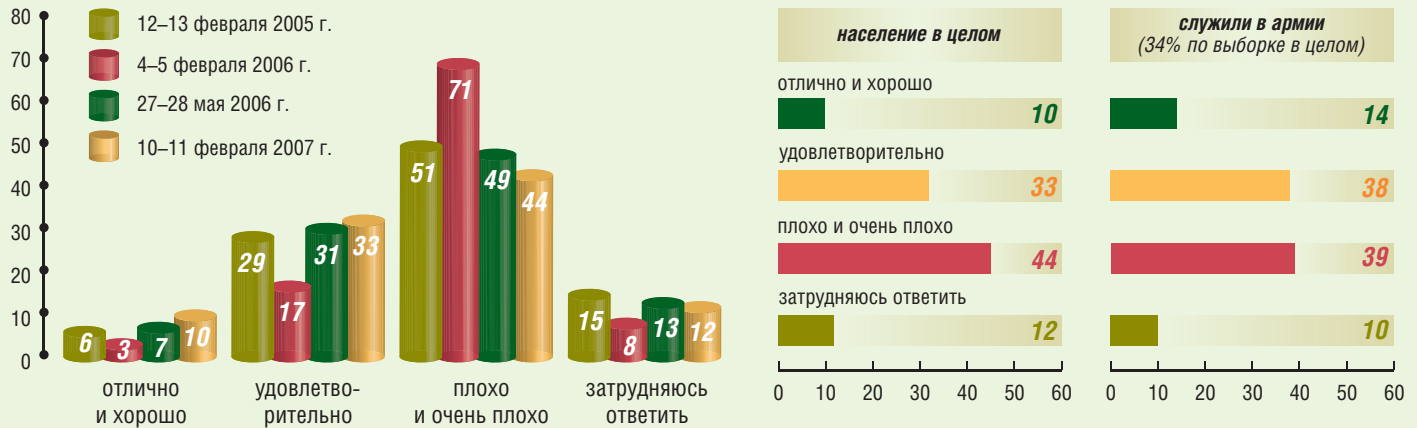


\*\*\* Приведены рейтинги партий, составляющие не меньше 2%

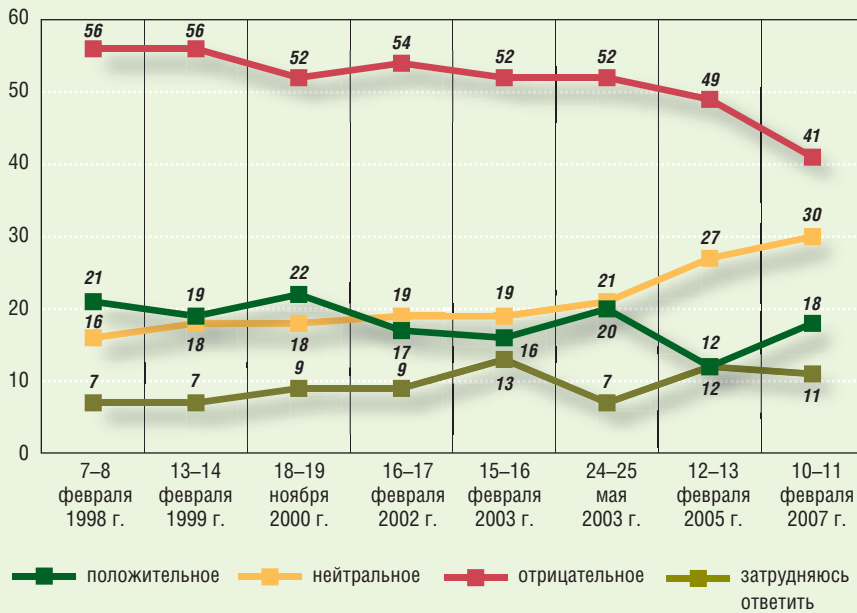
# Армия и родительские комитеты

Данные в % от населения

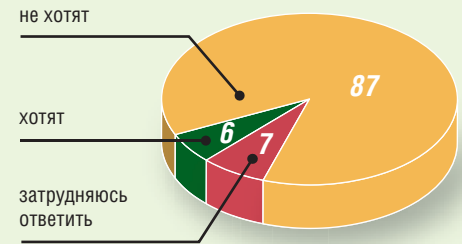
Скажите, пожалуйста, как Вы оцениваете положение дел в Российской армии — отлично, хорошо, удовлетворительно, плохо или очень плохо?



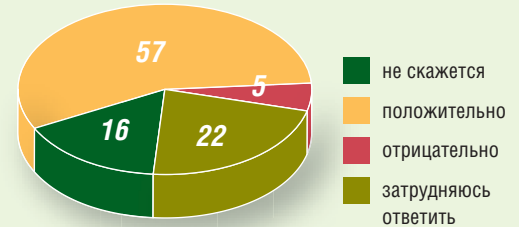
Как Вы считаете, сейчас в российском обществе преобладает положительное, отрицательное или нейтральное отношение к армии?



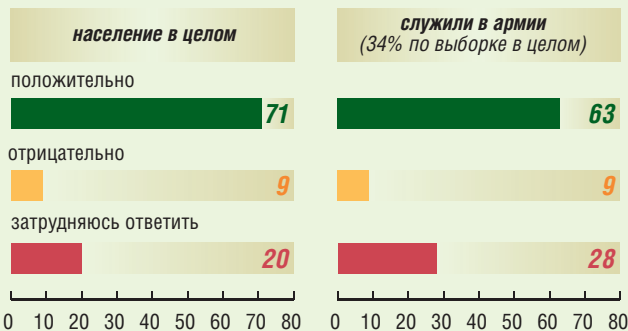
Как Вы полагаете, юноши сегодня по большей части хотят или не хотят служить в армии?



Как Вы думаете, создание родительских комитетов при воинских частях и военкоматах скажется или не скажется на дисциплине в Российской армии? И если скажется, то положительно или отрицательно?



Как Вы лично относитесь к решению создать родительские комитеты при воинских частях и военкоматах — положительно или отрицательно?



Согласно указанию министра обороны, родительские комитеты являются консультативными, совещательными органами, они не вправе вмешиваться в деятельность командиров.



На графиках, там, где не приводятся даты, представлены данные опроса от 10–11 февраля 2007 года. Выборка: 1500 человек



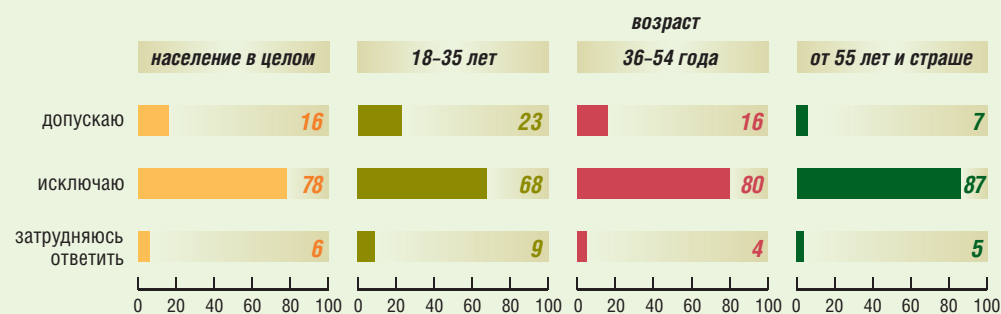
# Сбербанк России: клиенты и потенциальные акционеры

Данные в % от населения

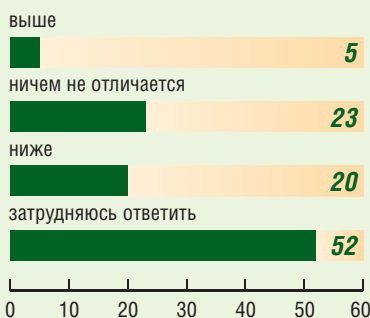
**Вы пользуетесь или не пользуетесь услугами Сбербанка? И если да, то какими именно услугами Сбербанка Вы пользуетесь?** (Карточка, любое число ответов)



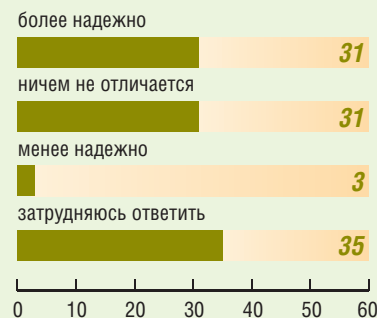
**Сегодня акции Сбербанка продаются и покупаются на российском фондовом рынке. В марте 2007 года Сбербанк планирует провести дополнительный выпуск своих акций для продажи частным лицам. А лично Вы допускаете или исключаете для себя, что приобретете акции Сбербанка?\***



**Как Вы считаете, проценты по вкладам у Сбербанка сегодня выше, чем у большинства других российских банков, ниже или в этом отношении Сбербанк ничем не отличается от остальных российских банков?**



**Как Вы считаете, сегодня держать вклад в Сбербанке более надежно, чем в большинстве других российских банков, менее надежно или в этом отношении Сбербанк ничем не отличается от остальных российских банков?**



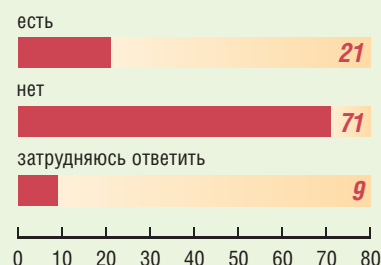
**Сбербанк — это частная компания с государственным участием, открытое акционерное общество (ОАО). Свыше половины акций в нем принадлежит государству, остальные — частным акционерам.**

**Вы знали или не знали о том, что Сбербанк — это частная компания с государственным участием? И если не знали, то Вы считали Сбербанк полностью государственной или полностью частной компанией?**



\* Данные общероссийского опроса населения от 15–31 августа 2003 г. (1972 населенных пункта, 68 субъектов РФ, 34 000 респондентов)

**Если говорить в целом, у Вас есть какие-либо претензии к работе Сбербанка или никаких претензий нет?** (Ответы пользующихся услугами Сбербанка, 64% по выборке)



**Как Вы думаете, люди, которые купят акции Сбербанка, в течение ближайшего года-двух скорее получат прибыль, понесут убытки или они не получат прибыли, но и убытков не понесут?\***



\*\* Данные опроса от 27–28 января 2007 г.

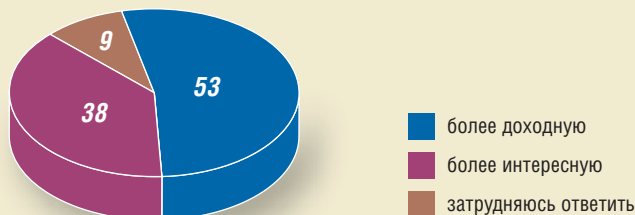
# Россияне и работа

Данные в % от населения

**Если бы Вы сейчас искали работу, то что было бы для Вас самым важным при ее выборе? (Карточка, не более трех ОТВЕТОВ)**



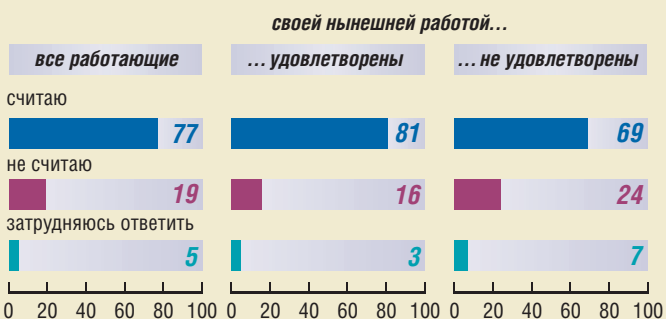
**Представьте себе, что у Вас есть возможность выбора между высокооплачиваемой, но неинтересной работой и интересной работой, но со средним уровнем заработка. Что бы Вы предпочли — более доходную или более интересную работу?**



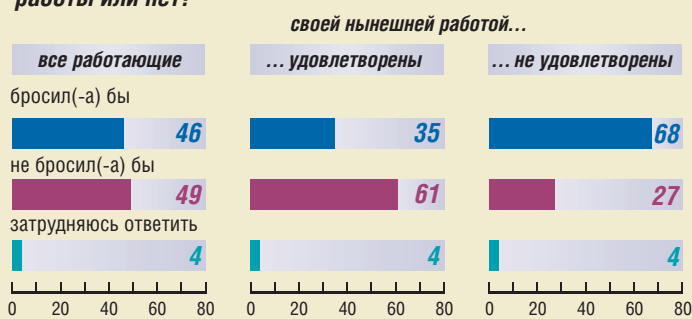
**Скажите, пожалуйста, Вы в целом удовлетворены или не удовлетворены Вашей нынешней работой?\***



**Скажите, пожалуйста, Вы считаете или не считаете себя профессионалом в своем деле на Вашей нынешней работе?\***



**Скажите, пожалуйста, а если бы Вы имели достаточно денег, чтобы не работать, Вы бы бросили Ваше нынешнее место работы или нет?\***

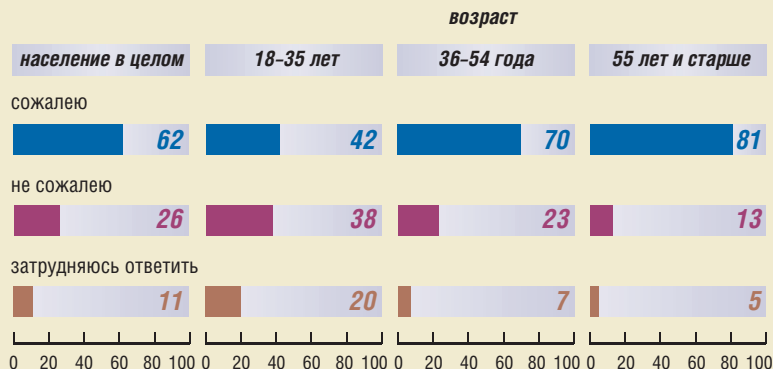
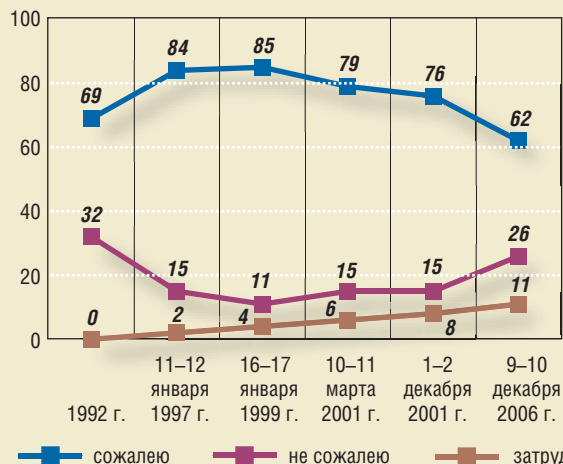


\* Распределения ответов даны в % от числа РАБОТАЮЩИХ (в целом 53% участников опроса).

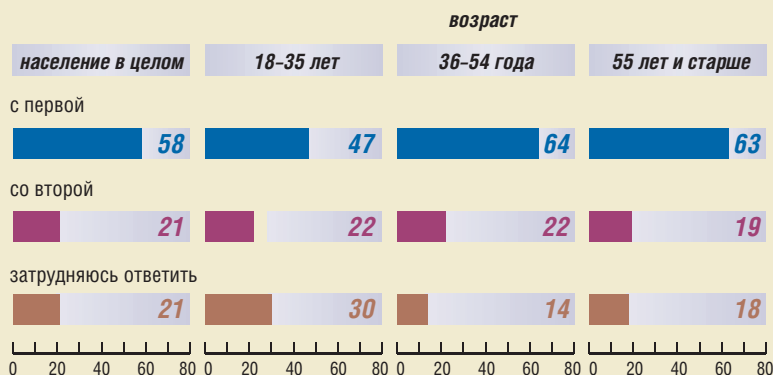
# Беловежские соглашения: 15 лет спустя

Данные в % от населения

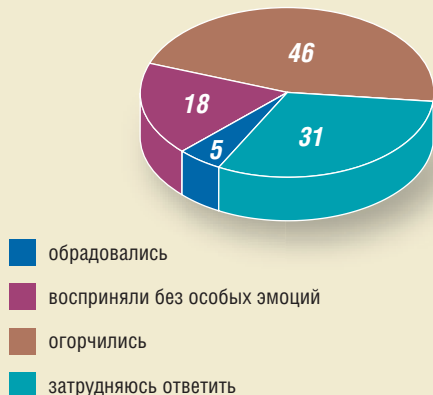
Скажите, пожалуйста, Вы лично сожалеете или не сожалеете о том, что Советский Союз распался?



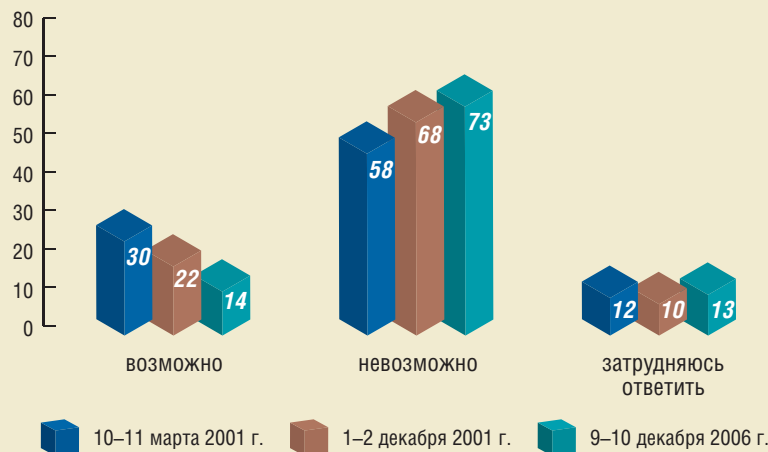
Одни считают, что главная причина распада СССР — действия тогдашних политиков. Другие считают, что главная причина распада СССР — объективные проблемы и противоречия, накопившиеся в Советском Союзе. С какой точкой зрения Вы согласны — с первой или второй?



Как Вы думаете, большинство людей в России в 1991 году обрадовались подписанию Беловежских соглашений, огорчились или восприняли Беловежские соглашения без особых эмоций?



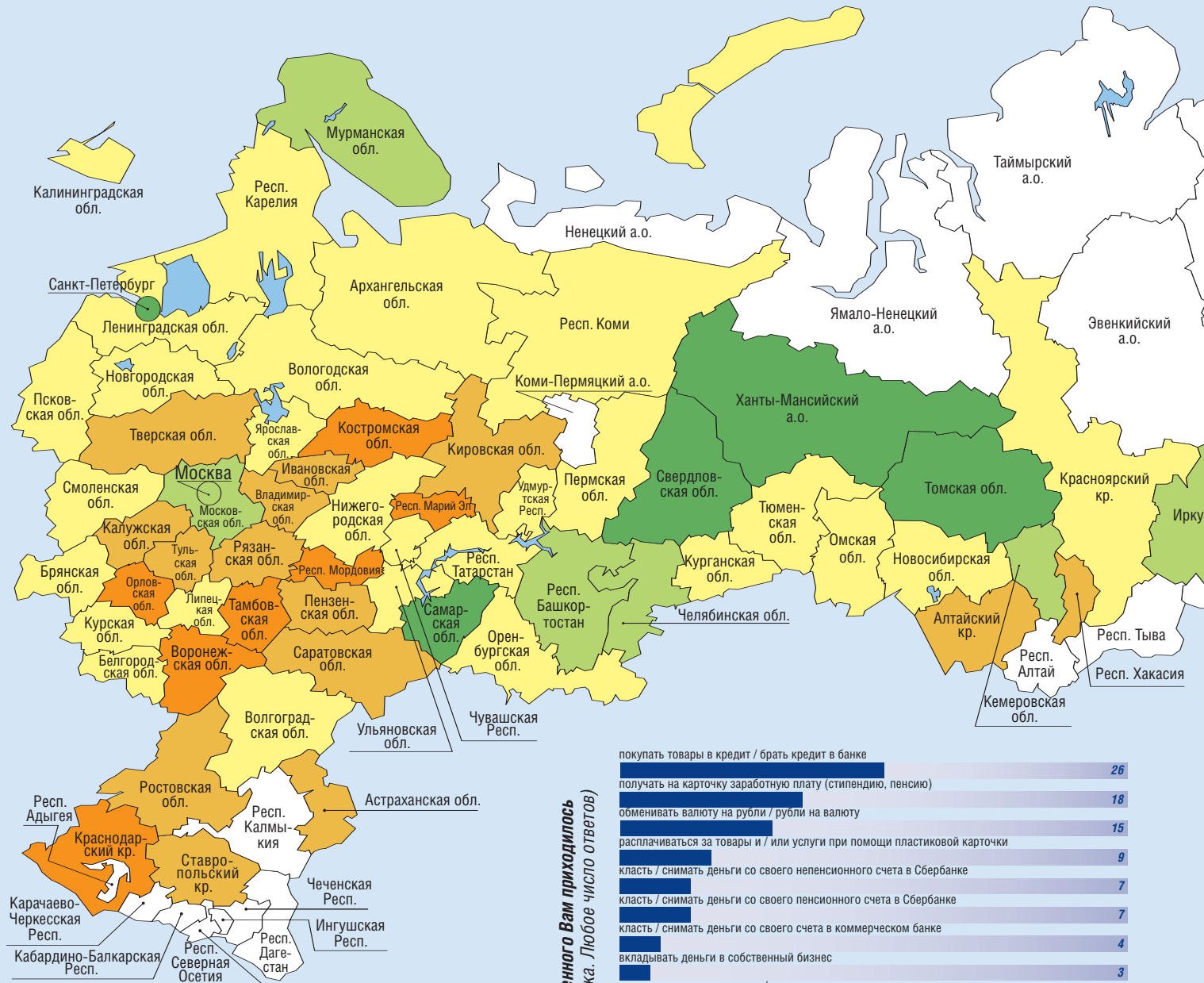
По Вашему мнению, сегодня возможно или невозможно воссоздание СССР?



На графиках, там, где не приводятся даты, представлены данные опроса от 9-10 декабря 2006 года. Выборка: 1500 человек

# Зарплата на пластиковые карточки

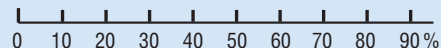
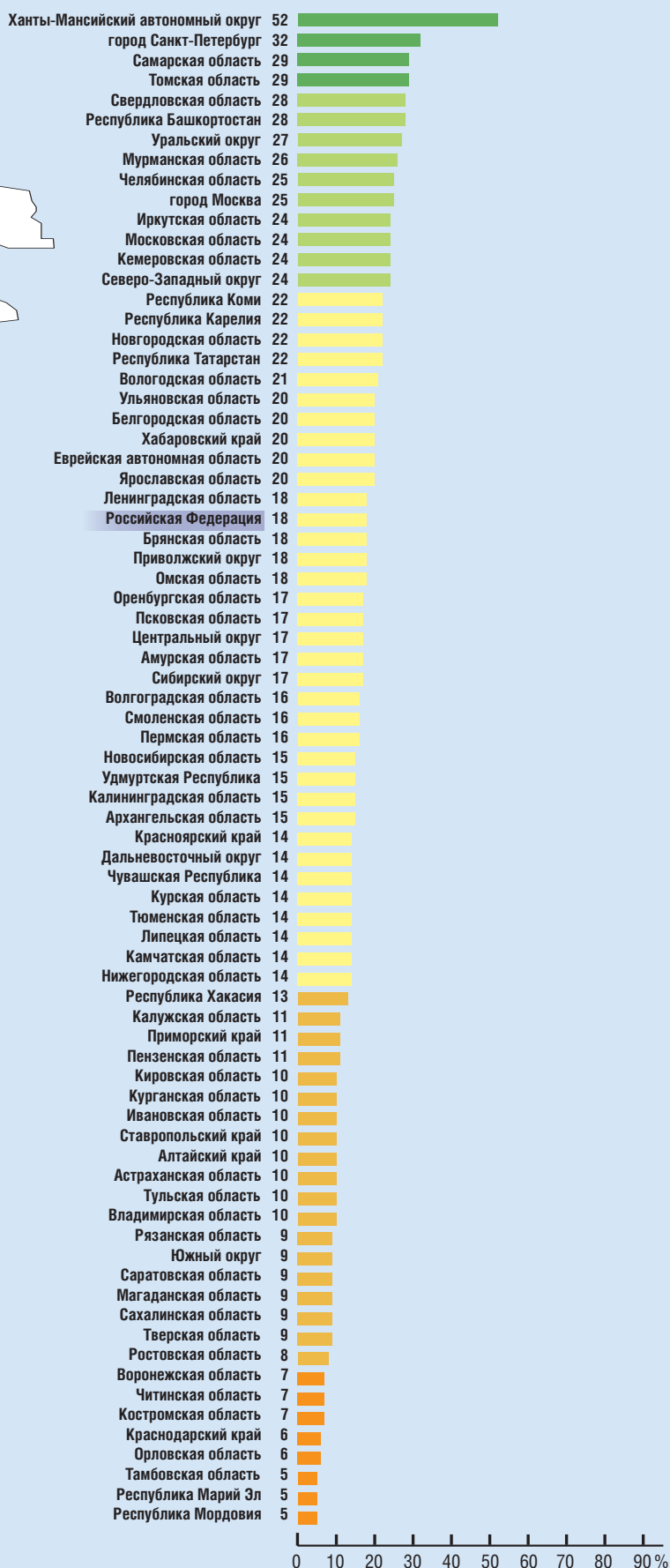
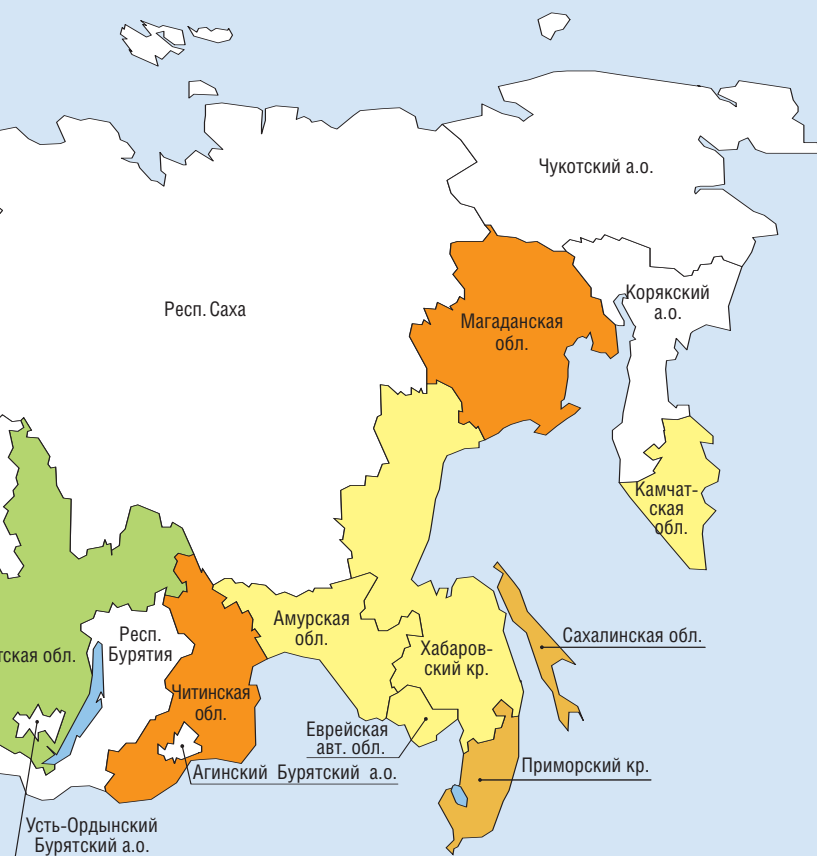
За последние год-два получали на карточку заработную плату (стипендию, пенсию)



Скажите, пожалуйста, что из перечисленного Вам приходилось делать за последние год-два? (Карточка. Любое число ответов)



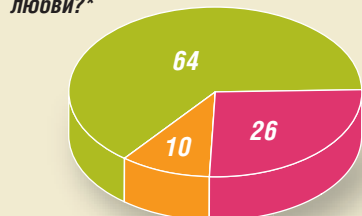
# Опрос 18—31 августа 2006 года. Выборка: 34 500 человек



# Любовь и ревность

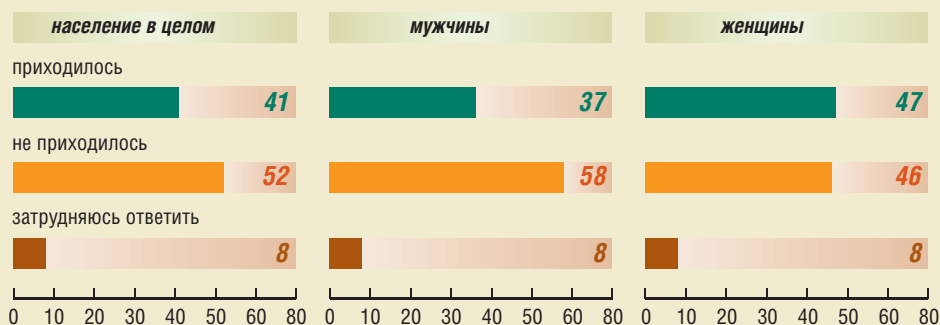
Данные в % от населения

Как Вам кажется, сегодня у Вас, в Вашей жизни, достаточно или недостаточно любви?\*



■ достаточно  
■ недостаточно  
■ затрудняюсь ответить

Приходилось ли Вам чувствовать себя несчастным (несчастной) в любви?\*



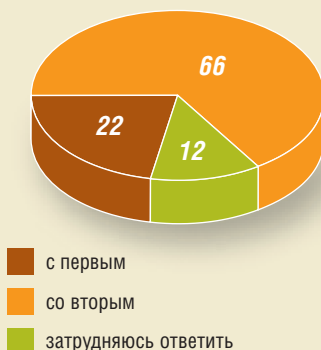
\* Опрос от 7–8 февраля 2004 г.

Можете ли Вы хотя бы приблизительно сказать, сколько раз в жизни Вам приходилось влюбляться в другого человека?\*\*\* (Открытый вопрос)



\*\* Опрос от 7–8 февраля 2004 г.

Одни считают, что возможно любить по-настоящему двух людей одновременно. Другие считают, что любить двух людей одновременно невозможно. С каким мнением — с первым или вторым — Вы согласны?\*\*\*

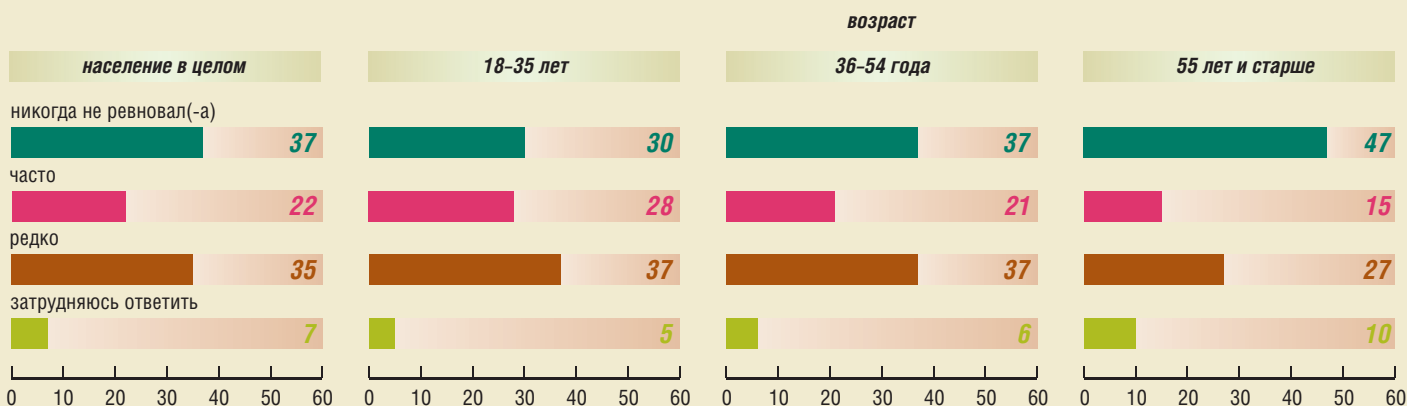


\*\*\* Опрос от 5–6 февраля 2005 г.

Есть разные мнения по поводу ревности. Одни считают ревность признаком настоящей любви. Другие считают, что при настоящей любви ревность, как правило, не возникает. Какая точка зрения — первая или вторая — Вам ближе?



Скажите, пожалуйста, Вы лично ревновали или никогда не ревновали? И если Вы испытывали это чувство, то часто или редко?



На графиках, там, где не приводятся даты, представлены данные опроса от 3–4 февраля 2006 года. Выборка: 1500 человек

→ *Окончание статьи.*

Судя по свидетельствам педагогов, они выходят из положения, работая на двух ставках. Это помогает выжить, но в условиях подобной нагрузки о достойном качестве жизни, подчеркивали участники фокус-групп, говорить уже не приходится.

*“Я каждый год веду 30–36 часов. Я очень люблю предмет и люблю детей, но когда я выхожу из школы, извините... Чтобы творчески реализоваться, нужно нормальное количество часов – 18. Нужно, чтобы после этого количества ты пришел домой и имел возможность восстановить силы и подготовиться к уроку...”* (ДФГ, Омск; 3-я волна).

*“Я по поводу 36 часов. 36 часов – это двойная нагрузка, плюс еще классное руководство. Нормально жить при такой нагрузке нельзя. То есть он должен развиваться, доучиваться, переучиваться, но физически уже невозможно. Учитель – все, останавливается на этом уровне, чтобы заработать деньги на проживание. И его никак нельзя осудить... 36 часов достойной жизни не дают. Это вообще позор нашему государству – что человек должен везти двойную нагрузку... Он будет идти вот такой дорожкой – и в конце концов получится, что отстал. Не потому что он виноват, а потому что ему не дали возможности работать над собой. Национальный проект сделал упущение. Недосмотрен этот вопрос – как должен учитель себя развивать. А если он не будет себя развивать, через год, через два он будет уже не нужен, то дети будут быстрее развиваться, потому что они пользуются большим временем, компьютером”* (ДФГ, Архангельск; 4-я волна).

*“Я считаю, что если учитель работает 36 часов, чтоб обеспечить свое существование, то это ненормально”* (ДФГ, Архангельск; 4-я волна).

*“Это нужно, извините за такую вот идею, иметь за спиной мужа, чтобы он тебя мог содержать, и тогда ты спокойно и комфортно работаешь – и остальное тебя мало волнует”* (ДФГ, Владивосток; 4-я волна).

Сквозь призму названной проблемы учителя воспринимают и национальный проект, прежде всего – те его направления, которые наиболее тесно с ней связаны, а именно: доплаты за классное руководство и конкурс лучших учителей.

## **Педагоги о доплатах за классное руководство**

Дополнительные выплаты за классное руководство – это единственная мера в рамках национального проекта, которая напрямую затрагивает проблему денежных доходов основной массы учителей.

Дополнительные выплаты не оговорены никакими конкурсными условиями, они предназначены всем классным руководителям и варьируются лишь по размеру, который зависит от количества детей в классе. Фактически это выглядит как помощь, причем, учитывая финансово-бытовые параметры современной жизни, весьма скромная. Впрочем, оценивать эту сумму можно по-разному, и представления учителей и министра образования о весомости классных доплат заметно различаются.

**А. Фурсенко:** *“Впервые за последние 20 лет в системе оплаты учителей было подчеркнуто, что оплачиваться должно не только количество*

часов, а существенная доплата должна производиться за воспитательную работу, за классное руководство.

...При переходе на отраслевую систему оплаты, на новую систему оплаты труда, над которой мы сейчас работаем, сама идея дополнительной и достаточно высокой оплаты воспитательной работы учителя будет сохранена”<sup>5</sup>.

**Педагог:** “Национальным проектом называть эту достаточно скромную надбавку как-то язык не поворачивается...” (ДФГ, Владивосток; 4-я волна).

“Тысяча – это настолько мало, что об этом стыдно даже говорить, понимаете, это не национальный проект!” (ДФГ, Архангельск; 2-я волна).

“Это очередное унижение и издевательство!” (ДФГ, Краснодар; 1-я волна).

“...А ту тысячу, которую нам за классное руководство дали, – это было просто унижительно. Когда депутаты приходят и говорят: вот мы вам дали... И очень хотелось нам услышать тут же зарплату депутатов. Эта тысяча проверяется, подсчитывается количество детей в классе. Очень многие сказали: да заберите вы эту тысячу, не надо нам классное руководство. Это очень унижительно, нельзя так делать. Либо не делайте вообще таких подачек, либо не говорите вот про вот это... Они зарплату получают в сотни раз больше, чем мы” (ДФГ, Владивосток; 4-я волна).

“Оценили нас в тысячу!” (ДФГ, Краснодар; 1-я волна)

“...тысячу рублей это не стоит... Это настолько грустно, это настолько тяжело!” (ДФГ, Краснодар; 1-я волна).

“Это подачка, которая не решает ничего” (ДФГ, Краснодар; 1-я волна).

“Это просто как насмешка” (ДФГ, Ярославль; 1-я волна).

“...так низко оценили человеческое участие в детях. Вопрос воспитания очень важен. А получается, что раньше ты улыбался каждому за рубль двадцать, а сейчас – за три рубля?” (ДФГ, Ярославль; 1-я волна).

Раздражение учителей усиливает “подушевой принцип” доплаты за классное руководство и налоги, которые существенно урезают эту сумму.

1-й участник: *И вот эта тысяча!*

2-й участник: *Не тысяча!*

3-й участник: *Не тысяча, меньше... Вы считайте: с этой тысячи уберут...*

*Если 20 человек – 800 рублей будет.*

Бурное обсуждение: *Провозгласили тысячу – значит, дайте тысячу рублей! Почему так унижать нас? Да какое они вообще имеют право? Почему теперь вычли?.. Есть классы, где мало детей, – самые трудные. У нас есть такие классы, тут надо вообще медаль давать золотую и вообще там грамоту. Не нужны эти тысячи – нужно просто достойную зарплату всем дать, и зачем вычитать?..”* (ДФГ, Краснодар; 1-я волна).

“...вот очень обидно, конечно, вот эта вот доплата за классное руководство, конечно. Если у нас классы... например, есть в школе у нас по 20 человек классы. Классный руководитель так же трудится. Или, например, в классе 24 ученика, а не 25...” (ДФГ, Ярославль; 4-я волна).

<sup>5</sup> Интернет-конференция министра образования и науки Российской Федерации А. Фурсенко. См.: <http://www.rost.ru/main/conference/i1.shtml>



*“Допустим, если доплата у классного руководителя тысяча рублей (это если у него в классе больше 25 человек), то он на руки (“чистыми”) получает 685 рублей...” (ДФГ, Казань; 1-я волна).*

*“Да, вообще, 681 рубль – это настолько смешная сумма. Когда обсуждаешь это с кем-то, кто не работает в школе, у них такая улыбка... Описать не могу, но очень горько!” (ДФГ, Казань; 1-я волна).*

Более того, как утверждают педагоги, зачастую речь идет о еще меньшей сумме.

*“...громко было сказано – что тысяча. Во-первых, что не тысяча, а 870 рублей, во-вторых, конечно, педагоги с высшей и первой квалификационной категорией – они раньше получали за классное руководство. Ну, грубо говоря, 500 рублей, ну в среднем, да. Сейчас они стали 870 рублей получать. То есть посмотрите разницу: всего на 370 рублей. Громко прозвучало: тысяча” (ДФГ, Ярославль; 4-я волна).*

*“Чтобы не преувеличивали бы значимость-то вот этих хотя бы денежных добавок. Я возвращаюсь к той же тысяче. Шумихи-то сколько! На самом-то деле – ничего. То есть вот эта реклама непонятная идет. Откуда тысяча может быть? Мы, возвращаясь к тому, как они это все просчитали и как они организовали, запустили... Как просчитывали-то, если нам, ну, как-то, оказывается, 300 рублей добавка, а не тысяча. То есть чтобы не было вот этого преувеличения-то” (ДФГ, Ярославль; 4-я волна).*

*“Участник: Ну, вот представьте, вот нам дали, классным, тысячу рублей. У нас в школах, во многих школах, и вообще в городе, решили: раз дают тысячу рублей... – убавить проценты. Положено 15% от ставки – дают 10%. То есть опять начали на этом экономить. А кто имеет право отнимать от нас заработную плату? Раньше было – нам за кабинет платили эти, теперь их уже не платят. Говорят, вам премию дадим. А премии – извините, ее не бывает.*

*Модератор: Вы это напрямую с национальным проектом связываете?*

*Участник: А с чем еще связывать? Тысячу рублей если не дать – положенные 15% платили бы. Тысячу рублей дали – теперь отняли. По 10% в некоторых школах” (ДФГ, Ярославль; 4-я волна).*

*“В каникулярное время эта доплата не идет... Не считается, что есть различные поездки, экскурсии там” (ДФГ, Ярославль; 4-я волна).*

Впрочем, если сравнить размер классных доплат с основным заработком учителя, “грязная” тысяча или “чистые” 870 рублей выглядят действительно весомо.

*“Хотя и за это спасибо. Исходя из наших окладов...” (ДФГ, Казань; 1-я волна).*

*“Доплаты за классное руководство... Ну, если, конечно, исходить из того, что у учителя, который проработал в школе 20 лет, зарплата 2500, то вот эти... сколько там процентов от 1000 рублей – 30%?. Это довольно солидная сумма, и на дороге они не валяются” (ДФГ, Казань; 1-я волна).*



*“Выплаты пусть незначительной суммы – в одну тысячу рублей, но прибавили...”; “чуть-чуть, на копейки разбогатели”* (ответы на открытый вопрос; 3-я волна).

*“Классное руководство – тысячу добавили... Все равно же это плюс какой-то есть. Раньше же за классное руководство 400 рублей только получали”* (Набережные Челны; 4-я волна).

Учителя воспринимают классные выплаты не как справедливое вознаграждение за труд классного руководителя и тем более – не как мотивирующий фактор, а как дополнительную сумму, которая никогда не помешает.

*“По документам я видела, что эта 1000 за классное руководство добавляется, если в классе 20 человек. ...У меня возникло такое радостное чувство – все, я ее уже почти получаю”* (ДФГ, Ярославль; 1-я волна).

*“Неоднозначное отношение. Классному руководителю эта даже тысяча – она не мешает; а с другой стороны, она проблем не решает”* (ДФГ, Владивосток; 4-я волна)

Однако, по замыслу разработчиков проекта, речь идет не просто о небольшой материальной помощи классному руководителю – в данном направлении заложена “высокая идея”. Как отмечал в своем выступлении на всероссийском совещании, посвященном презентации национального проекта “Образование” (2 февраля 2006 года), директор Департамента государственной политики в образовании Минобрнауки России И.И. Калина, она состоит в том, чтобы поднять воспитательный процесс в школе на новый уровень. В разъяснительных материалах официального Совета по реализации национальных проектов также подчеркивается: “...новая система оплаты труда учителей ориентирована на стимулирование качества и результативности педагогической работы”<sup>6</sup>; “...на федеральном уровне признана особая важность труда классного руководителя; ...впервые классным руководителям будет оказана значительная государственная поддержка, что станет стимулом для активизации воспитательной работы в общеобразовательной школе”<sup>7</sup>.

Идея активизации воспитательной работы получила своеобразную форму реализации – в виде шлейфа требований и претензий, с которыми, судя по материалам групповых дискуссий, сталкиваются сегодня классные руководители.

*“За что... наши классные руководители пострадали? Находятся такие родители, которые говорят: вам платят тысячу – работайте на нее. Спрос стал больше, потому что проверяют... И классные часы еженедельно и так проводил – а то их теперь еще и проверяют. Кроме того, каждый месяц численность считают учеников в классе”* (ДФГ, Ярославль; 4-я волна).

*“По поводу наших нагрузок. Если раньше можно было раскрутить себя как-то, то сейчас на тебя давят. Могут позвонить домой и спросить: где у тебя Петя Иванов в 5 часов вечера или в 9? Ну, ты же классный”*

<sup>6</sup> Зачем нужен масштабный национальный проект в образовании? Материалы официального сайта Совета при президенте России по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике [онлайн] // Дата обращения: 15 декабря 2006 года <<http://www.rost.ru/projects/education/ed1/ed11/aed11.shtml>>.

<sup>7</sup> Повышение уровня воспитательной работы в школах. Материалы официального сайта Совета при президенте России по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике [онлайн] // Дата обращения: 15 декабря 2006 года <<http://www.rost.ru/projects/education/ed2/ed21/aed21.shtml>>.

руководитель – и обязана знать, где он у тебя” (ДФГ, Архангельск; 4-я волна).

“Вот, например, по поводу функций классного руководителя. Получает он эту добавочную тысячу рублей к своим деньгам за часы. у него появляются, мне кажется, совершенно несвойственные для него обязанности, которые, может, где-то в 50–60-е годы когда-то были оправданы. Вот, допустим, у нас таким показателем работы классного руководителя считается количество посещений квартир. Я понимаю, когда можно посетить проблемную какую-то семью, но когда мы сто процентов должны посетить этих семей! И вы понимаете, ситуация меняется: это личная собственность, частная собственность. Кто нас запустит в квартиру? Но мы при этом должны как бы отчитаться перед вышестоящим начальством – что мы это сделали. То есть для чего это нужно? Мы теперь выполняем функции милиции...” (ДФГ, Омск; 4-я волна).

“...нагрузка на учителя возрастает с каждым днем, вот этих вот бумажек нам спускают каждую неделю, можно сказать, кипу новых, которые мы должны заполнять, за счет того что нам доплачивают за это классное руководство. То есть нас нагружают, у нас времени с детьми общаться практически не остается” (ДФГ, Краснодар; 4-я волна).

“Но теперь, когда классный руководитель говорит: «Куда же столько бумажек?» – ему директор легко отвечает: «Вам добавили – работайте»” (ДФГ, Екатеринбург; 4-я волна).

“Увеличилось, очень увеличилось количество отчетных документов” (ДФГ, Ярославль; 4-я волна).

Такую ситуацию учителя, умудренные опытом работы в школе, прогнозировали еще в марте.

“...доплаты за классное руководство... – за эту сумму (685 рублей) из нас, конечно, выжмут все соки...” (ДФГ, Казань; 1-я волна).

Эти опасения подтвердились, о чем свидетельствуют приведенные выше реплики участников фокус-групп 4-й волны. По свидетельству ярославского педагога, “классные руководители стали отказываться от классного руководства” (ДФГ; 4-я волна).

## Педагоги о конкурсе лучших учителей

Идея отбора и материального поощрения отдельных, пусть даже лучших педагогов на фоне нищенского существования большинства учителей у многих участников опроса вызвала раздражение. В ходе обсуждения на сентябрьской фокус-группе, отвечая на вопрос модератора о том, каковы должны быть критерии отбора лучших учителей, педагог восклицает:

“Да никакие! Да кто сейчас вообще остался работать – им бы всем памятник нужно поставить!!!” (ДФГ, Владивосток; 3-я волна).

Кроме того, как утверждали многие педагоги, в российских школах достойных учителей слишком много, чтобы отдельные поощрения воспринимались как по-настоящему справедливое признание заслуг победителя.

*Идея активизации воспитательной работы в школе получила своеобразную форму реализации – в виде шлейфа требований и претензий, с которыми сталкиваются сегодня классные руководители*

“Мне кажется, он вообще несправедливый! Очень много хороших учителей, я не знаю, какие могут быть объективные критерии для выдвижения. Это раскол в учительской среде. Это надо многим такие гранты давать!” (ДФГ, Краснодар; 3-я волна).

“Знаете, мы вот так иногда соберемся такой небольшой компанией и начинаем говорить: ребята, давайте посмотрим, у нас в школе работают учителя – кому можно дать «заслуженного»? Вы знаете, у нас пальцев рук не хватит. Мы-то сидим 5–6 человек – мы-то знаем, не подруге, а вот реально... сколько много учителей” (ДФГ, Екатеринбург; 3-я волна).

“Как можно с любой школы выбрать кого-то одного лучшего? Пять учителей математики – они все достойны! Три учителя физики – они все достойны этого! Ну как можно дать одному 100 000, да, а весь коллектив (допустим, в коллективе 100 человек) будет смотреть? Одному дали за что? Он что, лучше этих 100 человек работает?” (ДФГ, Краснодар; 1-я волна).

“...остальные-то в принципе чем хуже? Почему одного? Почему одному человеку – сто тысяч? Как можно из всей школы, из огромного педагогического коллектива выбрать только одного лучшего? Ну, не знаю, на мой взгляд, это несколько неэтично” (ДФГ, Краснодар; 2-я волна).

Участники дискуссий первых двух волн прогнозировали, что в нынешней ситуации выборочные поощрения создадут в школе нездоровую атмосферу зависти. Конкуренция между педагогами, подчеркивали они, принесет пользу лишь при условии достойного материального положения учительства в целом.

“Нет, вы знаете, что удивляет, да? Всегда вот читаешь – и смеешься. Вот опять, да, поощрение учителей премиями, да? Учителя практически и так у нас все нищие. И вот государство – нет бы сделать достойную зарплату учителям, сделать зарплату нормальную всем... Вот когда человек получает, вот получали бы мы по 10 000, я примерно говорю, и потом бы поощрили любого молодого специалиста – не было бы мне обидно, и никому бы не было обидно. Вот в таких случаях надо премиями поощрять. Когда мы все нищие, и из нищих выбирают одного, ему суют эту копейку!” (ДФГ, Краснодар; 1-я волна).

“Конечно, нужно поощрять лучших учителей, премировать, но нельзя забывать обо всех учителях. Первично нужно поднять всем учителям зарплату, а поощрять лучших – это уже вторично” (ДФГ, Казань; 1-я волна).

“...я поддерживаю коллегу, что он говорил, что действительно, что не таким путем, не таким методом, что ли. Если бы повысили зарплату, сколько он должен получать в стране, – это другой вопрос. А так – все это делается

от нашей бедности российской” (ДФГ, Краснодар; 2-я волна).

“Может быть, все-таки стоило бы прежде всего подумать о том, чтобы очень резко увеличить, так сказать, зарплату всем педагогам. Прежде чем что-то требовать, может быть, сначала нужно что-то дать, и дать серьезно” (ДФГ, Омск; 1-я волна).

“Просто принцип должен быть такой: сначала позаботьтесь обо всех, а потом – выбрать лучших” (ДФГ, Екатеринбург; 2-я волна).

*Идея материального поощрения отдельных, пусть даже лучших педагогов на фоне нищенского существования большинства у многих учителей вызвала раздражение*

По мнению министра образования А. Фурсенко, “миф о черной зависти” не получил подтверждения в школьной действительности: “Ну вот был такой миф, например, о том, что конкурсы на лучших учителей, на лучшие школы создадут непреодолимую вражду между учителями, между школами, что будут зависть черная, обида и борьба. Это ничем не подтверждено. Я специально занимался этим вопросом, просил дать информацию журналистов – ничем не подтверждено. Но до сих пор этот миф существует, что отталкивает некоторых учителей, например, от участия в конкурсе. Потому что они как бы не хотят участвовать в борьбе”<sup>8</sup>.

Между тем участники фокус-групп 4-й волны, обсуждая итоги прошедшего конкурса, опровергают выводы журналистов.

“1-я участница: *Очень у меня некоторые учителя пострадали. И те, кто получил, конечно, услышали в свой адрес...*

Модератор: *А между собой нет раздора?*

1-я участница: *Есть. Мы даже столкнулись с тем, что мы слышали, что говорили про некоторых учителей очень нелицеприятно. Неприятно уже просто за своего учителя; и самим людям, я думаю, что неприятно.*

2-я участница: *Вот у нас внутри даже нашей школы у нас <имя учителя> получила эту премию – 100 000.*

3-й участник: *И не рада.*

2-я участница: *Внутри школы она была не рада, потому что она получила эту премию... Большинство коллектива, конечно, были искренне за нее рады. Но были некоторые у нас, кто испортил, это была ложка дегтя в бочке меда” (ДФГ, Ярославль; 4-я волна).*

“Ну, наверное, очень хорошо, что появились учителя в школах, которые смогли получить дополнительное финансирование, но, скажем так, радости у тех, кто не может в этом принять <участие> – или считают себя слабыми, или по каким-то критериям не проходят – у них нет. Радоваться люди за других отучились, просто идет, наоборот, отрицательное отношение к тем, кто может себе это позволить” (ДФГ, Краснодар; 4-я волна).

“Вот получила грант у нас учительница физкультуры – говорит, что ей завидуют, да, лучше бы не было этих 100 000” (ДФГ, Набережные Челны; 4-я волна).

“...насчет грантов. Категорически осуждаю эту систему, потому что хороших учителей, сильных учителей, достойных того, чтобы их заметили, много. Мы выделяем из ста, из тысячи, ну, из десяти тысяч – одного. Одного человека выбрать – кто его выбирает, каким образом? 20 школ выберут одного учителя, который достоин. Ну, тогда будем выбирать чрезвычайно талантливых и давайте не будем не сто, не тысячу рублей, а давайте будем оценивать по-другому. Их вон сколько, преподавателей, учителей, которые остались, несмотря на то, что мы жалкое существование... Я категорически против. Получается, что национальный проект пытается всех нас рассорить. Как в медицине. Кто-то

ПОНЕДЕЛЬНИК	группа 9 группа 10	2/11
Рис-из-		
Лит-ра		
Географ		
Матем.	группа 113	
Вторник		4/11
Рис-из-	группа 15 группа 17	
Рис-из-		
Матем.		

<sup>8</sup> Интернет-конференция министра образования и науки Российской Федерации Андрея Фурсенко [онлайн] // Дата обращения: 30 ноября 2006 г. <<http://www.rost.ru/main/conference/i1.shtml>>.

*сидит и сознательно думает: что бы еще сделать, чтобы нагадить. В данном случае – учителям. Как еще перессорить между собой...*” (ДФГ, Архангельск; 4-я волна).

Примечательно, что такой же вывод делает и участник фокус-группы, победивший в конкурсе лучших учителей: “<конкурс> поссорил только...” (Набережные Челны; 4-я волна).

Представленные реплики в своей совокупности дают специфическую самопрезентацию учительства, которое воспринимает себя как корпорацию подвижников, где все – герои и все равны в своем трудовом подвиге. Заметим, что подобный способ самоидентификации восходит к пафосно-“демократической”, героико-эгалитаристской идеологии тоталитаризма (“Здравствуй, страна героев...”). Неслучайно на фокус-группах неоднократно звучало мнение о том, что многие учителя работают хорошо и добросовестно, просто некоторые, наиболее “пробивные”, “высовываются”, “выпячивают” себя – и это воспринимается с осуждением, в то время как другие тихо и добросовестно совершают свой каждодневный подвиг – и такая позиция заслуживает высокой моральной оценки.

*“1-я участница: Я хочу сказать, что есть такие скромные учителя, которые не любят выпячиваться. Они, может, делают и не меньше, просто не выпячиваются.*

*2-я участница: Да, везде есть такие... Они работают и работают, публично не выступают, не преподносят себя. Это зависит от характера...*

*1-я участница: ...А есть очень активные люди. Вот у нас была учительница – ее никто никуда не выдвигал, не предлагал, хотя она очень сильный учитель. Она делала все сама, просто шла напролом...”* (ДФГ, Казань; 3-я волна).

*“Я знаю, что в школе № 1 учитель математики – женщина очень инициативная. Она два раза получала премию Сороса, потому очень боевая, пробивная, решительная. Она может и завуча за пояс заткнуть. И с успеваемостью у нее хорошо. Хотя ученики и плакали, что она очень жесткая. Такие люди в первую очередь выдвигаются и получают”* (ДФГ, Архангельск; 3-я волна).

*“Некоторые люди очень добросовестные и хорошо работают – но недостаточно рекламные...”* (ДФГ, Омск; 3-я волна).

*“...вопрос в том, что кто-то себя выпячивает. Чисто личностное такое направление, как, например, эта женщина, которая может кичиться тем, что: я организовала экскурсию... То есть когда сам человек себя ведет вот так – и есть вещи, которые выставляются напоказ, – на самом деле человек за это получает деньги. То есть так вот гордиться, что я всю жизнь положила на ваших детей – на мой взгляд, просто некрасиво. И тот, кто умеет себя более выставить... У нас в школе много хороших учителей. Учитель химии – великолепная женщина, чудесный преподаватель. Почему-то вот таких вот учителей, которых у нас немало в школе, – их почему-то не выдвигают. Но выдвигают тех, которые могут сами себя поставить... И когда одна такая звезда, весь коллектив на нее смотрит волком, потому что много людей добросовестных, хороших, с хорошими результатами, но не выставляющих себя так. Мне кажется, что это минус”* (ДФГ, Краснодар; 3-я волна).



Нельзя сказать, чтобы учителя тотально отвергали саму идею конкурсов как мотивирующих рычагов, создающих здоровую конкурентную среду в средней школе. Однако сегодня они требуют прежде всего безусловной помощи от государства, не оговоренной никакими конкурсными требованиями. Именно резкое, в разы, повышение зарплат будет, по мнению учителей, адекватной оценкой сложности, важности и общественной значимости труда учителя и поможет эффективно решить проблему кадров средней школы.

*“Какой национальный проект? ... Я считаю, подняли <бы> зарплату нормально... 20 тысяч – нормальная зарплата, большего нам не надо, и выходные...”* (ДФГ, Архангельск; 1-я волна).

*“...Конечно, будет статус нормальный учителя... Может, это мое личное мнение, но, чего греха таить, учителя тоже халдят. Потому что тяжело: 30 часов, 38 часов. Да будь ты неладен! Отсидел до вечера – и бегом, и забылся, лишь бы заработать что-то. А тогда конкуренция будет нормальная:*

*а ты хуже, а тебя дети не любят! Это будет престижно – работать в школе, и лучше будет работать. А то конкуренции-то нету, ну, с кем мы будем конкурировать? Друг с другом? Все загнаны...”* (ДФГ, Краснодар; 1-я волна).

Подводя итоги прошедшего конкурса, педагоги говорили о нем как об эффективном, но малоэффективном финансовом вложении, не способном изменить ситуацию в средней школе.

*“В конце концов учитель – как он работал, так и работает. Оттого, что вот вы получили эти 100 тысяч, вы не стали ни лучше работать, ни хуже... Факт тот, что это не так нужно было делать! Нужно было эти 100 тысяч, эти миллионы собрать – и поднять зарплату каждому учителю! А то, что это сделали вот, – это только хуже, от этого ни одной школе, ни одному ребенку лучше не стало!”* (ДФГ, Набережные Челны; 4-я волна).

*“Этот проект не решает проблемы системы образования. Ведь основная проблема – кадры. А тут про нее ничего не сказано, проект никак кадры не поддерживает... Мне кажется, что это вроде подачки, которую нам бросили. Поживем – увидим...”* (ДФГ, Ярославль; 1-я волна).

*“...Молодежь как не шла – так она и не пойдет. Ему все равно, что он может потом получить звание «Лучший учитель». Национальные проекты позволяют тем, кто <уже> работает в школе, себя реализовать либо свою самооценку повысить”* (ДФГ, Архангельск; 3-я волна).

*“Где-то там какая-то заманиха идет разовая, и все. Даже вот с этими выдвигенцами, стотысячниками – ну ладно, получила я один раз в 5 лет 100 000 – и что?.. Но зато какая гордость у государства, что оно дало!”* (ДФГ, Владивосток; 4-я волна).

*“...я получил 100 000 – и их уже нет, жена все истратила. Она даже мне телефон свой старый отдала, а меня попросила ей купить навороченный, а мне свой отдала”* (ДФГ, Набережные Челны; 4-я волна).

*Подводя итоги прошедшего конкурса лучших учителей, педагоги говорили о нем как об эффективном, но малоэффективном финансовом вложении, не способном изменить ситуацию в средней школе*

## Материальное положение российских учителей: количественные оценки

Вопрос о материальном положении, столь болезненный для большинства учителей, был специально рассмотрен в ходе третьей (сентябрьской) волны целевого исследования.

Половина педагогов (53%) и четвертая часть родителей, родственников школьников (27%) в ходе этого опроса сказали, что, по их мнению, заработок большинства учителей ниже средней зарплаты бюджетников их региона. Чаще других об этом говорили педагоги, работающие в больших городах (65%), а также пожилые учителя (64%).

Около трети представителей обеих групп (30% педагогов и 32% родителей) полагают, что она находится на среднем уровне.

Представление о том, что учителя получают больше, чем “средний” бюджетник региона, разделяют немногие: 6% педагогов и 13% родителей (среди родителей сельских школьников – 18%). Затруднились дать сравнительную оценку учительских зарплат 12% педагогов и 28% родителей (*график 5*).

На фокус-группах также преобладало мнение, что учителя живут “хуже всех”.

“Модератор: А как вы думаете, российские учителя живут в целом лучше большинства россиян, хуже или так же, как большинство россиян?”

Участница: *Вы это серьезно спрашиваете? Специально?* (Казань; 3-я волна).

“Хуже всех! (Общее согласие)” (ДФГ, Краснодар; 3-я волна).

Судя по данным того же опроса, 40% российских учителей имеют ежемесячный доход на члена семьи свыше 3500 рублей. Родители в целом живут хуже – в этой группе лишь 31% имеют такой уровень среднедушевого дохода. В диапазоне значений от 2500 до 3500 рублей оценивают свой среднедушевой доход 31% педагогов и 27% родителей, менее 2500 рублей в месяц на человека – 24% педагогов и 32% родителей (*график 6*). Конечно, дифференциация по доходам среди родителей выше, чем среди учителей (максимально указанное значение в первой группе составляет 45 тысяч, во второй – 20 тысяч). Тем не менее, расчетное сред-

нее значение среднедушевого дохода в группе педагогов несколько выше, чем в группе родителей: 3753 рубля и 3547 рублей соответственно.

Разумеется, делать “онтологические” выводы о реальном положении вещей, исходя из данных самооценок, было бы неправильно. Значения, полученные на основании ответов учителей и родителей, плохо согласуются с официальной статистикой<sup>9</sup>. В то же время в рамках нашего исследования неожиданное соотношение доходов педагогов

и родителей находит дополнительное подтверждение. Так, среди педагогов каждый второй респондент имеет дома компьютер (47%), а среди родителей эта доля несколько ниже – 42%. Соответственно, не имеют дома компьютеров 52% педагогов и 57% родителей (данные 4-й волны исследования).

<sup>9</sup> Например, согласно данным Госкомстата, средние денежные доходы на душу населения в ноябре 2006 года составили 10 288 руб.

(см.: [http://www.gks.ru/bgd/free/B06\\_00/IssWWW.exe/Stg/d11/06-0.htm](http://www.gks.ru/bgd/free/B06_00/IssWWW.exe/Stg/d11/06-0.htm))

*И педагоги, и родители почти единодушно убеждены в том, что зарплата учителя должна быть выше средней зарплаты работника бюджетной сферы*





График 5. Представления педагогов и родителей о зарплате учителей (% от групп)



График 6. Среднедушевой размер дохода педагогов и родителей (самооценки) (% от групп)

И педагоги, и родители почти единодушно убеждены в том, что зарплата учителя должна быть выше средней зарплаты работника бюджетной сферы. Это мнение разделяют 86% первых (в больших городах – 94%) и 72% вторых, и лишь 5% и 7% представителей названных групп придерживаются противоположного мнения; для 9% педагогов и 21% родителей вопрос показался сложным, и они не дали на него однозначного ответа (данные 3-й волны исследования).

И педагоги, и родители, настаивая на необходимости сравнительно высокого размера учительского вознаграждения, обосновывали свой ответ прежде всего тяжелой работой учителя.

*“Трудно работать учителям – дети непослушные”; “тяжелый труд, много души вкладываешь, эмоциональная работа”; “трудная профессия; труд должен достойно вознаграждаться”; “эта работа хуже, чем физическая”; “дети – это такой тяжелый труд, поэтому учителя должны, конечно, больше получать”; “у них такая тяжелая работа – весь день с детьми, а они разные: есть послушные, а есть хулиганы”; “дома с двумя с ума сходишь – а тут с целым классом”* (подобные ответы на открытый вопрос получены от 37% педагогов и 33% родителей).

О том, что учитель несет высокую ответственность перед обществом, говорили 16% педагогов и 15% родителей.

*“В руках учителя – будущее России”; “учительство – это направляющая сила, мы растим и воспитываем кадры”; “учитель дает все, все начало идет от учителя”; “от учителей зависит здоровье нации”; “важная работа для общества”; “работающие для создания общества должны быть в привилегированном положении”; “учитель – это воспитатель души: что заложит, то и получим в будущем”; “они менталитет страны выращают”* (ответы на открытый вопрос).



График 7. Специальности, необходимые российскому обществу, и их востребованность социальными субъектами (работодателями и молодежью, получающей специальности) (% от групп)

Каждый десятый педагог и 5% родителей обращали внимание на большую ответственность работы с детьми.

*“Учителя в какой-то мере отвечают за детей”; “большая ответственность за жизнь детей”; “у них ответственная работа, ошибки учителей нельзя исправить”; “у них больше ответственности”* (ответы на открытый вопрос).

На дороговизну повседневных товаров и услуг и необходимость в этих условиях поддерживать достойный уровень жизни (*“чтобы жить, а не существовать”*) ссылались 9% педагогов и 3% родителей (*“на такие деньги жить нельзя, унижение – такая зарплата”*).

На то, что достойная зарплата оказывает мотивирующее действие на учителя, побуждает его к большей самоотдаче в работе с детьми, обращали внимание 12% родителей и 8% педагогов.

*“Чтоб качественно работать, нужен материальный стимул”; “чем выше зарплата, тем качественнее образование”; “учитель должен быть достойным своего звания, думать не о хлебе насущном, а как лучше работать”; “чтобы отношение к детям было достойное в связи с материальным удовлетворением”; “больше будут отдавать себя профессии”; “учитель должен думать об учениках, а не о деньгах”* (ответы на открытый вопрос).

\*\*\*

Нельзя отрицать, что материальное положение российских педагогов остается достаточно напряженным. Сносное материальное существование учитель обеспечивает себе ценой двойной нагрузки. С одной стороны, это помогает ему выжить в рамках своей профессии, с другой – приводит к истощению интеллектуальных, эмоционально-психологических, физических ресурсов. Ситуация эта переживается педагогами тем более болезненно, что входит в противоречие с их своеобразными представлениями о своей социальной миссии.

## Учитель – воспитатель нации и объект патерналистской заботы

Специфической, исторически сложившейся особенностью мировоззрения и профессионального самовосприятия учительства являются присущие этой группе “миссионерское” представление о своей роли в обществе.

Представления об “особой миссии” учителя в целом поддерживаются социумом, хотя, думается, скорее на уровне табуизированных стереотипов, нежели реального отношения к конкретным представителям учительской профессии.

Как было показано выше, ряд педагогов и родителей напрямую связывают вопрос о зарплатке учителей с их особой ролью в обществе<sup>10</sup>. Еще одним подтверждением бытующего представления о ключевой роли учителя служат данные упомянутого выше опроса о востребованности специальностей социо-гуманитарного профиля. Напомним, что в числе специальностей, наиболее популярных среди молодежи и “ходовых” на рынке труда, педагогика называлась очень редко. Однако именно эта специальность чаще всего отмечалась как наиболее нужная для сегодняшней России (39%; на этом же уровне упоминаний – экономика, 38%; см. *график 7*). Акцент на общественной значимости педагогики делали чаще других жители Москвы, а также люди с высшим образованием (56 и 47% соответственно).

Преисполненные сознанием своей особой социальной миссии, некоторые педагоги чувствуют себя проводниками и выразителями “национальной идеи”. Впрочем, конкретные рассуждения учителей на эту тему быстро низводят “национальную идею” до уровня “прописных истин” педагогической практики.

*1-й участник: Вот, возвращаясь к тому, что вы сказали о том, что национальная идея... Да ведь ее ждать нельзя, национальную идею. Надо что-то делать, действительно, что-то делать, и поэтому есть люди, которые болеют за Россию.*

*2-й участник: Учителя и делают ее. Работаем как ломовые лошади, воспитывали и воспитываем. Не ждем и двигаем этот прогресс.*

*3-й участник: Из детей воспитываю настоящих мужчин. Стараюсь, чтобы они действительно уважали девочек. Ну, все прописные истины. Это наши идеи...”* (ДФГ, Омск; 4-я волна).

Специфическим дополнением к этим “миссионерским” настроениям выступают присущие учителям патерналистские ожидания. Воспринимая себя как особую, наиболее важную часть общества, учителя требуют от государства соответствующего, привилегированного отношения к себе. Несовпадение этих ожиданий с действительностью вызывает социальную фрустрацию, жалобы, обиды, упреки в адрес государства.

*“...государство не оценило нас так, как надо. С материальной стороны – без помощи, и очень много грязи выливается, если вы замечаете. Раньше такого никогда не было... К нам государство повернулось не тем боком”* (ДФГ, Омск; 3-я волна).

*Специфической, исторически сложившейся особенностью мировоззрения и профессионального самовосприятия учительства являются присущие этой группе “миссионерские” представления о своей роли в обществе*

<sup>10</sup> См. приведенные выше ответы педагогов и родителей на открытый вопрос, почему, по их мнению, зарплата учителя должна быть выше, нежели средняя бюджетная по региону.

*“Ну, что я скажу? Загадочно обижены мы, конечно, потому что все-таки, как уже тут говорилось, что не хватает материальных средств... Понимаете, ну как сравнить? Я же не буду равнять водителя трамвая... А в целом, мне кажется, преподаватели слабоватенько против вот всех специальностей. Даже предприниматели, реализаторы – и те свободнее себя ведут, открыто, больше позволяют себе. Как-то стесненные рамки у нас. Мы как-то и сдерживаем себя, и где-то внутри не зло таим, а какую-то обиду...”* (ДФГ, Краснодар; 3-я волна).

*“А мы ведь тоже, собственно, государственные люди... А чё ж вы от нас так отворачиваетесь, государство-то?”* (ДФГ, Екатеринбург; 3-я волна).

Патерналистские настроения – важнейший компонент социального мировоззрения учительства. Его логическая (“архетипическая”) основа – “вертикальное” построение социального мира, что, в общем, соответствует как профес-

сиональной, так и социальной позиции учителя (в первом случае имеет место вертикаль “ученик – учитель”, во втором – “учитель – администрация – чиновник – государство”). Неудивительно, что социальные установки учителей во многих отношениях воспроизводят типичные социально-ролевые паттерны административно-командной системы. Национальный проект, “направляющий” в педагогическую среду чужеродный для нее импульс инициативы и конкуренции, позволил это достаточно отчетливо различить.

Проявившееся на фокус-группах откровенное нежелание учителей проявлять инициативу в ситуации, когда государство готово эту инициативу ощутимо поощрить, порой обескураживает. Складывается впечатление, что значитель-

ная часть педагогов нуждается в административных рычагах введения инноваций. Страдая от бюрократического давления<sup>11</sup>, многие педагоги в то же время не настроены проявлять инициативу вне подобного давления – даже в том случае, если эта инициатива выгодна в первую очередь им самим.

Между тем подобная инициатива представляет собой важнейшее условие, по умолчанию заложенное в национальном проекте и в значительной степени определяющее успех или неуспех его реализации. Фактически национальный проект исходит из ложного представления об этосе, мировоззрении, действительных условиях существования и потенциале современного российского учительства. Этот разрыв между идеализированным образом учителя, готового с энтузиазмом подхватить не очень продуманную интенцию власти, и реальным педагогом, зажатым в тиски своих проблем и социальных установок, создает деструктивное напряжение в корпусе начинаний, получивших название “Национальный проект «Образование»”. ■

<sup>11</sup> На фокус-группах неоднократно звучали жалобы на усиление бюрократических начал в школе, на обилие спускаемых сверху указаний и требований бумажной отчетности.

*Воспринимая себя как особую, наиболее важную часть общества, учителя требуют от государства соответствующего, привилегированного отношения к себе. Несовпадение этих ожиданий с действительностью вызывает социальную фрустрацию, жалобы, обиды, упреки в адрес государства*

# Реклама на телевидении

Телевизионную рекламу – по крайней мере в ее нынешнем объеме и формате – россияне не жалуют. Почти у двух третей телезрителей (вопросы задавались тем, у кого есть телевизор, – таковых оказалось 99%) “рекламные паузы” вызывают реакцию отторжения. Половина опрошенных (51%) утверждают, что, когда по телевизору начинают показывать рекламные ролики, они переключаются на другой канал, 7% – отключают звук, 4%, по их словам, вообще выключают телевизор. Четверть участников опроса (25%) во время рекламы начинают заниматься другими делами. Только 11% опрошенных заявили, что смотрят и слушают телевизионные рекламные ролики. В целом представители всех возрастных групп демонстрируют сходный уровень интереса (или, напротив, антипатии) к телерекламе.

Вместе с тем нельзя сказать, чтобы россиянам совсем не нравилась любая демонстрируемая по телевизору реклама. Половина опрошенных (50%) сообщили, что среди рекламных роликов, которые идут на



*Общероссийский опрос населения от 4–5 марта 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).*

телевидении, некоторые им нравятся (правда, 47% говорят, что таких роликов мало, и только 3% – что их много). Доля тех, кому не нравятся никакие из показываемых роликов, составляет немногим меньше половины от числа опрошенных – 44% (среди молодежи – 30%).

Подавляющее большинство респондентов (91%) говорят, что телереклама занимает слишком много эфирного времени, и только 6% склонны считать, что под нее выделено столько времени, сколько нуж-



но (чаще этот вариант ответа выбрали представители молодого поколения – 11%).

Негативное восприятие телерекламы россиянами связано, по всей видимости, не только с ее количеством и качеством, но и с тем, какие именно товары рекламируются. Только 11% опрошенных считают, что рекламировать можно все разрешенные товары и услуги, тогда как три четверти – 74% – придерживаются мнения, что некоторые из разрешенных и рекламируемых сейчас товаров и услуг рекламировать не следовало бы. В числе таковых упоминаются, как правило, алкогольные



напитки (38% ответов на открытый вопрос), средства личной гигиены (28%), табачные изделия (20%) и лекарства (16%).

О том, насколько широко распространено категорическое неприятие рекламы на телевидении, можно судить по доле респондентов, выражающих готовность платить за ее отсутствие. Треть опрошенных (32%) заявили, что, если бы была такая возможность, они предпочли бы платить “небольшие деньги”, чтобы смотреть центральные каналы без рекламы; половина респондентов (52%) в ситуации такого гипотетического выбора предпочли бы смириться с рекламными вставками. Характерно, что различий по социально-демографическим группам в данном случае не наблюдается, за исключением одного: женщины несколько чаще мужчин выражают готовность смотреть рекламу, а мужчины – платить за ее отсутствие.

Отметим также, что, по мнению более чем половины опрошенных (55%), сегодня телевидение не может существовать без рекламы; треть (32%) с этим не согласна и считают, что оно могло бы без нее обойтись.

**Е. Вовк**

# MAN OF FIRE





**“Социологический поворот в моей профессиональной жизни носил несколько мистический характер...”**

## Интервью Елены Петренко Борису Докторову

**В**о второй половине 60-х в институте, который много раз менял свое название, а теперь именуется Институтом социологии РАН, сложилась сильная группа молодых аспирантов и научных сотрудников, имевших математическое и физическое образование, которые под руководством “отцов-основателей” советской социологии начинали разрабатывать проблемы методолого-методической направленности. Философские взгляды этих людей можно охарактеризовать как позитивизм, припорошенный марксизмом, их гражданские и общекультурные воззрения формировались на излете “оттепели” и культивировались их руководителями-“шестидесятниками”. Одним из ярких представителей этой когорты является Елена Петренко.

Она начинала свою социологическую деятельность с участия в создании первой в СССР территориальной выборки, когда многим эта затея казалась дорогой и малопонятной. В конце 80-х данный опыт оказался полезным при формировании выборки во Всесоюзном центре изучения общественного мнения. В последние полтора десятилетия в руках Е.С. Петренко – важнейшие нити управления сложнейшей машиной по проведению общероссийских опросов Фонда “Общественное мнение”.

Каждый, кто прочтет это интервью, поймет, что речь идет о настоящем профи. Добавлю, что не только Лена – всегда привлекательная, элегантная женщина и человек, многим принесший добро.

**Борис Докторов**

## Дороги, которые мы выбираем

*Лена, как бы ты определила свою нынешнюю профессиональную специализацию: исследователь общественного мнения, специалист в области методики, техники и организации опросов общественного мнения? Вопрос этот связан с тем, что ФОМ – не “академическое” подразделение, а научно-практическое.*

Замечу: вопрос непростой. Бедные-бедные наши респонденты! Как же им напряжно отвечать на подобные вопросы о *роде их профессиональных занятий!* Правда, мы им карточку даем, где есть варианты возможных корректных ответов, несмотря на странную (универсалистскую) форму вопроса. Вопрос-то адресован всем – и помощнику повара, и конструктору, и почасовой сиделке, а варианты ответа: руководитель, специалист, технический исполнитель (служа-

Бывают, конечно, минуточки, когда разглядываю полученные свежайшие распределения ответов – удивляюсь и радуюсь тогда частенько. Уверенно назвать себя сегодняшнюю исследователем все же язык не поворачивается. Может быть, остатки прежней исследовательской роскоши удастся удержать на разного рода презентациях и семинарах или когда книжки, статьи читаю.

Так что ответу тебе честно: моя должность – директор по исследованиям, а выбирая из предложенных тобой (замечу, не альтернативных) вариантов ответа – скорее, все-таки специалист в области методики, техники и организации опросов общественного мнения.

*Можно ли сказать, что в целом ты работаешь по профессии, то есть в той области социологии, к которой готовила себя, поступив в аспирантуру?*

В любом случае – не без этого. Правда, когда собралась идти в аспирантуру, ничего подобного в виду не имела. Смутные мои ожидания были связаны, я теперь думаю, скорее всего, с некими романтически воображаемыми процедурами и алгоритмами обработки и анализа результатов эмпирических исследований, с получением “красивых группировок” данных, с обсуждением результатов с интересными людьми и т. п.

*Какое твое базовое образование? Когда, почему и как произошел твой “скачок” в социологию? В какой мере это было случайным, в какой – результатом целенаправленного поиска?*

Родилась я под Москвой, в поселке фабричном Вербилки. До сих пор думаю, что это одно из райских мест. Там старинный (Гарднер) Дмитровский фарфоровый завод, роскошные леса, реки Дубна и – в моем детстве – маленькая, но целебная Якошь.

В школу пошла в Москве, но папу послали запускать ускорители в Дубне, и когда я пошла во второй класс, мы стали жить в Дубне. Там я и школу окончила. А в институте училась в Москве.

Окончила я Московский инженерно-физический институт по специальности “вычислительная техника” в середине 60-х. Диплом писала по перцептрону Розенблатта. О-о-очень романтичный, кибернетизированный, наполнен-

*На вопрос: “А что это за наука такая – социология?” я получила ответ: “Кто ее знает, но слово-то красивое...”*

ций), рабочий, другое. Вот интервьюер и разбирается, как кодировать помощника повара – или как специалиста, или как рабочего, или как технического исполнителя...

Если использовать твою подсказку, то, на первый взгляд, получается, что, конечно, я – исследователь общественного мнения, но о-о-очень специфически озабоченный инструментальными, измерительными задачами. Главные мои временные затраты – менеджмент и участие в программировании общенациональных опросов, чтобы вовремя и корректно был сформулирован вопрос (при этом не столько формулирую, сколько предложенные коллегами формулировки обсуждаю и корректирую), чтобы респонденты (эксперты) были отобраны корректно, чтобы не было сбоев при обработке и визуализации полученных результатов и т. п. Одним словом, целый день при деле, а что сделала за сей безумный день – одному Богу известно, лишь бы обошлось без сбоев.



ный таинствами и грядущими откровениями... А по распределению оказалась в “ящике”, где должна была выверять какие-то алгоритмы, нарисованные квадратиками на “синьках”. По этим “синькам” в Копьяре “зашивались” программы, управляющие пуском каких-то ракет.

Не выдержав и года, сбежала... в Госкомстандартизации, в странненькую исследовательскую группу, которая под руководством врача-физиолога Юрия Макарова изучала воздействие вибраций на организм трактористов. В составе этой группы, почему-то называвшейся “группой эргономики”, были математик-программист Саша Кузнецов, детский психолог Инна, врач-терапевт Ольга Яковлевна Кобринская и я, молоденькая и очень амбициозная. Группа проводила эксперименты: испытуемого трясли в “кресле тракториста”, при этом до и после этого измеряли различные психофизиологические реакции. Мне нужно было “распознавать образы” после обработки полученных результатов с помощью программы, которую должен был написать наш программист под моим присмотром. “Образы” образами, но меж тем появились две наши коллективные публикации по итогам наблюдений за реакциями испытуемых. Это для меня тогда был весьма даже значимый результат.

Как-то Ольга Яковлевна, с которой я, несмотря на разницу в возрасте, очень близко подружилась, познакомила меня с “совершенно удивительным человеком” – Ильей Борисовичем Мучником.

Илья сразу нагрузил меня какими-то делишками, и я стала писать программы на АЛГОЛе. Мучник привел меня в 25-ю лабораторию Института автоматики и телемеханики (ИАТ), который тогда располагался на Каланчевке. Вот уж где *распознавали* образы! Вот уж где царил пир интеллекта! Здесь на семинарах под руководством М.А. Айзермана блистали не только Э.М. Браверман и Л.И. Розоноэр, но и их ученики и последователи (тогда еще аспиранты и м.н.с.) – С. Меерков, В. Лумельский, А. Дорофеюк, Н. Завалишин, А. Чернявский. Я обалдела и захлебнулась от этого пиршества духа – и поняла, что ничегошеньки не смыслю в “распознавании образов”. Но мне было безумно интересно, не всегда и не все понимая умом, вчувствоваться в удивительно изящ-

ные математические построения Э. Бравермана, которые спустя несколько лет оформились в метод потенциальных функций. Постепенно я все больше и больше времени стала проводить в 25-й лаборатории, получая зарплату в “группе эргономики”. Через несколько месяцев я завершила создание программы для БЭСМ, которая довольно успешно на основе обучающей последовательности умела распознавать образы, то есть неплохо классифицировала предъявляемые объекты. Вскоре В. Вапник подготовил и выпустил сборник трудов аспирантов ИАТ, где была и моя с И. Мучником статья про использование этой программы для “распознавания образов”. Руководитель “группы эргономики” стал ворчать про мое постоянное отсутствие на месте получения пусть ничтожной, но зарплаты. Я стала нервничать. Это был конец июня 1968 года.

***Не могла бы ты кратко и понятно сказать, в чем суть “распознавания образов”?***

Если упростить до абсурда, то это выглядит примерно так. Каждая единица, подлежащая распознаванию (классификации), предъявляется своими параметрами/характеристиками/значениями. Например, город описывается тремя переменными: число жителей, доля мужчин и доля женщин. Город Г1 имеет характеристики Ч1, М1 и Ж1. Эти характеристики обозначаются тип/класс/образ А. Другой город Г2 с характеристиками Ч2, М2 и Ж2 обозначается как образ Б. По характеристикам следующего города Г3 вычисляется расстояние (например, евклидово) до образа А и до образа Б. Пусть город Г3 ближе к городу Г2, а не к городу Г1, значит, он принадлежит к классу Б. Затем параметры класса Б (описание класса) пересчитываются как средние между характеристиками Г2 и Г3. Так продолжается до тех пор, пока параметры классов становятся в соответствии с тем или иным критерием устойчивыми, или все города, “классовая принадлежность” которых не установлена, оказываются исчерпанными. На этом процесс “обучения” заканчивается. И далее относительно любого города, про который не было известно, к какому классу он относится, выносятся заключение, что он относится к тому из классов А или Б, “расстояние” до которого меньше.

## Социологические штудии

*Я тебя прервал, а ведь ты уже приблизилась к социологии...*

Вот именно. Как-то летом 1968 года мой муж, Валентин Петренко, который работал в районе метро “Динамо”, идя с работы к метро, прочел объявление, что Институт конкретных социологических исследований АН СССР объявляет прием в аспирантуру. Он посоветовал мне пойти туда, аргументируя это тем, что публикации у меня есть и экзамены кандидатские (философия и английский) сданы, а попав в аспирантуру, я разрешу развивавшийся конфликт с “эргономикой”. Я возражала, что, мол, И. Мучник ни за что не разрешит мне идти в какую-то чужую аспирантуру, а если поступать без его одобрения, то он меня заставит уйти оттуда. На что Валентин резонно заметил, что меня пока еще ни в какую аспирантуру не зачислили и говорить, в том числе и с Мучником, пока совершенно не о чем. Дело лишь в том, чтобы поехать на “Динамо” и отдать документы. На мой вопрос “А что это за наука такая – социология?” я получила ответ: “Кто ее знает, но слово-то красивое...”

В результате подала документы, после чего, не задав мне ни единого вопроса, меня зачислили в аспирантуру ИКСИ АН СССР. Моим руководителем оказался всеильный тогда основатель ИКСИ д.ф.н. Г.В. Осипов, тотчас перепоручивший меня своему коллеге к.ф.н. Э.П. Андрееву.

О своем зачислении в аспирантуру ИКСИ я сообщила Илье по телефону. Он разозлился страшно. Кричал, что я сама не понимаю, куда попала, что это “чекистский институт”. Немного поутих, когда я объяснила, что ИКСИ – институт академический, открытый, имеет вывеску и убогое подвальное помещение. Когда я приехала к И. Мучнику в Институт проблем управления (ИПУ), в который к тому времени превратился ИАТ, он потребовал, чтобы я организовала ему встречу с Г.В. Осиповым, дал мне клочок бумаги с каким-то телефонным номером, обязал явиться завтра на работу (ясное дело, в ИПУ) к 9.00 и сразу же позвонить по этому телефону. Кому, зачем, для чего звонить – не считал нужным объяснять.

*Как происходил выбор направления твоего аспирантского исследования? В чем оно заключалось?*

Тема аспирантской работы тоже свалилась на меня почти мистически. Поутру, придя в 25-ю лабораторию ИПУ раньше всех, я набрала телефонный номер, который И. Мучник передал мне накануне. “Леночка?! – услышала в трубке игривый мужской голос. – Буду через 10 минут”. Кто будет? С какой стати будет? И зачем будет? Я понятия не имела.

Пришел Мучник, а через 10 минут влетел-ворвался-вбежал плотный, ярко-рыжий и лысый в то же время мужчина – Владимир Эммануилович Шляпентох, который моментально привлек Илью к обсуждению какой-то статистики, затем темпераментно обрисовал увлекательнейшие перспективы занятия социологией и особенно – выборкой, несколько раз объявил, что Леночке надо обязательно поехать в Академгородок, подружиться с Таней Заславской, и... внезапно распрощавшись, скрылся за дверью.

На другой день, записавшись на прием к Г.В. Осипову, я поехала на “Динамо” вместе с Мучником. Когда мы с Ильей вошли в кабинет-клетушку Осипова, Мучник сказал, чтобы я подождала в приемной. Минут через десять Илья позвал меня в кабинет и сказал, что, мол, он с Геннадием Васильевичем обо всем договорился. Темой моей работы будет репрезентативная выборка, работу я буду делать в ИПУ, на аспирантские лекции я должна ходить, но потраченное на них время мне все равно придется отрабатывать в выходные дни. Осипов добавил, что у него только одна просьба – чтобы Э.П. Андреев был в курсе моих дел. На том и распрощались.

Этот, казалось бы, проходной эпизод поступления в аспирантуру очень сильно перевернул мою жизнь.

*Как складывалась твоя работа, какие были основные трудности, кто поддерживал, кто мешал? Были ли сложности с защитой кандидатской диссертации?*

Наверное, складывалась работа нормально. Под приглядом Ильи писала какие-то программы. Ходила на лекции в Институт философии, слушала Леваду, Кона, Галкина, Бурлацкого, Гру-

шина и приезжего Ядова. Дневала и ночевала в ЦСУ, выписывая статданные по городам и областям РФ. Побывала в Академгородке, где познакомилась с Т.И. Заславской, В. Н. Шубкиным и совершенно потрясающим тамошним социологическим сообществом.

Диссертацию писала под патронажем Мучника. В основе ее лежала типология (то есть автоматическая классификация) российских городов как основание дизайна стратифицированной территориальной выборки. Первым оппонентом Мучник определил мне Т.И. Заславскую, вторым оппонентом В. Шляпентох посоветовал пригласить Ю. Самсонова. Ведущую организацию – Центральный экономико-математический институт АН СССР – представляла милейшая Н. М. Римащевская. Отзывы на реферат были из Ленинграда, Новосибирска, Свердловска. На защиту прибыли не только В.А. Ядов, О.И. Шкаратан из Ленинграда, Б.А. Грушин, к этому времени (1973 год) демонстративно переставший посещать заседания Ученого совета ИКСИ, которыми уже руководил М.Н. Руткевич, но и явилась практически в полном составе возглавляемая Э.М. Браверманом 25-я лаборатория ИПУ. Зал Ученого совета был переполнен и как-то не по-академически возбужден (а может быть, мне просто так казалось). От этого возбуждения я потеряла представление о реальности и почему-то очень темпераментно спорила с моими оппонентами. Во время этой моей выходки “группа поддержки” из 25-й лаборатории с торжествующим видом поглядывала на недоумков-гуманитариев, присутствовавших в зале. И еще победно сверкала стеклами очков председательствовавший Руткевич.

***Одновременно с тобою, чуть раньше или чуть позже, методическими задачами социологии стали заниматься многие математики, физики, инженеры. Чем ты могла бы это объяснить?***

Мне кажется, здесь все очень просто. В начале 60-х в одночасье ставшие социологами российские гуманитарии ощущали свою явную некомпетентность в количественном и статистическом анализе, при этом понимали, что без этого социологии не обойтись. Поэтому они так или иначе привлекали к своей работе технарей и ма-

тематиков: меня (невежду в гуманитарии) без звука зачислили в аспирантуру, а уж тех технарей, которые сами тянулись к гуманитариям, всячески поощряли, заинтересовывали и приваживали. Неудивительно, что рядом со мной в “ближнем социологическом окружении” оказались мои однокашники: Сергей Чесноков, который тоже учился в МИФИ, только на другом факультете, Олег Генисаретский и Саша Голов, с которыми мы учились на одном потоке. (Другая история – кто из нас и куда потом профессионально мигрировал.)

Между тем технари, в отличие от гуманитариев не очень много времени тратившие на разного рода операционализации, частенько дей-

---

*В период возрождения отечественной социологии даже самые искушенные из гуманитариев, такие, как Ядов, поглядывали на своих помощников-технарей с уважением, а порой и с опаской...*

---

ствуя методом проб и ошибок, все делали быстро и прямо с колес. Они практически сразу заняли ведущие позиции и статусы при проведении эмпирических исследований и обработке их результатов. Даже самые искушенные из гуманитариев, такие как Ядов, поглядывали на своих помощников-технарей с уважением, а порой и с опаской...

***Теперь не могла бы ты кратко рассказать, в чем была суть твоей работы: метод, результаты.***

Суть моей работы состояла в экспериментальной демонстрации возможности использовать метод автоматической классификации для построения стратификации на промежуточных ступенях территориальной выборки. А именно методом автоматической классификации строилась стратификация (иными словами, типология) больших городов Российской Федерации. Классификация городов проводилась по данным ЦСУ СССР о социально-демографической и социально-профессиональной структу-

рах населения российских городов, насчитывающих от 100 до 500 тысяч жителей. Типы городов строились автоматически. Для этого задавалось число типов, которые следовало построить. Затем вычислялись “расстояния” между социальными структурами городов. И “близкие” города объединялись в один тип, которому придумывалось название-объяснение, почему эти и именно эти города попали в данный тип. Ясное дело, что при назначении разного числа типов получались разные классификации, для каждой из которых можно было предложить свою содержательную легенду. И вот здесь меня ждало первое в моей исследовательской жизни “открытие”. Это совершенно удивительное чувство явления *нового* знания! Независимо от того, на 5 или на 12, или на 25 типов классифицировать города, все время выделялся один и тот же тип, в состав которого входили одни и те же города. Единственное, что я с ходу могла разглядеть, – была невеликая численность их населения. И все!

Я стала просматривать социологические публикации по урбанистике. И моментально наткнулась на монопромышленный город. И все стало на свои места. Это и был тот тип, который намертво отпечатался в социальной структуре населения! Я балдела, я наслаждалась понятной только мне музыкой названий: Альметьевск! Прокопьевск! И лихо строчила страницы диссертационной работы про мощь метода автоматической классификации...

***Твоя выборка была до выборки Сергея Чеснокова для Бориса Грушина или после? Или они были принципиально различными?***

В диссертации ничего “вкусного” специфически выборочного не было. Был обзор литературы, было вплетение (как я сейчас убеждена, не совсем корректное) автоматической классификации в методологию стратифицированной выборки. Но главным (не имеющим, между прочим, отношения к выборочному методу), по-настоящему главным было использование методов автоматической классификации для анализа социальной информации.

Посему говорить о “моей выборке” как об альтернативе “выборки Чеснокова” я бы не стала. Если уж использовать такие дефиниции, то

спустя года полтора после защиты диссертации. И здесь речь должна идти о принципиально разных выборочных проектах.

Конечно, в основе дизайна выборки (я бы называла их “выборка Грушина” и “выборка Шляпентоха”) лежали совершенно разные принципы. Если помнишь, у Грушина был “крест”: по параллели и меридиану брались города, поселки и села, где по квотам, рассчитанным на основе данных госстатистики Чесноковым, выбирались респонденты. Дизайн Шляпентоха – “натуральная” территориальная вероятностная выборка (также, только с более строгим дизайном, мы, все российские полстеры, сейчас и работаем). Так вот, в этой последней, территориальной, имела место процедура стратификации территориальных объектов, коей на примере городов (проще говоря, типологии городов) и была посвящена моя диссертация. А упаковывалось все это в стратегию использования априорной информации при проектировании территориальной выборки. ***После защиты ты начала работать в команде Здравомыслова или Шляпентоха. Это была наиболее сильная в советской социологии группа по методике опросов. Пожалуйста, вспомни, кто в нее входил, какие темы вы разрабатывали, и, если можно, про климат – мне кажется, он был очень продуктивным.***

Защищалась я, уже работая у А.Г. Здравомыслова в секторе методики и техники, точнее в московской его части. Ленинградская часть сектора, насколько я помню, состояла из О. Божкова, Н. Часовой и Т. Абисовой. В Москве, как мне помнится, кроме меня в состав сектора поначалу входили В. Пациарковский, Э. Андреев, А. Кабыща, Е. Нерсесова, С. Пашенко и еще кто-то. В. Андриенков был тогда еще при Г.В. Осипове. М. Косолапов и Г. Денисовский были, не помню где, скорее всего, в ареале В. Колбановского. Г. Татаровой, Ю. Толстой, В. Гайдиса и Ф. Шереги еще не было в ИКСИ. А Т. Ярошенко, О. Маслова, Г. Ошанина и красавица В. Поседко были в группе Шляпентоха, которая поначалу была как бы самостоятельной и в сектор А.Г. Здравомыслова не входила.

Помню свое методологическое “крещение”. Родив дочь Ксюшу, после четырех месяцев декрета я явилась на работу в сектор А.Г. Здравомысло-

ва в статусе м.н.с. Замечу, мало чего понимая в методике, а прочитанные книжки как-то топорщились в голове, не укладываясь хоть во что-нибудь связное, логичное. А.Г. Здравомыслов в первый же день выдал мне анкету из исследования В.А. Ядова (!) по ценностным ориентациям инженеров и предложил (обязал) выступить рецензентом на заседании сектора через два дня. Я несколько часов беспомощно листала эту анкету. Потом позвонила со своей бедой моей институтской подруге, которая к тому времени успешно работала в ИПУ. Она резонно рассудила, что поскольку я инженер и она инженер, то если мы опросим друг друга по этой анкете – сразу пойдем, хороша она или никуда не годится. В результате этого (по сути, экспертного, лингвистического) тестирования мы искромсали всю анкету в пух и прах. Но предложить внятный вариант вопросника нам с подругой явно было не по зубам. Она посоветовала обсудить со Шляпентохом, как быть. Он, увидев учиненный нами полный разгром ядовской анкеты, пришел в неистовый восторг, объявил о “моей несомненной гениальности”, а на мой недоуменный вопрос, что же мне делать, ответил: “Возьмите ручку и записывайте”. Он надиктовал мне почти всю новую анкету, попросил меня как инженера поотвечать на новый вопросник, предложил после этого изменить несколько вопросов и быстренько со мною распрощался. Убегая, он скороговоркой пробормотал “Леночка, не волнуйтесь, Ваш А.Г. будет очень доволен”.

На другой день на заседании сектора присутствовали Ядов и еще двое его сотрудников. Выступающие сотрудники и из нашего сектора, и из сектора Колбановского указывали на отдельные просчеты в анкете, в целом одобряя ее и рекомендуя с учетом сделанных замечаний отправлять в поле. Я сидела в полном недоумении. Ну хорошо, думала я, мы с подругой мало чего в этой “их социологии” понимаем, но Шляпентох не мог же ошибаться!

Здравомыслов дал мне слово последней. Народ зашумел, стал потягиваться и переговариваться. Я залпом выкрикнула обнаруженные нами с подругой несуразности в анкете. Именитые и не очень участники заседания сначала изумленно замолкли, выжидательно глядя на Здраво-

мыслова. А он явно удовлетворенно спросил меня: “Ну и что же Вы предлагаете?” Я с выражением прочитала вариант вопросника, предложенный Шляпентохом. Эффект был сильный. Ядов полностью согласился с предложенной версией, выкинув лишь несколько вопросов, а за мной закрепились репутация хорошего методиста.

Я все это так подробно рассказываю, поскольку ясно понимаю, что социологический поворот в моей профессиональной жизни носил несколько мистический характер: мой путь в нужном месте и в нужное время пересекался с путями ключевых акторов российского социологического возрождения в 60-х годах прошлого века (“отцы-основатели”, называли мы их на наших аспирантских тусовках). Только сегодня,

---

*Подруга рассудила, что поскольку я инженер и она инженер, то если мы опросим друг друга по анкете – сразу пойдем, хороша она или никуда не годится*

---

когда я вспоминаю имена участников упомянутой тусовки – Г. Денисовский, А. Левинсон, М. Мацковский, С. Чесноков, М. Косолапов, Е. Таршис, И. Фомичева, А. Пригожин, И. Журавлева, С. Наталушко, С. Клигер, Я. Рейзема и др., – мне становится ясно, насколько безукоризненным был вкус наших “отцов-основателей”, которые выбрали нас в свои ученики.

Несколько месяцев спустя в результате реформаций, творимых в институте тогдашним директором М.Н. Руткевичем, В.Э. Шляпентох со своей группой тоже оказался в нашем секторе методики и техники. Затем появились аспиранты Шляпентоха Франц Шереги и Владас Гайдис. Как-то само собой меня прибило к группе Шляпентоха, которую все чаще стали именовать “группой выборки”. Это было в начале 70-х. Возник грандиозный проект по созданию территориальной вероятностной десяти тысячной выборки для изучения читателей “Правды”.

И. Мучник, ясное дело, поначалу принимал активное участие в этом проекте, но постепенно

как-то отошел в сторону, оставив своего аспиранта Е. Синицина нам в помощь. Работа над проектом была для меня большим творческим наслаждением. Мы выдумывали и осуществляли множество методических экспериментов, вездливо осваивая американский опыт проектирования и реализации территориальных выборочных дизайнов. Мы перенесли на российскую почву процедуру отбора респондентов в семье (домохозяйстве) по карточке Киша. С большим

*Лесли Киш оказался очень доступным, моторным и быстро мыслящим человеком, который не очень-то был похож на профессора-классика*

занудством изучали существующие формы территориальной регистрации населения в разных городах и всяких необъятного СССР, проводили эксперименты по оптимизации времени суток для проведения интервью...

Было очень трогательным и казалось совершенно сказочным, невероятным произошедшее много лет спустя знакомство с Лесли Кишем во время организованного Шляпентохом в конце 80-х моего фантастического визита в Америку. Киш оказался очень доступным, моторным и быстро мыслящим человеком, который, на мой тогдашний взгляд, не очень-то был похож на профессора-классика.

***Ты активно работала в проекте Шляпентоха по “Правде”. Вспомни и о задачах, и об организации исследования.***

Теперь уже я могу точно утверждать, что работа в проекте по “Правде” была моим “золотым веком”. Интереснейшая каждодневная напряженная работа не прекращалась и в часы обеда, и в часы досуга, которые мы – группа Шляпентоха – частенько проводили вместе.

Когда основная кабинетная работа – анкета читателя, дизайн выборки и основные инструкции по отбору на верхних ступенях – была начерно закончена, наша группа выборки под славным руководством В.Э. Шляпентоха приступила

к проектированию последней ступени всесоюзной территориальной выборки.

Последняя ступень для реализации процедуры вероятностного отбора домохозяйств требует основы выборки, то есть документов, где они (домохозяйства) поименно зарегистрированы по собственным адресам проживания. На поиск таких документов мы и нацелились. На поверхности лежала идея, что в качестве таковых можно использовать похозяйственные книги в сельской местности, домовые книги жилищно-коммунальных служб – в местности городской. Вооружившись письмами от редакции “Правды”, мы (к этому времени группа выборки сжалась до трех человек – В. Шляпентох, Т. Ярошенко и я) отправились в ближайшую жилищную контору. Вскоре стало ясно, что для того чтобы сделать внятную инструкцию по отбору домохозяйств, надо было как минимум описать особенности регистрации граждан в разных типах домовладений (ведомственных, муниципальных, частных и т. п.), в различных административных единицах (крупные, малые города, пгт и т. п.), в различных областях, краях и республиках СССР.

Результаты наших изысканий мы изложили в монографии “Территориальная выборка в социологических исследованиях”, которая вышла в издательстве “Наука” в 1980 году, – увы, без фамилии Шляпентоха. Но это все впереди, а пока мы отправились по городам и весям в поисках разнообразных форм первичной регистрации граждан. Трудно себе вообразить, но при всей прозе регистрационных форм наши штудии были почти детективно захватывающими.

Упомяну кратко о трех наших феерических экспедициях – в Таджикистан, Грузию и Молдавию. Мы отправились туда, чтобы освоить весь спектр региональных особенностей форм регистрации домохозяйств, чтобы внятно прописать в инструкции по отбору респондентов на последней ступени всесоюзной территориальной выборки возможные препоны и препятствия на пути равновероятностного отбора – и в горном районе Таджикистана, и в молдавском поселке. Поскольку мы путешествовали под патронажем “Правды”, то, с одной стороны, нас принимали на высоком партийном уровне (с черными ли-

музирами и шикарными номерами обкомовских и цековских гостиниц и дач), а с другой (как вскоре стало нам ясно) – не спускали с нас “зоркого ока”, каждодневно протоколируя все наши визиты и беседы. А нам было безумно интересно, выбрав по таблице случайных чисел название населенного пункта, часа через полтора оказываться там, ворошить и разбирать записи в домовых и похозяйственных книгах. Выбрав наугад адрес домохозяйства, тотчас отправляться туда и проводить интервью со случайно же отобранным членом из этой семьи.

Уже в Таджикистане мы столкнулись с одной странностью. Населенный пункт для пилотажа выбирался по таблице случайных чисел, но когда мы туда приезжали, нас встречали как долгожданных гостей – накрытыми столами со свежеприготовленными среднеазиатскими яствами (видимо, пока наши черные лимузины неспешно ехали по длинной дороге, гиды-хозяева устремлялись в нужное место и оказывались там загодя).

Там же, в Таджикистане, мы, несмотря на охранные грамоты от “Правды”, впервые столкнулись с политической провокацией. Спустя часа два после одного из интервью (по-моему, в Душанбе) нас пригласили в “высокий” кабинет, хозяин которого без особых обиняков обвинил нас в антисоветской пропаганде. Минутную тревожную паузу прервал возмущенный вопль Шляпентоха, который громко объяснил хозяину кабинета, что он, видимо, не понимает, кто нас сюда послал и зачем, как важна наша миссия и что может ожидать тех, кто вздумал сорвать нашу работу. Хозяин кабинета расплылся в улыбке, пообещал наказать нерадивых помощников, которые ввели его в заблуждение, заверил нас в своей дружбе и готовности помочь и т. п.

В Грузии, несмотря на роскошный прием, нам тоже в явном виде несколько раз дали понять, что все наши шаги, визиты протоколируются. Но мы старались не брать это в голову и продолжали свои изыскания и путешествия.

Конечно, все это, наряду с прочими обстоятельствами, поспособствовало тому, что Володя Шляпентох принял решение уехать из страны. С момента, когда он публично заявил о своем намерении, вокруг нас образовалась некая пусто-

та – почти все якобы хорошие знакомые, завидев кого-либо из нас в коридоре института, разбегались по первым попавшимся кабинетам, единицы (например Миша Косолапов) поступали прямо противоположным образом. Гена Батыгин, который, в общем-то, и не имел с нами в те времена особых дел, напротив, зачастил в нашу комнату, вел с нами длинные неспешные разговоры, а встретив кого-либо из нас в коридоре, раскланивался, обязательно останавливался, заводил долгую и непременно громкогласную беседу на первую попавшуюся тему. Собственно говоря, с тех времен и до самой его кончины меня связывала с ним нежная дружба, а в последние годы его жизни мне повезло работать с ним над общими проектами.

Решение Шляпентоха об отъезде из СССР (за несколько месяцев до заявления публичного) резко интенсифицировало профессиональную деятельность нашей группы выборки.

Во-первых, надо было закончить работу над двумя рукописями книг – “Территориальная выборка” для издательства “Наука” и “Социально-демографические показатели в социологических исследованиях” в издательстве “Статистика”. Шляпентох под благовидным предлогом за несколько месяцев до публичного объявления об отъезде оформил в издательствах свой отказ

---

*На поверхности лежала идея, что в качестве основы выборки можно использовать похозяйственные книги в селах, домовые книги жилищно-коммунальных служб – в городах*

---

от авторства этих книг. И мы должны были как можно быстрее запустить рукописи в производство. Как это ни удивительно, обе монографии были изданы – и лишь потом Шляпентох сделал официальное заявление о своем отъезде.

Во-вторых, Шляпентох развил немислимую активность (как бы сейчас сказали, мощную PR-кампанию) по созданию, усилению, упрочению моего научного имиджа. Все это во имя того, чтобы после его отъезда дать хоть какой-то

шанс выжить нашей группе выборки. Под лозунгом “ни дня без текста, ни часа без строчки!” я писала какие-то бесконечные тезисы, тексты выступлений. Ежедневно (порой по несколько раз в день) выступала и со Шляпентохом, и без него на научных семинарах, конференциях. За несколько недель я перезнакомилась с огромным числом знаменитостей среди обществоведов, историков, экономистов, политических обозревателей, журналистов. И каждому из них Шляпентох многократно, настойчиво и убежденно втолковывал, что, мол, Леночка – и есть будущее советской социологии, что если Леночка говорит, что плохо, то надо все переделать, и т. п. Отмечу, что эта PR-кампания была весьма успешной, а ее плоды я пожинаю до сих пор.

В-третьих, мы штудировали самые последние монографии по методологии американской социологии, которые присылала для Шляпентоха Хелен Мицкевич. Особенно мы увлеклись работами Ирвинга Гофмана; придумывали методички, позволяющие учитывать гофмановские самопрезентации при конструировании вопросов, при создании сценариев интервью. Это был очень интенсивный интеллектуальный тре-

*Открытием стало то, что социологические методы широко использовались в просветительской деятельности земств и народных домов еще в XIX веке*

нинг. Именно в этот период я почувствовала себя методистом, поняла, что не выборка, а взаимодействие интервьюера с респондентом, интервью как действие (коммуникативный акт и когнитивное взаимодействие, сказала бы я сегодня) профессионально интересуют меня больше всего. Хотя я отдавала себе отчет в том, что выборка – это мой конек, гарант профессиональной востребованности.

***В конце 2006 года, благодаря Францу Шереги, Шляпентох “вернулся” в Россию – я имею в виду книгу, в которой собраны важнейшие его работы, опубликованные до отъезда. В книгу***

***вошло и обстоятельное интервью со Шляпентохом, в котором он вспоминает и те события, о которых ты пишешь. Передает ли оно колорит того времени, его интеллектуальную и социальную окрашенность? Ведь это все крайне важно для истории нашей науки.***

Как известно, “...каждый слышит, как он дышит... как он дышит, так и пишет...” У каждого своя особая картина реальности. Моя и Володи-на “реальности” существуют как бы в разных пространствах. Мое восприятие жизни – розовое, до восхищенного щенячьего залиvistого лая. Его – трезвое до скептицизма, эмоциональное, часто выливавшееся в сильнейшее возмущение посредственностями, которые правили тогда бал. Для воспоминаний не существует критериев адекватности, каждый несет в себе свое прошлое. Так что чем больше будет проекций “второго пришествия” российской социологии, тем объемнее будет представление о тех временах.

***Потом Шляпентох уехал. Давно это было. Какие изменения в твоей жизни последовали за этим?***

После отъезда Шляпентоха группа выборки была расформирована. Таню Ярошенко перевели в социологическую группу, работавшую в райкоме КПСС, а меня для преемственности оставили в институте в секторе методики.

Ясно, что в институте нам с ней не было шансов работать вместе. Через весь широчайший круг знакомых Шляпентоха, оставленных им мне в наследство, я пыталась найти приличную организацию, где мы с Татьяной могли бы вместе заниматься методикой и выборкой. Вскоре я получила предложение из Гостелерадио, где организовывался центр по изучению телеаудитории, в котором надо было проектировать выборки для проведения дневниковых исследований среди москвичей с целью измерения рейтингов телепередач (причем мне предлагали очень неплохую зарплату). Меня заверили, что через месяц-два получится “выбить” еще одну ставку и для Ярошенко.

Прошли месяц, два, три, а со ставкой как-то ничего не получалось. Когда же я устроила руководству Центра жесткий прессинг, мне было сказано, что для Ярошенко ставки не будет ни-



когда, а для любого другого помощника проблемой со ставкой нет. На мое возмущенное “Почему?!” было сказано примерно следующее. Понимаете ли, Гостелерадио – идеологическая организация. Председателем Гостелерадио является Кравченко. В Центре уже работает Василенко. Вот недавно взяли Вас с фамилией Петренко. Если сейчас взять еще и Ярошенко, то председатели могут заподозрить в странной кадровой политике. Стало понятно, что в “идеологической” конторе Петренко и Ярошенко вместе работать не должны. Я снова стала активно искать работу для нас двоих.

Кто-то из знакомых посоветовал поговорить с Иосифом Дискиным, который возглавлял НИЦ при Минкультуры СССР. Мои представления о том, что Минкультуры – тоже организация идеологическая и вдвоем там нам опять места не найдется, не помешали мне встретиться с Дискиным. НИЦ располагался в подвальном помещении на Староконюшенном. Когда я пришла на встречу с Иосифом, он отрекомендовался моим давним поклонником и учеником. Был восторжен и любезен. Познакомил меня со своими сотрудниками: Н. Бажовым, В. Высоцким, Е. Пузиковой (как потом выяснилось, аспиранткой В. Шляпентоха), С. Адосинским, Н. Карасевой. Эта компания очень вальяжных и раскованных молодых людей не производила впечатления идеологически озабоченных. Скорее, наоборот. Иосиф сказал, что я могу хоть завтра выходить на работу в качестве руководителя социологического отдела, куда войдут Е. Пузикова и Н. Бажов. Я, уже опытная, ответила, что выйду в тот день, когда в отделе будет работать еще и Т. Ярошенко. Иосиф позвонил через несколько дней и сказал, что мы с Татьяной можем нести свои трудовые книжки.

Спустя несколько месяцев к нам присоединился Г. Кунцман, за него ходатайствовал Я. Капелюш, который в то время работал в НИИ Минкультуры РФ. Кунцман работал с ним в таганрогском проекте Грушина.

Наш отдел занимался изучением культурно-просветительных работников, готовил отчеты и аналитические записки для управления кадров Минкультуры. Вот тогда-то мне открылась еще

одна потрясающая сфера. В поисках исторических корней культпросветработников мы добрались до народных домов, обществ трезвости и просветительской деятельности земств в конце XIX века. Оказалось, что давнюю традицию в России имеет не только культурно-просветительская работа, но и социологические методы широко использовались в этой деятельности в земствах и народных домах. Здесь прочитывались почти гофмановские схемы взаимодействия между работниками народных домов и жителями подопечных селений.

Через два года наш НИЦ превратился в подразделение института Гипротейтр, при этом он продолжал заниматься теми же самыми вопросами и записками для управлений Минкультуры. В моем отделе появились новые сотрудники: О. Здравомыслова, Г. Добровольская, А. Рабинович, М. Тарусин. Мы уже занимались всеми нетворческими категориями кадров подведомственных учреждений.

Примерно в те же годы в подразделении Дискина стал еженедельно работать знаменитый семинар Юрия Левады (отмечу, что тогда дать крышу этому семинару – это был поступок!). В нашу самую большую 25-метровую комнату набивалось чуть ли не до сотни человек. Все каким-то чудом размещались сидя. Захватывающие дух доклады, искрометные обсуждения, из которых я понимала едва ли треть, позволяли жить в насыщенной интеллектуальной атмосфере. Тем более, что любой семинар завершался выступлением Ю.А. Левады, которое проясняло все туманности и заумы.

В эти годы я далеко отошла от “академической социологии”, практически потеряв контакты с большинством своих бывших коллег.

### Перестройка. ВЦИОМ

*Кто тебя позвал во ВЦИОМ? Ты ведь не только занималась выборкой, но была в директорской команде.*

Как-то летом перестроечного 1986 года А. Левинсон спросил меня, не знаю ли я чего о том, что Б.А. Грушин организует новый Центр изучения общественного мнения. В то время я ничего об этом не слышала. Левинсон заметил что-то

вроде: ну, значит это опять не про нас, – и был, как оказалось, не прав.

В конце сентября того же 1986 года мне позвонил Илья Мучник и в своей обычной манере произнес: “Лена! Сегодня вечером Вам будет звонить Заславская. У нее к Вам предложение, на которое Вы сразу же соглашайтесь!” На мои недоуменные вопросы: какое предложение, о чем речь? – прозвучало лишь привычное императивное: позвонить ему после разговора с Заславской.

Вечером звонит Татьяна Ивановна и рассказывает, что ВЦСПС организует Всесоюзный центр изучения общественного мнения, она будет директором, Б.А. Грушин – ее заместителем, мне предлагается стать ученым секретарем. Что условия будут хорошие, что уже сейчас ищется помещение и готовится постановление о создании Центра. В ближайшие месяц-два надо начинать работать. Я, запуганная Мучником, ответила, что с удовольствием принимаю ее предложение. На том и распрощались.

Позвонила Мучнику и пересказала разговор. Потом набралась смелости и заявила, что не хочу быть ученым секретарем, что мне надоело быть начальником, что мое дело – выборка, а если ее не сделать путем, то Центр будет бессмысленным при самых идеальных грушинских вопросах. Через полчаса разговора он отступил и сказал: сами разбирайтесь, кто кем у вас будет.

В конце ноября мне вновь позвонила Татьяна Ивановна и сказала, что постановление о создании ВЦИОМа практически готово, надо собираться и начинать работать, – и назначила встречу у нее дома. На встрече, кроме Заславской, Мучника и меня, были Б. Грушин, Я. Капелюш, П. Авен и рыжеватый молодой человек, которого я два раза видела у Мучника, – Саша Ослон. За чашкой чая обсудили основное распределение ролей и обязанностей: Заславская – директор, Грушин – замдиректора, Капелюш – полевой отдел, Ослон – отдел обработки данных, за мной – выборка, а вопрос об ученом секретаре удалось отложить на потом.

В начале декабря все были зачислены на работу во ВЦИОМ, который расположился в просторных административных помещениях Цен-

трального дома туриста на Ленинском проспекте. Мы с Ослоном сидели в одной комнате друг против друга.

Спустя несколько недель во ВЦИОМ пришли А. Кинсбургский – в отдел Я. Капелюша, А. Толстых и А. Сагомонов – в отдел теории. Почти одновременно с ними появилась Лейла Васильева, тогда еще в качестве секретаря Б. Грушина. Где-то в начале 1987 года Мучник прислал мне в помощь Е. Козеренко и С. Новикова. А к лету в моей команде появился М. Тарусин.

Я. Капелюш с А. Кинсбургским пытались сформировать сеть. Но дело двигалось не очень спешно. Помимо Москвы удалось охватить не более трех регионов. Проводить всесоюзный опрос по трем точкам было невозможно. Как ни крути, три области – это только три области. Тем не менее решили провести опрос в трех областных центрах по квоте, связанные параметры которой (прости, Господи!) мне пришлось просто сочинить. Только после громогласных и жарких дебатов руководство с обиженными физиономиями согласилось объявить своим спонсорам, что первый опрос Центра будет точечным – в трех региональных столицах. Мне же пришлось проглотить не только “фантазийную” квоту, но и сентенцию, что среднее по трем городам даст некую оценку мнений взрослых жителей страны.

Пока возились с полевым персоналом, спонсоры настойчиво требовали от директората хоть каких-нибудь результатов опросов общественного мнения. Чтобы их утихомирить, решили проанализировать почту популярнейшего в то время “АиФ”. И тут случилось ЧП.

Дело в том, что в те годы тональность самостоятельной читательской эпистолярной задавали граждане “старого формата”, которым все тогдашние перестроечные вывихи были глубоко отвратительны (сегодня похожую реакцию вызывает, скажем, гей-парад). Работой с почтой руководил Я. Капелюш, который с присущей ему скрупулезностью отобрал, по договоренности со мной, каждое 30-е письмо и составил добросовестный отчет, снабдив его цитатами из писем. Отчет был отправлен заказчиком из ЦК и ВЦСПС. На следующий день – страшный скандал, с вызо-

вом на ковер директората. Дело в том, что в одном из писем имя Генерального секретаря сопровождалось матом. Но все как-то рассосалось. Тут подоспели результаты опроса в трех областных центрах, которые оказались для Генсека куда более приятными, чем пресловутое письмо. В центральной прессе появились первые публикации результатов опросов ВЦИОМа и многополосные интервью с Татьяной Ивановной.

Весной 1988 года в Праге проходила конференция по изучению общественного мнения в странах народной демократии. Т. Заславская взяла меня туда с собой (судя по всему, к этому решению приложил свою “железную руку” И. Мучник). В Праге я занудливо выпытывала у немцев, поляков, чехов, венгров про их выборочные дизайны. Немцы работали с точно выверенными по статистике квотами, а венгры, поляки – с вероятностными выборками на основе достоверных избирательных списков. Увы, ничего конструктивного для нашего российского хаоса со статданными и с регистрационными формами из этих бесед у меня не складывалось. Правда, несколько раз в разговорах о казусах при полевом отборе респондентов и почти “экстремальных” путях их нивелирования у меня возникало ощущение, что где-то я все это уже видела. И только в самолете на обратном пути меня озарило: земцы! Ну конечно, у них не было сколько-нибудь удобоваримых регистрационных документов, но они знали статистические правила и, собрав стихийный (практически “соломенный”) массив данных, перевзвешивали результат по имеющимся (уже более или менее надежным) данным общероссийской статистики.

По возвращении мы с С. Новиковым ликовали по поводу такого простого и в целом корректного решения. К концу весны он уже сделал программу, которая блистательно вычисляла весовые коэффициенты. Е. Козеренко рассчитывала выборочные планы. М. Тарусин добывал статданные для этих расчетов. И у Я. Капелюша уже задышала вполне дееспособная сеть региональных отделений.

Московское отделение возглавил еще один протеже И. Мучника – А. Соколов, а спустя не-

сколько месяцев Мучник прислал ему в помощь и Е. Коневу.

Не прошло и двух лет, как теоретический отдел ВЦИОМа возглавил Ю. Левада, вслед за ним подтянулись Л. Гудков, Б. Дубин, А. Левинсон, А. Гражданкин, Н. Зоркая, Л. Седов, А. Голов. С их приходом как бы слегка трансформировалась и тематическая направленность опросов центра. Для примера упомяну опрос читателей “Литературки”. Команда Левады сделала анкету об отношении к перестройке и опубликовала ее в газете. ВЦИОМ был наводнен сотнями мешков, набитых заполненными анкетами. По результатам анализа этих анкет впоследствии была подготовлена монография “Простой советский человек”.

Из Новосибирска Т. Заславская пригласила на работу Л. Хахулину, И. Рывкину, З. Куприянову. Эта команда укрепила блок социально-эко-

---

*Собрав стихийный массив данных, земцы перевзвешивали результат по имеющимся (уже более или менее надежным) данным общероссийской статистики*

---

номических исследований, который получил свое институциональное оформление с приходом В. Рутгайзера на пост еще одного заместителя директора ВЦИОМа. Он пришел со своей командой – С. Шпилько, М. Красильниковой, Н. Ковалевой.

Отдел Ослона тоже расширился. У него уже работали И. Статникова, которую одной из первых привел Я. Капелюш, В. Гродский, А. Данилова, Л. Блехер. Каким-то непостижимым для меня образом Ослон умудрялся вводить данные опросов и довольно быстро получать таблицы распределений.

**Ясно, народ прибывал. А что в те годы делал ВЦИОМ?**

В конце 1988 года в “Литературной газете” был проведен уже упомянутый прессовый опрос об отношении к реалиям перестройки, подготовленный отделом Ю. Левады. Под патронажем Б. Грушина было запущено исследование о ТВ,

тираж анкет для которого (на цветной бумаге, с копиркой, с разными шрифтами – с невиданной по изяществу верстке) был сделан в США и самолетом доставлен в Москву. По результатам пресс-опроса “ЛГ” команда Левады подготовила монографию “Есть мнение”, которая вышла в 1990 году. Заславская и Рутгайзер в это время изучали трудовые отношения.

В 1989 году возникло заметное напряжение между “экономистами”, “полстерами” и “теоретиками”. В конечном счете это привело к тому, что осенью того же года Б. Грушин покинул ВЦИОМ, организовав частную фирму (фирму-конкурент!) “Vox Populi”. С ним ушли Я. Капелюш, А. Кинсбургский и А. Семченко.

Для Т.И. Заславской это было трудное время. Я ее успокаивала, что мы справимся, несмотря на уход Грушина. Я оставила выборку на Новикова

следование “Советский человек” по программе отдела Левады.

*Лена, мы начали с тобой это интервью летом 2006 года – в конце года умер Ю.А. Левада. Ты работала с Левадой ряд очень насыщенных событиями лет, имела возможность обсуждать с ним многие профессиональные и общие вопросы. Какие впечатления у тебя сохранились о Юрии Александровиче как ученом и человеке?*

Мне удивительно повезло в жизни: во второй половине 60-х, оказавшись в аспирантуре ИКСИ АН СССР, я познакомилась с Ю.А. Левадой – слушала его лекции по истории философии. И сейчас отчетливо помню зачарованно внимательную тишину нашей аспирантской аудитории, в которой звучит негромкий, слегка высоковатый голос, рассказывающий про платоновскую пещеру. Помню пронзительно сияющую голубизну его внимательных глаз, неспешную речь, не очень четкую дикцию... У Левады была удивительная манера внимательно глядеться в аудиторию (сейчас бы я сказала – тестировать), отслеживая возникающие диссонансы, которые всенепременно прояснялись в его подытоживании сказанного. Потом были его знаменитые семинары, встречи у общих знакомых и, наконец, работа с ним во ВЦИОМе вплоть до начала 90-х.

Ты на днях верно написал: что о Леваде сейчас ни скажи, получается некролог... Сейчас главное – его тексты читать, а не слова о том, каким Леваду кто-либо помнит.

Что касается меня, то вот очень значимый (на мой нынешний взгляд) фрагмент из Публичной лекции Полит.ру, прочитанной Ю.А. Левадой в декабре 2005 года, который, кстати, нашего ВЦИОМовского бытования касается.

...Когда нам случилось собраться вместе во второй раз, лет уже 16 с хвостиком назад, то оказалось, что прежде всего предстоит заняться одним из вариантов “новой социологии”. И вот к “новой социологии” можно отнести с некоторой долей условности опросы общественного мнения... На самом деле почти нигде в мире эти опросы к социологии не относятся... Но... у нас и социология – не социология, и поэзия – не поэзия... В последние 15 с хвостиком лет, когда как будто бы всякие ог-

## *В августе 91-го были изобретены технологические приемы, которые по сей день используются при проведении общенациональных экзит-поллов*

и Козеренко и стала ученым секретарем. Первым делом бросилась к Ослону, и мы с ним чуть ли не за вечер сделали первый выпуск бюллетеня “Общественное мнение в цифрах”, в который вошли таблицы и первые диаграммы по результатам очередного опроса. Дальше Саша практически сразу поставил на поток регулярный выпуск этого издания.

*Это была очень ценная работа. Возможно, я один из немногих, кто сохранил все выпуски этой серии.*

Миша Тарусин стал вместо Капелюша руководить полевым отделом. Через месяц ВЦИОМ практически вышел на рабочий ритм, пережив травму – уход Грушина.

В 89-м году помимо опросов по социально-экономической тематике были проведены два крупных всесоюзных исследования: отношение населения к религиозным ценностям (по адаптированному американскому опроснику) и ис-

раничения (по крайней мере – теоретические) сняты и можно заниматься чем угодно, думая как угодно, мы оказались во многом в том же состоянии, как наша литература или художественная культура: ограничений нет – можете писать или рисовать все что хотите, а писать и рисовать – нечего. Что оставалось? Делать то, что мы могли. Мы могли и попытались превратить изучение общественного мнения в средство изучения общества, в отрасль социологии, социологии понимающей... Мы собираем мнения многих тысяч людей – и мы обязаны их понимать. Обязаны понимать, что это значит. Обязаны через это стекло, увеличительное или волшебное, кое-что увидеть... Не то что мы придумали особую науку, но особое применение общераспространенным способам мы попытались придумать – иногда успешное, иногда нет. Условно говоря, я называю это “малой социологией”. Не путая с большой. Но имея в виду то, что мы здесь стоим и пытаемся что-то сделать... а вот результат иногда пугает. Пугает, заставляет ежиться. Но что делать? К сожалению, это не наша продукция такая, это мы живем в таких условиях, и нам приходится в большой мере заниматься тем, что разбивать наши собственные и чужие иллюзии. Иллюзии о том, что мы освободились и нашли новую дорогу... о том, что достаточно хорошего знания – и можно будет верную дорогу подсказать. Ну, если не правящим людям, то остальным – оппозиции, критикам. Оказывается, что... подсказывать – скорее всего вообще не наше дело. Наше дело состоит прежде всего в том, чтобы понимать. Если сумеем понять, можно строить какие-то предположения о том, что может быть дальше...

### Полтора десятилетия с ФОМом

В 90–91-м годах ВЦИОМ уже стабильно проводил регулярные всесоюзные опросы, в основном по заказу Госкомтруда, ВЦСПС и иногда – по заказу зарубежных спонсоров.

Весной 1991 года группа сотрудников ВЦИОМа организовала общественную некоммерческую организацию Фонд “Общественное мнение” под руководством А.А. Ослона. Это было сделано, чтобы получить возможность делать работы по тематике, выходящей за круг интересов

наших тогдашних заказчиков. На заработанные деньги предполагалось проводить собственные исследования, экспериментировать с методикой, приобретать технику и т. п.

Ситуация с оперативными опросами августа 91-го и в дни после путча подробно описана нами в монографии “Эпоха Ельцина”. В это напряженное время мы изобрели технологию-“прародительницу” наших нынешних еженедельных опросов “Мониторинг” и “Пента” и, как это ни смешно, технологические приемы, которые и по сей день используются при проведении общенациональных экзит-поллов и нами, и другими опросными фирмами России и СНГ.

Осенью 1991 года ФОМ взялся за выполнение нескольких заказных исследовательских проектов, в этой работе участвовали и сотрудники ВЦИОМа. И... возникло, как и в период ухода из ВЦИОМа Б. Грушина, великое напряжение. В январе 1992 года я забрала трудовую книжку из ВЦИОМа и стала директором по исследованиям ФОМа.

С января этого же года ФОМ стал финансировать общероссийский (абсолютно некоммерческий) проект “Народ и политика”, идеологом которого стал Игорь Клямкин (не являвшийся сотрудником ВЦИОМа), а предметом изучения было отношение россиян к гайдаровским реформам, событиям перестройки и представления граждан о будущем. Появление весной сообщений СМИ о первых результатах этого исследования и несколько ярких интервью И.И. Клямкина не способствовали снятию напряжений между ФОМом и ВЦИОМом. Напротив, день ото дня отношения обострялись. И где-то в конце мая ФОМу было в категоричной форме предложено освободить помещения ВЦИОМа.

В июле 1992 года мы (я, Ослон, основная часть сотрудников полевого отдела и отдела обработки) собрали свои бумаги, переданный нам в аренду правозащитниками единственный компьютер и на двух грузовичках перебрались в детский садик на Обручева, 26.

*Понятно, началась в полной мере самостоятельная жизнь...*

Вот именно. Тогда у ФОМа были отличные отношения с региональщиками (мы никогда

не задерживали оплату работы региональных партнеров). Наши заказы они выполняли в первую очередь. Ослон с отделом обработки смог быстро организовать работу по вводу данных не только в Москве, но и в регионах. Это дало нам существенное преимущество в скорости получения результатов опросов по сравнению с любыми другими фирмами. В августе нам уже удалось наладить еженедельные общероссийские опросы, которые мы назвали “Пента”. А с середины сентября Евгений Киселев в еженедельной, самой популярной тогда аналитической телепрограмме “Итоги” на всю страну вещал: “Как показал последний опрос Фонда «Общественное мнение»...” О нас узнали. Мы становились популярными.

В 1992 году мы выполняли работы по социологическому сопровождению работы телеканала НТВ, по заказам “Демократического выбора России”, “Яблока”, а также опросы по заказам “Комсомолки”, “Коммерсанта”, рекламных агентств, банков и т. п. При этом мы продолжали на собственные средства дважды в год проводить опросы в рамках проекта “Народ и политика”.

Через пару лет мы уже могли снабжать компьютерами региональщиков, сделать первый косметический ремонт в своем офисе, начать работы по оборудованию зала для проведения фокус-групп.

Наряду с другими опросными фирмами мы участвовали в сопровождении избирательной кампании 95-го года. И еще: мы работали и быстрее, и чуточку точнее, чем другие (даже Грушинская) фирмы.

Перемены в нашей жизни произошли в начале 1996 года, когда Ослон вошел в состав группы А. Чубайса, а опросы ФОМа стали информационным сопровождением предвыборной кампании Б. Ельцина. При этом мы договорились неукоснительно придерживаться правила, что все результаты опросов являются публичными и вывешиваются для всеобщего ознакомления на нашем сайте. Придерживаемся его и до сих пор. Наши заказчики и подписчики получают “Доминанты” – информационный бюллетень по результатам еженедельных общенациональных

опросов – всего на два часа раньше, чем эти же результаты размещаются на нашем сайте [www.fom.ru](http://www.fom.ru).

Итоги нашей работы довольно полно представлены сборниками “Десять лет социологических наблюдений” и “Социологические наблюдения (2002–2004)”, выпущенными в 2003 и 2005 годах Институтом Фонда “Общественное мнение” (который мы создали для реализации издательского проекта), а также ежемесячным журналом “Социальная реальность”, который стал регулярно выходить с 2006 года.

***На мой взгляд, в постперестроечные годы российские социологи менее активно и менее продуктивно стали заниматься методическими исследованиями. Если я не прав, то в чем? Если прав, то почему это произошло?***

Ты прав лишь отчасти. Твое суждение справедливо (опять же отчасти) лишь в отношении начала 90-х. Да и то в это время над методикой активно работали (иначе бы не выжить) – правда, ничего практически не публиковалось. А потом все пошло: и “4 М”, и “СОЦИС”, и “Социологический журнал” (про Питер, Киев, Иваново, Саратов и т. д. не говорю). Вот с прошлого года и наша “Социальная реальность” появилась.

Иваново под патронажем А. Ю. Мягкова вообще стало методической Меккой. Те или иные методические исследования ежегодно проводит ФОМ. В регионах активно работают наши партнеры, которые и собственное методическое репуте поддерживают, и на своих региональных, и на зарубежных заказчиков работают. Они даже организовались в ассоциацию, которая периодически тестирует и ранжирует общенациональные столичные опросные фирмы. Так что здесь ты не совсем прав.

***Каковы основные направления методических исследований ФОМа?***

Если говорить коротко и корректно, то это в основном те направления исследований, о которых мы рассказываем студентам Высшей школы экономики в рамках проекта “ФОМ-Кафедра”. Прежде всего – когнитивные аспекты интервью и следствия коммуникативного взаимодействия интервьюера – респондент. Сейчас мы

много внимания уделяем развитию “мягких” методов, работаем с открытыми вопросами, планируем использовать приемы включенного наблюдения, этнометодологические штудии и т. п.

***В течение первых десяти лет проведения опросов общественного мнения в США, несмотря на войну и проблемы экономического развития, там сложилась сильная ассоциация поллстеров и университетских ученых, появился журнал, объединивший всех, кто занимался методикой и техникой опросов, был создан общенациональный архив результатов исследований (Центр Роупера), вышли книги (учебники) по природе общественного мнения и методике его изучения. В России первое десятилетие уже давно завершилось – что из перечисленного есть в стране?***

Повторю: есть ассоциация поллстеров (региональных). Есть несколько (пусть пока и обособленных) методических и методологических журналов. Есть как минимум три корпоративных журнала: “Вестник Левада-центра”, ВЦИОМовский “Мониторинг” и наше издание – “Социальная реальность”, которые стараются расширять свои корпоративные рамки.

Создан и постоянно пополняется архив результатов. Да и книги выходят очень активно – скажем, мы издали вполне приличную методическую библиотеку. А вот другой пример. Недавно я отрецензировала монографию А.Ю. Мягкова и И.В. Журавлевой “Эффект интервьюера в персональном интервью”, которая скоро должна выйти в свет. На мой взгляд, это будет методический бестселлер. Так что все здесь у нас как у людей.

***Хотел бы вернуться к упоминавшемуся выше интервью со Шляпентохом. У него иная, менее оптимистическая оценка масштабов и направленности методических исследований, проводимых сегодня в России. По твоему мнению, это происходит в силу его неосведомленности или из-за использования или иных критериев в оценке?***

Думаю, не столько из-за “неосведомленности”, сколько по причине его невключенности. Володдо сегодня, на мой взгляд, больше интересу-

ют содержательные результаты, фактические распределения ответов респондентов. Он пристально изучает таблицы с результатами наших опросов и опросов других российских фирм, пытается найти ответы респондентов на интересные его вопросы в публикациях и на сайтах. Частенько, я думаю, Шляпентох досадует, что не о том мы спрашиваем, а если и о том, то уж точно не так. Говоря словами моей мудрой мамы, когда смотришь, как кто-то твое дело делает, то кажется, что все не так, нескладно, хочется дать по лбу и все переделать. Думаю, в большой мере методический скепсис Шляпентоха относительно нашей работы связан именно с этим. Возможно, я не права...

***Россия входит в период парламентских и президентских выборов. Есть ли в связи с этим у ФОМа какие-либо новые исследовательские программы, организационные начинания?***

Безусловно, сегодня наступает некий рубеж в работе ФОМа. И связан он не с выборами. Здесь наши и методологические, и методические, и производственные мощности в рабочем

---

***ФОМ готовится к новому методологическому и технологическому повороту: это, с одной стороны, “мягкие” инструменты, а с другой – онлайн-технологии***

---

состоянии – выверены, отлажены, пристрелены. Но эти технологии мы уже освоили. Сегодня мы готовимся к новым методологическим и технологическим поворотам. Это, с одной стороны, разработка и использование “мягких” инструментов, приемов этнометодологии, а с другой – онлайн-технологии. Помимо этого мы нацелились и на предметную и тематическую диверсификацию. Все это неминуемо потребует создания целой индустрии для методического экспериментирования и тестирования как технологий, так и новых системных инструментариев. Бог даст, что-нибудь получится. ■

# WAGTIFPROJECTVAR





# Д. Рогозин

## Тестирование вопросов о социальном самочувствии

В зарубежной литературе базовым концептом, привлекающим внимание социальных психологов, является “счастье” (happiness). Отталкиваясь от вопроса, насколько счастливы люди, живущие в том или ином сообществе, психологи переходят к конструкту “субъективного благополучия” (subjective well-being)<sup>1</sup>. Измерение этого концепта опирается на личные оценки человеком его собственной жизни по ряду когнитивных (например, удовлетворенность браком) и эмотивных (хорошее настроение, отсутствие негативных эмоций) компонентов или же просто требует согласиться или не согласиться с утверждением, что “в его обычной жизни все протекает благополучно” [Griffin. 1986. P. 7]<sup>2</sup>.

Большинство социальных психологов уделяют основное внимание трем компонентам субъективного благополучия. Это не только детерминанты позитивного – наличие приятных эмоций, таких как радость, удовлетворенность и привязанность, и детерминанты негативного состояния – наличие или отсутствие неприятных эмоций, таких как страх, злость и уныние; а также личные суждения об удовлетворенности чем-либо [Diener, et al. 1999. P. 276; Biswas-Diener, Diener, Tamir. 2004. P. 19]. Выделяется и социаль-

ная компонента благополучия – оценка собственной жизни в контексте положения в обществе. В русскоязычной литературе принято использовать нейтральное понятие “социальное самочувствие” [Рубина. 1996. С. 72; Головаха, Панина. 1997. С. 7; Душацкий. 2004. С. 64]. С некоторыми допущениями, вслед за Е.И. Головахой и Н.В. Паниной, а также рядом других авторов [Жукова. 1994. С. 134] можно принять концепты социального самочувствия и субъективного благополучия в качестве синонимов, что позволяет не только проводить взаимодополняющую проблематизацию и выстраивать исследовательские параллели, но и заимствовать стратегии операционализации.

### Объект и метод анализа

В индустрии изучения общественного мнения и массовых опросов социальная компонента благополучия оказывается одним из центральных концептов. Например, операциональная схема, использовавшаяся Фондом “Общественное мнение” более десяти лет<sup>3</sup>, опирается на прямое включение базовых концептов в два анкетных вопроса. В первом определяется место, или положение, человека в обществе через его

<sup>1</sup> См.: [Diener. 1994. p. 103; Diener, Sapyta, Suh . 1998. P. 34; Kafka, Kozma. 2002. P. 171; Rask, et al. 2003. P. 130].

<sup>2</sup> Видимо, для того чтобы оградить себя от психологических концептов, М.А. Гуревич, измеряя социальное самочувствие, когнитивные компоненты называет предметными, а эмотивные – тональными [Гуревич. 2001. С. 10]. Дальше переименования дело не идет.

<sup>3</sup> С 2007 года ФОМ перестал использовать в опросах данную конструкцию вопроса.

приспособленность к сегодняшней жизни. В результате возникает различие адаптировавшихся и неадаптировавшихся респондентов.

*Скажите, пожалуйста, удалось или не удалось Вам найти свое место в сегодняшней жизни?*

- 1) безусловно удалось
- 2) скорее удалось
- 3) скорее не удалось
- 4) безусловно не удалось
- 5) затрудняюсь ответить

Второй вопрос – вспомогательный. Здесь возникает временная перспектива, соединение концепта адаптации и ожиданий от будущего.

*Как Вы думаете, Вы (Ваша семья) сможете или не сможете в ближайшие год-два повысить свой уровень жизни, жить лучше, богаче, чем сегодня?*

- 1) безусловно смогу
- 2) скорее смогу
- 3) скорее не смогу
- 4) безусловно не смогу
- 5) затрудняюсь ответить

На основании пересечения вопросов создается типология, в которой оценки сегодняшнего благополучия дополняются параметром социального оптимизма или пессимизма (табл. 1).

В практике ФОМа, однако, присутствуют только три типологические группы, так как из-за недостаточной наполненности категории “неадаптированные оптимисты” людей, попадающих в нее, относят к группе “неадаптированные пессимисты”.

Именно эта схема социального самочувствия и стала объектом настоящего исследования<sup>4</sup>.

Нами опрошено 30 респондентов, каждому задавались два вопроса о социальном самочувствии, поэтому мы располагаем 60 единицами наблюдения. Каждая единица – это совокупный

Табл. 1. Типологические группы по характеру адаптации (по инструментам ФОМа)

	Удалось найти место в жизни	Не удалось найти место в жизни
Смогут жить лучше через год-два	адаптированные оптимисты	неадаптированные оптимисты
Не смогут жить лучше через год-два	адаптированные пессимисты	неадаптированные пессимисты

ответ на анкетный вопрос. Этот ответ, кроме адекватных реплик, содержит также уточняющие вопросы, сигналы непонимания или неуместные для данного контекста высказывания.

В ходе опроса обмен репликами фиксировался на пленку, а затем аудиозапись расшифровывалась. В качестве основы для кодирования выбран свободный ассоциативный метод, построенный на присвоении некоторому отрезку текста свободных понятий, формулируемых исследователем в ходе чтения и прослушивания аудиозаписи. Понятия не определялись заранее, а кодировались ad hoc (обнаружено новое значение – проверка соответствия уже существующим кодам – введение нового кода). Фактически процедура является составлением перечня конструктивных компонентов, которые проявляются в ходе реальной вопрос-ответной коммуникации с использованием описанной выше вопросной схемы.

Оговоримся, что тестируемые вопросы несколько различаются по характеристикам коммуникативной адекватности. Вопрос о том, удалось ли респонденту найти место в жизни, оказался лидером – в половине ответов на него никаких смещений не зафиксировано. А вот ситуация с вопросом о благополучии – предположительном уровне жизни в будущем – несколько хуже: доля ответов без смещений – 43%. Он – третий по уровню возникших затруднений<sup>5</sup>.

<sup>4</sup> Два вопроса о социальном самочувствии тестировались наряду с другими социально-демографическими вопросами – образование, род занятий, профессиональный статус, доход. Подробнее см.: [Рогозин. 2006; Рогозин, Климов, Мануильская. 2006; Рогозин, Мануильская. 2006].

<sup>5</sup> Подробнее о смещениях в тестируемых вопросах см.: [Рогозин. 2006].

Табл. 2. Количество смещений в тестируемых вопросах

(% по строке)

Вопрос	Количество смещений в одном ответе			
	смещений нет	одно	два	три
1. Удалось ли найти место в жизни	50,0	36,7	13,3	–
2. Сможете ли жить лучше через год–два	43,3	36,7	13,3	6,7
3. Образование	46,7	36,7	16,7	–
4. Род занятий	30,0	43,3	20,0	6,7
5. Профессиональный статус	46,7	43,3	10,0	–
6. Доход	33,3	30,0	16,7	20,0
<b>Итого</b>	<b>41,7</b>	<b>37,8</b>	<b>15,0</b>	<b>5,6</b>

Табл. 3. Частотность обнаруженных смещений в тестируемых вопросах

		Собственный дискурс	Меняется точка зрения	Сомнение в ответе	Отказ от ответа	Всего по строке
Удалось ли найти место в жизни	Абс.	1	6	4	8	19
	%	5,3	<b>31,6</b>	21,1	<b>42,1</b>	
Сможете ли жить лучше через год–два	Абс.	8	2	5	10	25
	%	<b>32,0</b>	8,0	20,0	<b>40,0</b>	

Вопросы различаются и по характеру обнаруженных трудностей и смещений. Вопрос о том, удалось ли респонденту найти место в жизни, содержит два типа смещений: как правило, это отказ от ответа или же изменение своей точки зрения по ходу подготовки ответа.

В вопросе о возможности достичь большего благополучия также фиксируется значительная доля отказов от ответа (40% от числа всех смещений), а кроме того – активный обмен репликами и произвольные, не предусмотренные вопросом высказывания (30%).

Таким образом, оба вопроса относятся к категории сравнительно благополучных – в том, что касается смещающих эффектов ответа. Тем не менее признаки проблемности все равно присутствуют. Сомнения в ответе, большой объем дискурса, не связанного с выполнением вопросного задания, изменение своего мнения в ходе подготовки ответа – все это закономерно приводит к основной проблеме: к отказу от ответа.

Так что же происходит с диалогом, когда респондентам задаются вопросы о благополучии и их месте в жизни?

## Компонентный анализ

Кодирование и анализ выявили восемь компонентов социального самочувствия, которые присутствуют в рассказе о сегодняшней жизни и в представлениях о будущем (табл. 4).

Безусловными лидерами по частоте упоминаний оказываются “работа” и “материальное положение”. Второй эшелон составляют сразу три концепта: “возраст”, “семья” и “личные желания, устремления”. Остальные тематические фрагменты ответов оказались слабо представленными.

Все коды, за исключением номинации “социальный статус”, представляют собой метаописания, то есть обобщающие имена, присваивавшиеся высказываниям, которые семантически подходили (с точки зрения кодировщика) под выбранный код и не обязательно включали присутствующую в нем словоформу. Слова “социальный статус” произносили сами респонденты, однако осталось совершенно непонятным, референт ли это типичного вопроса при устройстве на работу либо при оформлении ссуды – или же обобщенная категория быденного языка.

Табл. 4. Компоненты социального самочувствия в массиве совокупного ответа

Компоненты развернутого ответа	Частота	% от ед. наблюдения <sup>❖</sup>	% от ответов
Работа	29	48,3	23,8
Материальное положение	23	38,3	18,9
Возраст	18	30,0	14,8
Семья	17	28,3	13,9
Личные желания	15	25,0	12,3
Социальный статус	8	13,3	6,6
Государство	7	11,7	5,7
Образование	5	8,3	4,1
<b>Итого</b>	<b>122</b>	<b>221,8</b>	<b>100,0</b>

❖ Как уже говорилось, опрашивались 30 респондентов, каждому задавалось по два вопроса, которые мы отнесли к разделу “социальное самочувствие”. Соответственно всего – 60 единиц наблюдений. В каждом ответе может содержаться несколько компонентов.

В дальнейшем мы остановимся только на первых пяти наиболее распространенных компонентах развернутого ответа.

### Работа vs материальное положение

Как мы видим из табл. 4, чаще всего смысловыми коррелятами к обсуждаемым вопросам оказываются две темы: “работа” и “материальное положение”, причем первая представлена заметно чаще. Вот несколько примеров из расшифровок интервью.

“Интервьюер: Скажите, пожалуйста, удалось Вам или не удалось найти свое место в сегодняшней жизни?”

Респондент: В каком смысле – удалось?.. В отношении работы? Да, я работала в авиационном институте, назывался ВИАИ – есть такой, авиационных материалов. Нашла, конечно. Но дело все в прошлом”.

“Интервьюер: ...Скажите, пожалуйста, а как Вы поняли этот вопрос? О чем он?”

Респондент: Ну, о карьере в работе”.

Говорить об абсолютном доминировании именно этих компонентов в совокупном смысловом поле ответов нельзя: суммарно они встречаются в 43% случаев (23,8% + 18,9%) от частоты упоминания всех тематических компонентов.

Несмотря на явное семантическое пересечение – ведь материальное положение напря-

мую увязывается с наличием работы – эти концепты в половине случаев присутствуют в дискурсе ответа по отдельности, а в половине – совместно (в 22% случаев от частоты упоминания всех тематических компонентов).

“Интервьюер: Вот о чем этот вопрос, Вы можете сказать? Как Вы поняли этот вопрос – о месте в сегодняшней жизни?”

Респондент: Я понимаю, материальность – вот если бы у меня была бы стабильная работа. Ну, пенсия у меня стабильная есть, слава богу, но пенсия-то что? Опять-таки, может быть, для одной меня хватило бы, но у меня внучка, я... И сын у меня так вот, плавает: тоже может сегодня работать – завтра может без работы остаться. Вот как-то... В основном все из-за детей”.

Важным представляется еще один нюанс. Данные исследования позволяют говорить о том, что словосочетание “материальное положение”, как правило, ассоциируется с работой, и именно “работа” является основным объясняющим концептом. А вот обратное утверждение оказывается менее достоверным. Если человек сначала говорит о работе, то на связь с материальным положением в своей аргументации он выходит существенно реже. В табл. 5 приведены частоты переходов между двумя концептами: 61% против 48%<sup>6</sup>.

Здесь возникает повод усомниться в корректности отождествления материального и со-

<sup>6</sup> Сложная таблица требует пояснений. Читать данные следует “по строке”, например: из числа всех случаев, когда респонденты так или иначе рассуждали о материальном положении, в 61% высказываний упоминались также темы, отнесенные к концепту “работа”. Остальное – аналогично.

Табл. 5. Парная встречаемость компонентов

(% по строке)

Компоненты развернутого ответа	Работа	Материальное положение	Возраст	Семья	Личные желания	Соц. статус	Образование	Государство
Работа		48	38	45	10	14	17	10
Материальное положение	61		35	26	9	22	9	17
Возраст	61	44		22	11	6	17	33
Семья	76	35	24		–	–	6	–
Личные желания	20	13	13	–		20	7	7
Социальный статус	50	63	13	–	38		–	25
Образование	100	40	60	2	20	–		2
Государство	43	57	86	–	14	29	14	

циального статусов, присутствующего во многих исследованиях на тему измерения субъективного благосостояния (см., напр.: [Srivastava, Locke, Bartol. 2001; Senik. 2005; Martin, Westerhof. 2003]).

Р. Бисвас-Дайнер с коллегами показывают, что выводы многочисленных исследователей кардинально расходятся с распространенным как в обыденном сознании, так и в масс-медиа представлением о прямой связи уровня дохода и субъективного благополучия [Diener, Suh. 1997. P. 191; Biswas-Diener, Diener, Tamir. 2004. P. 23]. Это замечание важно для нашего эксперимента. В формулировке вопроса о перспективах собственного благополучия есть уточнение: “жить лучше, богаче”. Оно фокусирует внимание респондентов именно на материальном аспекте, довольно четко указывает, о чем именно спрашивается. Тем самым на уровне операционального определения (анкетного вопроса) производится смещение от первоначального концепта “благополучие” в сторону более определенного концепта – “материальное положение”. В связи с этим неудивительно, что число обращений именно к этой теме существенно отличается по двум тестируемым вопросам: в первом – 10,3% случаев, во втором – 26,6% (см. далее по тексту табл. 6).

“Интервьюер: Как Вы думаете, Вы, Ваша семья, сможете или не сможете в ближай-

шие год-два повысить свой уровень жизни, жить лучше, богаче, чем сегодня?

Респондент: В ближайшее время, да?

Интервьюер: В ближайшие год-два.

Респондент: Нет. Богаче – вряд ли.

Интервьюер: Вряд ли. У меня, значит, несколько вариантов ответа. Выберите, пожалуйста, один: «скорее не смогу», или «безусловно не смогу».

Респондент: Скорее не смогу. Года два уже до пенсии осталось работать. На пенсию придется идти”.

Мы не можем однозначно утверждать, достоинством или недостатком формулировки вопроса является сфокусированность на теме материального положения как *компоненте* концепта “благополучие”. С одной стороны, “благополучию” задается редуцированное прочтение: семья может и не рассчитывать на прирост благосостояния, но, тем не менее, оценивает свою ситуацию как вполне благополучную – основываясь на иных важных для себя аргументах. С другой стороны, расплывчатость базового концепта в обыденной семантике приводит в ситуации опроса к произвольным толкованиям, содержательный разброс в которых может быть очень существенным. Наверное, определенность все-таки предпочтительнее, хотя в данном случае можно говорить о недостаточно полной, однобокой операционализации базового концепта в задаваемых вопросах<sup>7</sup>.

<sup>7</sup> Ситуация неопределенности дополняется еще и тем, что умения как прогнозировать, так и озвучивать собственные прогнозы о материальном положении перед незнакомцем у разных людей разные. Это достаточно традиционное утверждение, которое, тем не менее, важно учитывать в данном случае. Выявление же основных причин таких различий требует отдельного и довольно трудоемкого исследования.

Тем не менее мы можем зафиксировать, что “социальное самочувствие” как понятие в значительной мере состоит из проекций на материальное положение и ситуацию с работой. Однако определяющими их назвать нельзя: на долю других концептов-компонентов приходится более половины всех тем и обыденных интерпретаций ФОМовских вопросов, операционализирующих базовое понятие.

## Возраст

Возраст – категория, которая, на первый взгляд, не имеет прямого отношения к субъективным оценкам счастья. Видимо, по этой причине она никогда не включается в операциональные определения субъективного благосостояния<sup>8</sup>. Однако в нашей работе это один из наиболее часто встречающихся семантических компонентов тестируемых вопросов (см. табл. 4).

*Интервьюер: Вы знаете, у меня есть ответы «скорее не удалось» или «безусловно не удалось»? Вот что ближе?*

*Респондент: Ну, скорее, наверное, не удалось... Потому что...*

*Интервьюер: ... А почему Вы выбрали этот вариант ответа?*

*Респондент: А потому что попробуйте устроиться в моем возрасте на работу. Берут молодых, красивых – а мне все-таки пятьдесят три года. Вот в чем заминка вся”.*

*“Интервьюер: А почему Вы выбрали этот вариант ответа – «скорее удалось»?*

*Респондент: Потому что возраст уже такой, 54 года, труднее найти работу. С работой повезло. Можно сказать, доволен работой. В нашем возрасте не так просто найти работу хорошую”.*

Разговор о благосостоянии ассоциируется с субъективным ощущением собственного возраста – вне зависимости от того, проговаривается ли это обстоятельство (как в приведенных выше фрагментах), рефлексивируется – или же остается на заднем плане артикулированных мо-

тивов. Не столь важно, сколько календарных лет исполнилось респонденту. Более значимый фактор – его ощущение и *переживание* возраста в качестве элемента собственной жизненной ситуации: обращенность к прошлому, устремленность в будущее, фиксация на настоящем, переживание исполнившихся лет, широта ретроспективной оценки прожитой жизни и т. д. Возраст – в социальной проекции – это важный социальный ресурс человека, и поэтому он, безусловно, связан с его историей достижений и со статусом. Однако с возрастом, как правило, меняются содержательные компоненты “субъективного возраста”: значимость одних элементов растворяется, значимость других – актуализируется. Для молодого человека (в субъективном смысле молодым может быть и сорока-, и пятидесятилетний мужчина) важнейшими параметрами “хорошей жизни” в большей степени являются материальные и статусные аспекты, которыми он уже располагает или будет располагать. А вот для пожилого человека на первый план выходит прожитая жизнь и достигнутые успехи, а также возможность распоряжаться собственным временем и телом по собственному желанию [MacPhee. 2005. P. 723]. Пожилой человек становится более индивидуализированным, буквально познает ценность человеческой свободы и дарованных природой физических возможностей. Однако это характеризует лишь субъективно благополучную часть старшего поколения. Забытые родственниками, отлученные от ежедневной работы, страдающие от болезней пожилые люди испытывают огромное количество проблем, подчас незаметных и не распознаваемых в качестве важных более молодым окружением. Отсюда и проистекает разница в оценках, интерпретациях вопросов о социальном самочувствии.

Вряд ли причина столь частных упоминаний возраста в связи с разговором о благополучии (в рамках нашего исследования) определяется особенностями опросного инструмента. Тести-

<sup>8</sup> Хотя во многих исследованиях показана тесная связь между возрастом и социальным самочувствием и даже предприняты попытки измерения последнего для разных возрастных групп [Петрова. 2000; Ковалева, 2001; Хасбулатова, Егорова. 2002], исследователи не включают показатель субъективной оценки возраста в концепт социального самочувствия.

руемые вопросы о социальном самочувствии связывает временная перспектива: в первом спрашивается о сегодняшней жизни, во втором – о ближайшем годе или двух. Вместе с тем в ответах практически не обсуждается *время*, не актуализируется понятие “сегодняшней жизни”, не проясняется, чем жизнь сегодня отличается от жизни вчера и завтра. Только лишь один ответ из полученных шестидесяти полностью соответствовал операциональной схеме ФОМа и опирался на временное различие:

*“Интервьюер: А как Вы поняли этот вопрос <о месте в сегодняшней жизни>?”*

*Респондент: Если кратко, то в этом случае здесь играет роль и материальная сторона человека. Как он вписался в жизнь после советского периода. Вот эти два вопроса”.*

Однако в этом случае респондент раздвигает временные рамки: “сегодняшняя жизнь” трактуется им как длительный, более чем десятилетний период. В контексте такого ответа на первый вопрос, второй – о перспективах на *ближайшие год-два* – уже не имеет смысла, поскольку совпадает с референтным периодом первого.

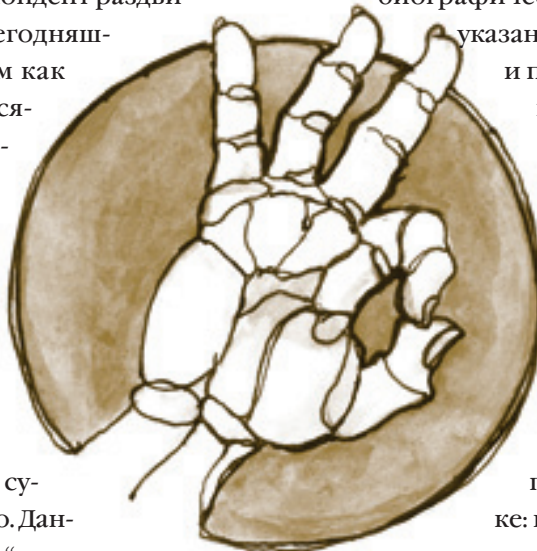
Следует отметить одно существенное обстоятельство. Данные вопросы, измеряющие “социальное самочувствие”, были сформулированы в иную общественную и политическую эпоху – в пореформенное время. Тогда различие “прошлого” и “настоящего” было актуальным и для тех, кто воспринимал настоящее болезненно, и для тех, кто в принципе принял новую ситуацию, вне зависимости от степени адаптации к ней. Понятие “сегодняшняя жизнь” было вполне определенным, так как содержало в себе существенное противопоставление: жизнь до масштабных преобразований. В приведенном выше ответе как раз и отразилась, была артикулирована респондентом эта “метаконцепция”. Единичность ответа показательна. Это означает, что

смысловое пространство концепта “сегодняшней жизни” существенно изменилось – хотя бы в том, что проблематизация пореформенного времени из некогда центральной стала периферийной.

Сегодня подавляющее большинство респондентов говорят уже о некотором “общем самочувствии”, придерживаясь скорее формально-временных рамок и не различая жизнь до и после глобальных перемен. “Время перемен” прошло, и теперь “место в сегодняшней жизни” означает место в жизни как таковой, а значит, остальные категории, с помощью которых в субъективном восприятии объясняется и доопределяется исходный концепт, выходят из тени прежних смысловых доминант. В том числе это и возраст в целом, возраст как индивидуальная биографическая характеристика, а не как указание на общественно значимый и публично проблематизированный событийно-ситуативный временной период.

Мы можем предложить и еще одну гипотезу, объясняющую столь регулярное обращение к категории возраста. В России традиционно возраст выступает сильной стратифицирующей категорией. Например, это отражено и в языке: независимо от степени близости или знакомства, старшие более

легко переходят на “ты” в общении с младшими по возрасту. До “социальной катастрофы” 90-х подавляющее большинство представителей старшего поколения были более обеспечены и тем самым имели более высокий статус в обществе. Сейчас ситуация изменилась, и материальное благосостояние 30–40-летних несопоставимо с благосостоянием их родителей. Изменились социо-экономические характеристики возрастных групп, однако стратификация по возрасту осталась, что не может не оказывать влияния на уровень социального самочувствия, является значимым параметром для его определения.



## Семья

Несмотря на практически одинаковую частоту упоминаний о возрасте и о семье (см. табл. 4), в семантическом поле ответа эти компоненты ведут себя по-разному. Если упоминание о возрасте увязано практически со всеми другими компонентами и в этом отношении идентично упоминаниям о работе и материальном положении (табл. 5, строка “Возраст”), то о семье люди говорят исключительно в связке с работой, материальным положением и возрастом (табл. 5, строка “Семья”). Тема семьи разделяет ответы на два кластера. В первом человек ассоциирует себя с ближайшей группой и выступает скорее ее представителем (“МЫ”-ответ). Во втором – высказывается индивидуальная точка зрения, как правило, подкрепленная упоминанием о личных желаниях, социальном статусе, образовании и роли государства в личной жизни (“Я”-ответ).

“МЫ”-ответы подчеркивают значимость для респондента семьи, личную ориентацию на ее интересы.

*“Респондент: Надеюсь очень на сына. Да. Мы с отцом уже пенсионеры, и у нас вот надежда на сына.”*

*Интервьюер: Сформулируйте, Вы сами ответьте – как?*

*Респондент: Честно сказать, может быть, у детей удастся. А нам, пенсионерам, будущим пенсионерам, это будет тяжело. Потому что квартплата растет, свет растет – все растет, Вы сами знаете. И приходится очень тяжело в жизни”.*

“Я”-ответы всегда опираются на индивидуальный выбор, не зависящий от ближнего окружения.

*“Интервьюер: И как Вы поняли этот вопрос, о чем он? Попробуйте сформулировать его своими словами. Вопрос был – Вы помните, да? – «Сможет или не сможет Ваша семья в ближайший год-два повысить свой уровень жизни? Жить лучше, богаче, чем сегодня?»*

*Респондент: Буквально, думаю, смогу ли я поднять свой социальный статус, я так думаю. Я думаю, что смогу”.*

*“Интервьюер: Вы знаете, у меня есть варианты ответа: «безусловно удалось», «скорее удалось» – какой ближе?*

*Респондент: Безусловно.*

*Интервьюер: А почему выбрали именно этот вариант ответа?*

*Респондент: Не знаю (смеется.) Повезло, наверное, просто, поэтому – безусловно.*

*Интервьюер: Вот как Вы поняли этот вопрос, то, что я Вам задала? Попробуйте сформулировать его своими словами. Вопрос был: «Удалось или не удалось Вам найти место в сегодняшней жизни?»*

*Респондент: Не знаю, я думаю, если... я сильно не вдумывался, конечно, а если удалось, то как на удачу. А если так, то вопрос, чего я как бы добился от этого. То есть было ли стремление. Ну, вот я и говорю: удалось”.*

Промежуточный случай, когда ответ дается в индивидуальной модальности, однако упоминается о семье (пусть даже и отсутствующей), можно охарактеризовать как “МЫ”-ответ. Например:

*“Интервьюер: Вы ответили, что скорее... удалось?*

*Респондент: Мне, кажется, что да, удалось. На самом деле я вот не замужем. Может, кто-то подумает, что нет... Мне нравится моя работа, нравится моя спокойная жизнь (говорит со смехом)”.*

Респондент вроде бы говорит о себе, но при этом держит в голове образ семьи, точнее, этот образ присутствует как ценность. Можно предположить, что ответы респондента связаны с позиционированием относительно отсутствующей, но желаемой “МЫ”-группы.

Разнесенность ответов на два кластера не зависит от формулировки вопроса. Несмотря на то, что только во втором вопросе явно указывается на семью, тогда как первый сформулирован в предельно индивидуальном модусе, компонент семьи возникает в ответах с одинаковой частотой (см. табл. 6).

Частично это связано с расширительной формулировкой второго вопроса, в котором респонденту фактически предоставляется выбор говорить либо лично о себе, либо о своей семье. В результате в одном вопросе смешиваются два принципиально разных плана ответов. Речь уже идет не только об упоминании или неупоминании семьи, но и о возможной семантической



Табл. 6. Компоненты социального самочувствия для двух вопросов

Компоненты развернутого ответа	Вопрос 1 “место в жизни”		Вопрос 2 “уровень жизни”	
	частота	%	частота	%
Работа	15	25,9	14	21,9
Материальное положение	6	10,3	17	26,6
Возраст	11	19,0	7	10,9
Семья	8	13,8	9	14,1
Личные желания	9	15,5	6	9,4
Социальный статус	3	5,2	5	7,8
Образование	3	5,2	2	3,1
Государство	3	5,2	4	6,3
<b>Итого</b>	<b>58</b>	<b>100,0</b>	<b>64</b>	<b>100,0</b>

дихотомии – семья против индивидуальных амбиций, выраженных в социальном статусе, образовании и личных желаниях. Однако и для первого из вопросов ситуация непростая: здесь ничего не говорится о семье, да и вопрос обращен лично к респонденту, но, как мы видим, некоторые формировали свой ответ все равно сквозь призму “МЫ”-образа (что формально не релевантно вопросному заданию). Отсутствие инструмента для различения в ответах личной позиции и роли информанта приводит к появлению артефактов в агрегированных данных [Biswas-Diener, Diener, Tamir. 2004. P. 19].

### Личные желания

“Нельзя говорить о субъективном благополучии в отрыве от личных, сугубо индивидуальных желаний”, – так А. Блудворт описывает базовое предположение для концепта субъективного благополучия, или – шире, по Л. Самнеру – для теории жизненного удовлетворения [Bloodworth. 2005. P. 213–214]<sup>9</sup>. Только мотивированный индивид, осознающий собственные желания в контексте внешних ограничений, может оценивать свои достижения и актуальное положение. “В концепте субъективного благополучия заложено предположение, что человек имеет разнообразные ценности, цели и желания. На основании этих ценностей и целей, а также жизненных обстоятельств мы предлагаем ему решить, чем он удовлетворен” [Diener, et al. 1998. P. 35]. Другими словами, субъективное благополучие – это эле-

мент теории гедонистического поведения, согласно которой человек не может не стремиться к наиболее комфортным для себя состояниям (подробнее см. сборник [Well-being. 1999]). Это не значит, что человек немотивированный и не задумывающийся над жизнью не может быть счастливым. Скорее всего, наоборот, счастье основано на незнании. Акцент на мотивах лишь отражает феноменологические основания приемов, измеряющих субъективное благополучие: не зная мотивов субъекта, мы не можем эксплицитно субъективно полагаемый смысл, а значит, сама методика не позволяет судить о благополучии, которое по своей природе глубоко индивидуально и субъективно.

Оценивая детерминанты счастья людей, Р. Бисвас-Дайнер и его коллеги также выделяют три субъективных области, определяющих благополучие: (1) индивидуальные, психологические характеристики человека; (2) адаптация к положительным или отрицательным событиям личной жизни; (3) социальные взаимоотношения, прежде всего – наличие близких интимных отношений, построенных на доверии [Biswas-Diener, Diener, Tamir. 2004. P. 21–22]. Операциональные определения, применяемые в массовых опросах, основываются на противоположных предпосылках, на предположении о социальной обусловленности субъективных оценок. Личные желания и мотивы, как правило, выпадают из процедуры измерения социального самочувствия. Удивительно, но в нашем эксперименте

<sup>9</sup> А. Блудворт ссылается исключительно на теорию социального благополучия Дж. Гриффина. Однако редукция столь важного концепта до одного имени представляется неоправданной и как минимум вводящей в заблуждение неискущенного читателя.

мы могли наблюдать подтверждение этого довольно категоричного суждения. Несмотря на то, что компонент “личных желаний” относительно часто встречается в ответах (табл. 4), он, как правило, не соединяется с другими компонентами развернутого ответа (см. частоты парной встречаемости в табл. 5). Если респондент начинает рассуждать о мотивах, желаниях или целях, для остальных компонентов в рамках обмена репликами уже не остается места.

*“Интервьюер: А почему выбрали именно этот вариант ответа?”*

*Респондент: Не удалось, потому что хотелось одно – а это не получилось.*

*Интервьюер: Вот как Вы поняли этот вопрос? Может быть, переформулируете своими словами?”*

*Респондент: Нет, Вы знаете как, удалось – не удалось. То есть у человека есть, допустим, желание какое-то там или еще на что-то, к чему-то он стремился. Шел человек к чему-то – не получилось, значит, не удалось, вот и все”.*

Такие рассуждения, как правило, абстрактны. Респонденты избегают говорить о своих целях, не сопоставляют достоинства или недостатки возможных решений, уклоняются от обсуждения личных планов.

*“Интервьюер: Вот как Вы поняли этот вопрос? О чем он? Попробуйте этот вопрос сформулировать своими словами – вопрос о том, удалось или не удалось Вам найти место в сегодняшней жизни, как Вы понимаете?”*

*Респондент: Ну, я понимаю, то, что это, наверное... Никак не понимаю. Я сейчас не могу Вам ответить. Я сейчас не соображу (смеется).*



*Интервьюер: То есть Вы поняли этот вопрос, как вопрос о?..*

*Респондент: Ну, как бы какую-то позицию в жизни я занимаю, к какой стремился. Мне, в принципе, легко живется”.*

По коротким диалогам мы не можем судить о наличии или отсутствии у респондентов сформированных и рациональных представлений о собственной жизни. Однако можно с уверенностью зафиксировать закрытость и приватность дискурса о личных планах. Если в западной англоязычной культуре “счастье” (happiness) и “благополучие” (well-being) являются распространенными обыденными понятиями, включенными как в частные повседневные разговоры, так и в публичный дискурс [Науброн. 2003. Р. 308, 312], то у нас, по всей видимости, дело обстоит иначе. Мы не склонны обсуждать эту тему не только с посторонними, но зачастую – и с близкими людьми. Счастье, личное благополучие – компоненты интимной, сугубо приватной зоны нашего сознания и общения. Ответы на прямо поставленные вопросы – “Насколько Вы счастливы? Насколько удовлетворены собственной жизнью?” – могут формулироваться исходя из защитных мотивов, ограничивая приватную сферу от публичного дискурса. Речь не идет об искренности или лжи респондента. Проблема состоит

в том, что эта тематика, скорее всего, оказывается абсолютно неконсистентной для жанра коротких ответов на вопросы незнакомых людей.

## Особенности операционализации

Сопоставляя полученные нами результаты с исследованиями других авторов, кратко остановимся на пяти важнейших особенностях операционального определения социального само-

чувствия. Нами будут рассмотрены (по возможности – критически):

- 1) временная структура определения, по-прежнему доминирующая в социологических и маркетинговых опросах, проводящихся в России;
- 2) генерализующие, или “общие”, вопросы в модальности “если говорить в целом...”, основанные на “прямой модели” Бриджмэна-Ландберга<sup>10</sup>;
- 3) материальное положение как идеальная модель субъективного благосостояния, реализуемая в большинстве российских исследований.

Оставшиеся два пункта посвящены процедурам, которые необходимо осуществить для проведения операционализации. Это:

- 4) перечень компонентов, или конструкторов, подлежащих дальнейшей спецификации и сопоставлению с набором индикаторов;
- 5) непосредственно процесс операционализации – формулирование анкетных вопросов как элементов конструктивно-индикативной матрицы.

### Временная структура

подавляющее большинство российских исследовательских компаний (Левада-центр, ВЦИОМ, РОМИР, ГФК-Русь, Циркон, ФОМ и др.) применяют операциональные определения, которые можно классифицировать на три домена.

- А) оценка материального положения семьи на момент исследования;
- Б) оценка уровня жизни семьи через один-два года;
- В) уровень адаптированности к происходящим в стране переменам [Батурова. 2005. С. 73].

К настоящему моменту составленные в начале 1990-х годов вопросы о социальном самочувствии перестали отражать динамику среднесрочных изменений в восприятии респондентом своего места в обществе. По всей видимости, время перемен прошло, и общество из трансформирующегося становится все более стабиль-

ным. Измерение представлений людей о своем будущем статусе в достаточно короткой перспективе валидно лишь в контексте общественных преобразований, значимых с точки зрения индивида [Гуревич. 2001. С. 11]. В нашем исследовании респонденты дают оценки жизни вообще, а не текущих событий или каких-либо среднесрочных изменений. Долгое время исследователи не могли найти инструментария для различения в опросах общественного мнения ситуативного настроения, зависящего от текущих событий, и более стабильных переживаний, отражающих субъективное благополучие [Bradburn. 1967; Glenn, Weaver. 1981. P. 28–29]. С некоторыми допущениями и оговорками Е. Дайнер и Е. Су показали, что субъективные оценки благополучия мало зависят от ситуативных, психологических факторов [Diener, Suh. 1997. P. 205], в оценках событий обыденной жизни у людей наблюдается большая инертность. “Сегодняшний день” трансформируется в сознании респондента в “сегодняшнюю жизнь”, и оценке подвергается вся личная биография – с позиции нынешних представлений о хорошем и плохом, об успехах и неудачах. Возможно, нивелированию сиюминутных переживаний или настроений в ответах способствует и контекст стандартизированного интервью. Как правило, в разговоре с незнакомым человеком мы не склонны посвящать его в свои текущие проблемы и переживания.

Применительно к тестируемым вопросам временной маркер “сегодняшний день”, включенный в первый из вопросов, не исправляет коммуникативную ситуацию, а лишь вводит исследователя в заблуждение на этапе интерпретации вопроса. Кроме того, в формулировках присутствует и ряд логических несогласований. Если адаптация оценивается по предельно абстрактной схеме, позволяя респонденту как угодно толковать понятие “места”, то “оптимизм” или

<sup>10</sup> Прямая модель основана на взаимно однозначном соотношении между теоретическим конструктором и наблюдаемой в поле переменной. Каждой переменной соответствует процедура идентификации объекта, которая называется операциональным определением: “Определение является операциональным, если установлена надежная процедура идентификации (включая используемые материалы) определяемого выражения” [Dodd. 1943. P. 482]. Любая переменная относится к одному и только одному концепту и представляет собой набор измерительных операций: “Я определяю концепт в терминах операций, посредством которых я подхожу к нему” [Landberg. 1939. P. 54].

“пессимизм” редуцируются до материального благосостояния. Далее, оценка адаптации касается лично респондента, а предположения о будущем уже могут быть перенесены на семью. Если этим планируется снять когнитивные затруднения у тех респондентов, которые отождествляют себя с семьей, это следовало бы делать и в первом вопросе.

### Общие вопросы

Несмотря на широкое применение в российских и зарубежных исследованиях “общих” вопросов о социальном благополучии [Praag, Frijters, Ferreri-Carbonell, 2003, p.30]<sup>11</sup>, эту практику нельзя признать удовлетворительной. За оценкой “в целом” своего места в жизни или степени удовлетворенности ею скрываются самые разные основания и домены обыденной реальности. В научно фундированных исследованиях, как правило, отсутствуют одиночные вопросы, посвященные интегральной оценке субъективного благосостояния; общие вопросы всегда сопровождаются несколькими частными, позволяющими хотя бы предположить, каковы будут возможные ошибки измерения. Например, в исследовании Н. Гленна и Ч. Фивера, посвященном влиянию уровня образования на субъективное благополучие, наряду с общим вопросом об удовлетворенности жизнью анализировались вопросы о счастье, о субъективном здоровье, об удовлетворенности ближайшим окружением, семейной жизнью, друзьями, здоровьем, наличием свободного времени [Glenn, Weaver. 1981. P. 27].

В нашем исследовании было выделено восемь компонентов совокупного ответа: работа, материальное положение, возраст, семья, личные желания, социальный статус, образование, государство. Участвуя в интервью, респондент не

учитывает все возможные значимые компоненты, а придерживается какого-то одного, в лучшем случае – нескольких. Если бы он всегда выбирал самую значимую для себя тему или обстоятельство, можно было бы не беспокоиться о качестве измерения. Однако в рамках стандартизированной процедуры у нас нет ни теоретических обоснований, ни эмпирических способов проверить, происходит ли это именно так. В итоге, с одной стороны, оценка респондента может изменяться в зависимости от актуализированного именно в момент интервью компонента. С другой стороны, сравнение оценок между разными группами респондентов становится проблематичным, поскольку могут возникнуть систематические смещения, связанные с коммуникативными, когнитивными или экспрессивными условиями интервью [Bertrand, Mullainathan. 2001. P. 68–70]. Например, на различие в оценках между разными регионами может оказать влияние стиль интервьюеров, работающих в разных опросных компаниях.

Главная проблема интерпретации ответов на “общие” вопросы о социальном благополучии состоит в невозможности наблюдать, как эти ответы формируются. Мы вынуждены принять на веру соответствие вербальных ответов у всех людей, участвовавших в опросе, их внутреннему состоянию [Senik. 2005. P. 45]. Другими словами – признать отсутствие контекстуальных эффектов, иронических ответов, разных смысловых интерпретаций одинаковых вариантов ответа. При этом исследователь не может объяснить причины формирования ответов на сложные, комплексные вопросы, не может интерпретировать первичную структуру различий, возникающую у респондента в ходе ответа. Он вынужден приписывать распределениям собственные, под-

<sup>11</sup> Например, вопрос об удовлетворенности жизнью, разработанный коллективом исследователей под руководством Р. Инглехарта (Мичиганский университет) в 1974 году и включенный в международное многолетнее исследование общественного мнения – Евро-Барометр: “On the whole, are you very satisfied, fairly satisfied, not very satisfied or not at all satisfied with the life you lead?” В России многие компании пользуются переводом этого вопроса, например, он включен в ежемесячные общероссийские опросы Левада-Центра и ВЦИОМа: “Если говорить в целом, то в какой мере Вас устраивает сейчас жизнь, которую Вы ведете?” – (1) вполне устраивает, (2) по большей части устраивает, (3) отчасти устраивает, отчасти нет, (4) по большей части не устраивает, (5) совершенно не устраивает, (6) затрудняюсь ответить. Или другой обобщенный вопрос об оценке текущей жизненной ситуации, включенный в ежемесячные опросы Левада-Центра: “Какое из приведенных ниже высказываний более соответствует сложившейся ситуации?” – (1) все не так плохо, и жить можно, (2) жить трудно, но можно терпеть, (3) терпеть наше бедственное положение уже невозможно, (4) затрудняюсь ответить”.

час нераспознаваемо абсурдные интерпретации, опираясь лишь на допущения, далекие от реальной коммуникативной ситуации интервью.

### Материальное положение

Основываясь на материалах проведенного нами эксперимента, можно утверждать, что не существует доминирующего компонента, к которому, при известных допущениях, мы могли бы свести ответы респондентов на “общий” вопрос об удовлетворенности жизнью. Использование концепта “материальное положение” в семантической конструкции второго вопроса (“жить лучше, богаче”) можно оценить как методическую ошибку опросного инструмента. Большинство западных исследователей ориентируются на результаты экспериментов и опросов общественного мнения и различают *социальное самочувствие* и *субъективную оценку* материального положения. В российских опросах и научных исследованиях доминирует противоположная позиция, согласно которой главный системообразующий показатель социального самочувствия – именно оценка опрашиваемыми своего материального положения. Доводы в пользу именно такой редукции оказываются теоретически слабыми. Например, А.С. Готлиб так обосновывает свою позицию: “Выбор субъективной оценки людьми своего материального положения в качестве типобразующего признака осуществлялся нами по принципиальным соображениям. На наш взгляд, именно восприятие своего материального положения, его оценка, вбирающая в себя и степень удовлетворения собственных притязаний, и представления о социальной норме, выступает определенным результатом, некоей точкой, фиксирующей меру успешности индивида на пути его адаптации к изменяющейся социальной среде” [Готлиб. 2001. С. 53]. В данном случае в качестве обоснования совершенно определенного методического решения выступает убеждающая речь и аргументация *ad hominem*, а не ссылка на эксперименты или разработки иных исследователей. Думается, что ситуация, когда теоретическим обоснованием проводимой операционализации пренебрегают, не уникальна.

### Компоненты социального самочувствия

Компоненты социального самочувствия, выделенные нами посредством свободного кодирования, согласуются с результатами других методических исследований. Так, Э. Кэмпбелл, изучая представления американцев о хорошей жизни, получил следующий набор сфер, ранжированных в порядке убывания: экономическая стабильность, хорошие отношения в семье, сильный и жизнестойкий характер, верные друзья, внешне привлекательная окружающая среда [Campbell. 1981. P. 6]. Другие исследователи, например, Ф. Андриус и С. Вити, проводя операционализацию субъективного благосостояния, рассматривали пять компонентов: дом, работа, семья, свободное время и государство [Andrews, Withey. 1976. P. 234].

Частным компонентам социального самочувствия посвящено множество самостоятельных исследовательских программ. Отдельно изучаются:

- материальное благосостояние, его субъективная оценка, влияние неравного распределения доходов населения на оценки субъективного благополучия [Ferrer-i-Carbonnell, Praag. 2001; Srivastava, Locke, Bartol. 2001; Martin, Westerhof. 2003; Senik. 2005];
- удовлетворенность отношениями в семье [Andrews, Abbey, Halman. 1991; Rask, et al. 2003];
- чувство принадлежности к некоторому обществу, ощущение собственной востребованности [Daniels, Guppy. 1994];
- сформированность личных целей, амбициозность индивидуальных планов, уверенность в собственных силах [Diener, Fujita, 1995];
- профессионализм и удовлетворенность занимаемой должностью, нынешним рабочим местом [Christiansen, et al. 1999];
- религиозность, отношение к другим конфессиям [Emmons, Cheung, Tehrani, 1998; Ellison. 1991];
- состояние здоровья, субъективное отношение к боли [Rose, Bengtsson, 1996; Rejeski, et al. 2001].

Поскольку компоненты, встретившиеся в нашем исследовании, так или иначе обсуждаются и в других эмпирических работах, это говорит

об адекватности теоретической конструкции концепта социального самочувствия (сказанное относится к конструктивной валидности). Вызывает вопрос лишь компонент “личные цели”. Несмотря на его абсолютное соответствие концепту благосостояния, есть большие сомнения в возможности адекватного измерения личных, индивидуальных мотивов в стандартизированном опросе общественного мнения.

## Особенности операционализации

Проводя тематическую разметку респондов, появившихся в ходе разговоров о вопросах, мы получили лишь перечень конструктов, составляющих элементов исходного концепта благополучия. Однако, если следовать модели П. Лазарсфельда, это лишь начальный этап операционализации.

Исследователь выделил три этапа спецификации. На первом исходный образ, или концепт разделяется на компоненты, или величины (*dimensions*), которые представляют более точные и детализированные описания и образуют совокупность понятий, описывающих теоретический конструкт [Lazarsfeld. 1993. P. 241]. На втором этапе каждому компоненту теоретического конструкта ставится в соответствие некоторая совокупность эмпирических индикаторов. П. Лазарсфельд подчеркивает, что индикаторы соотносятся с концептами не жестко, а вероятностно: “каждый индикатор имеет лишь приблизительное отношение к тому, что мы в действительности хотим знать” [Lazarsfeld. 1993. P. 241–242]. В зависимости от теоретической схемы исследования индикаторы могут повторяться или замещаться у разных концептов. На третьем шаге индикаторы преобразуются в анкетные вопросы, которые и предполагается задавать респонденту. Вслед за Лазарсфельдом [Lazarsfeld. 1958, 1972, 1993] в методической литературе обычно останавливаются на четырех понятиях, представляющих процедуру операционализации: концепт, конструкт (результат спецификации концепта – набор величин), индикатор и переменная (или операциональное определение).

Итак, отбор индикаторов – отдельная, не менее сложная задача. Очень трудно измерить

субъективную оценку перечисленных конструктов, поскольку само оценивание представляет собой нетривиальную, а главное – скрытую от исследователя процедуру [Naess. 1999. P. 116]. Ф. Андриус и С. Вити для измерения субъективного благополучия предлагают следующие индикаторы: признание, включенность, самодостаточность, безопасность, спокойствие, красота, независимость, веселье и уровень жизни [Andrews, Withey. 1976. P. 234]. Если обратиться к упомянутым выше пяти конструктам Андриуса и Вити (дом, работа, семья, свободное время и правительство), вместе они составят целую батарею анкетных вопросов. Например, пересечение конструкта “дом” и индикатора “красота” позволяет сформулировать примерно такой вопрос: “Насколько красив и привлекателен для Вас дом, в котором Вы проживаете?” [Andrews, Withey. 1976. P. 13]. Однако подобный многомерный подход к операционализации субъективного благополучия встречается в единичных случаях. Наибольшее распространение среди исследователей получил индикатор удовлетворенности [Praag, Frijters, Ferrer-i-Carbonell. 2003. P. 31], который позволяет сформулировать разнообразные анкетные вопросы (*табл. 7*).

К. Раск с коллегами предлагает альтернативную схему составления анкетных вопросов. Основоволагающими индикаторами в ней выступают: в эмоциональной компоненте – а) степень удовольствия/разочарования и б) проблемное или плохое состояние дел; в когнитивной составляющей – в) информированность и г) реальное поведение.

В первом индикаторе измеряется степень удовлетворенности обыденных потребностей, например, поддержание чувства собственного достоинства, внимание к позитивным событиям, оптимистические установки на жизнь и т. д. Второй индикатор, плохое состояние, выявляет обеспокоенность текущими проблемами и сложной ситуацией, например, с коллегами, родителями, деньгами. Третий и четвертый компоненты отражают активность или пассивность жизненной позиции: способность респондента приводить конкретные примеры своих действий, знание им текущих событий, в которых он может принять

Табл. 7. Индикатор “удовлетворенности” и операциональные определения социального самочувствия

Конструкт	Формулировка
Работа	(1) “Насколько Вы удовлетворены социальным статусом, который сейчас занимаете (работой, учебой, пенсией)?” – полностью удовлетворен(-а), скорее удовлетворен(-а), скорее не удовлетворен(-а), полностью не удовлетворен(-а), затрудняюсь ответить.
Деньги	(1) “Как бы Вы оценили в настоящее время материальное положение Вашей семьи?” – очень хорошее, хорошее, среднее, плохое, очень плохое, затрудняюсь ответить.
	(2) “К какой из следующих групп населения Вы скорее могли бы себя отнести: мы едва сводим концы с концами, денег не хватает даже на продукты; на продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает финансовые затруднения; денег хватает на продукты питания и на одежду, но покупка вещей длительного пользования для нас недоступна; мы можем без труда приобрести вещи длительного пользования, однако для нас затруднительно приобретать действительно дорогие вещи; мы можем позволить себе достаточно дорогостоящие вещи – квартиру, дачу и многое другое?”.
Возраст	(1) “Чтобы в целом чувствовать себя более комфортно, хотели бы Вы оказаться в другом возрасте, стать младше или старше, чем теперь?” – устраивает мой возраст, хотел бы стать младше, хотел бы стать старше, затрудняюсь ответить.
	(2) “Как Вы думаете, взрослым людям какого возраста в нашей стране живется наиболее комфортно, хорошо?”
Семья	(1) “Насколько Вы удовлетворены своим семейным положением?” – полностью удовлетворен(-а), скорее удовлетворен(-а), скорее не удовлетворен(-а), полностью не удовлетворен(-а).
	(2) “Как Вы считаете, в целом Ваша семья лучшая из возможных, лучше других семей, типичная похожая на другие семьи, хуже других семей или худшая из возможных?”
	(3) “Ваша семья живет лучше или хуже, нежели семьи Ваших друзей, знакомых, сослуживцев?” – значительно лучше, несколько лучше, одинаково, несколько хуже, значительно хуже, затрудняюсь ответить.

участие, и т. д. [Rask, et al., 2003, p. 131]. Однако и при таком подходе проблематично избежать чрезмерного удлинения анкеты. Поддержание баланса между точностью получаемых замеров и объемом инструментария – сложнейшая задача, решить которую в рамках настоящего исследования не представляется возможным.

\* \* \*

Инструментарий исследования отражает не только то, о чем спрашивали и что хотели бы узнать исследователи. В тезаурусе и номенклатуре вопросов отражаются априорные предположения, а зачастую – собственные установки разработчиков. Кроме того, в формулировках отражается и время – с его актуальными событиями и актуализированными смыслами тех или иных понятий из общественно-политического лексикона.

“Пореформенное время” закончилось, и с наступлением новой эпохи прежние индикаторы потеряли свою эксплицирующую силу (точно так же, как наличие видеоманитфона перестало быть индикатором благосостояния), а прежние понятия – свою номинативную четкость. Большинство операциональных схем социального самочувствия формировалось в иное вре-

мя и в иных обстоятельствах. Они основаны на измерении уровня адаптированности к переменам, на субъективных прогнозах и в значительной степени уже не отражают концепт социального самочувствия.

В решении этой задачи ФОМ придерживался “прямой” модели, работая с типологией из двух гипотетически непротиворечивых переменных. Однако наш эксперимент показывает, что сегодня этого недостаточно, и, по всей видимости, нельзя обойтись без более сложной индикативной схемы. Концепт социального самочувствия слишком сложен, чтобы редуцировать его до нескольких элементарных суждений. С другой стороны, проблема не решится и иной стратегией – задавать обобщающий вопрос, пренебрегая метафоричностью основного концепта.

Есть еще несколько важных соображений, скорее пессимистического свойства, поскольку показывают сложность задачи измерения социального самочувствия.

1. Многие операциональные определения сами содержат слишком общие понятия с размытыми смысловыми границами. Не ясно, можно ли избежать опасности бесконечного регресса

в определении понятий, о котором предупредил П. Бриджмэн.

2. Формат стандартизованного интервью не только не располагает к откровенной доверительной беседе, но и не дает никаких шансов проверить адекватность полученных ответов концепту “социального самочувствия”. Перед нами реальная опасность получить ложные или ситуативные сведения.

3. Социальное самочувствие не может быть сведено лишь к материальному благополучию. В особенности сегодня, когда шоковое восприятие действительности минуло и тематическое наполнение исходного концепта реально – по факту существующих в рассуждениях людей слов и понятий – усложнилось. Нарочито экономическое смещение вопросного задания с очевидностью блокирует другие, не менее важные смысловые области социального самочувствия.

4. При измерении субъективного благополучия важно учитывать, о ком идет речь: о респонденте или же о его ближайшем окружении, семье. Безусловно, порой бывает трудно последовательно проводить такое различие. С другой стороны, смешение двух модальностей может приводить к серьезным смещениям среди “Я”- и “МЫ”-ориентированных респондентов.

И последнее. Предложенная система индикаторов и конструкторов не гарантирует получения качественных анкетных формулировок. Каждый вопрос, даже многократно используемый в других исследованиях, подлежит тщательному тестированию на предмет его адекватного восприятия и интерпретации.

## Литература

*Andrews F.M., Abbey A., Halman L.J.* Stress from infertility, marriage factors, and subjective well-being of wives and husbands // *Journal of Health and Social Behavior*. 1991. Vol. 32. № 3. P. 238–253.

*Andrews F.M., Witbey S.B.* Social indicators of well-being: America’s perception of life quality. New York: Plenum Press, 1976.

*Bertrand M., Mullainathan S.* Do people mean what they say? Implications for subjective survey data // *American Economic Review*. 2001. Vol. 91. № 2. P. 67–72.

*Biswas-Diener R., Diener E., Tamir M.* The psychology of subjective well-being // *Daedalus*. 2004. Vol. 133. № 2. P. 18–25.

*Bloodworth A.* Theories of well-being // *Nursing Philosophy*. 2005. Vol. 6. P. 213–215.

*Bradburn N.* The structure of psychological well-being. Chicago: Aldine, 1967.

*Campbell A.* The sense of well-being in America: Recent patterns and trends. New York: McGraw-Hill Book Company. 1981.

*Christiansen C.H., Backman C., Little B.R., Nguyen A.* Occupations and well-being: a study of personal projects // *American Journal of Occupational Therapy*. 1999. Vol. 53. No. 1. P. 91–100.

*Daniels K., Guppy A.* Occupational stress, social support, job control, and psychological well-being // *Human Relations*. 1994. Vol. 47. № 12. P. 1523–1544.

*Diener E., Sapyta J.J., Sub E.M.* Subjective well-being is essential to well-being // *Psychological Inquiry*. 1998. Vol. 9. № 1. P. 33–37.

*Diener E., Fujita F.* Resources, personal strivings, and subjective well-being: a nomothetic and idiographic approach // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. Vol. 68. № 5. P. 926–935.

*Diener E., Sub E.M.* Measuring quality of life: economic, social, and subjective indicators // *Social Indicators Research*. 1997. Vol. 40. № 1/2. P. 189–216.

*Dodd S.C.* Operational definitions operationally defined // *American Journal of Sociology*. 1943. Vol. 48. № 4. P. 482–489.

*Emmons R.A., Cheung C., Tebrani K.* Assessing spirituality through personal goals: Implications for research on religion and subjective well-being // *Social Indicators Research*. 1998. Vol. 45. P. 391–422.

*Ferrer-i-Carbonnell A., Praag van B.* Poverty in Russia // *Journal of Happiness Studies*. 2001. Vol. 2. № 2. P. 147–172.

*Glenn N.D., Weaver C.N.* Education’s effects on psychological well-being // *Public Opinion Quarterly*. 1981. Vol. 45. № 1. P. 22–29.

*Griffin J.* Well-being: Its meaning, measurement and moral importance. Oxford: Clarendon Press, 1986.

*Haybron D.M.* What do we want from a theory of happiness? // *Metaphilosophy*. 2003. Vol. 34. № 3. P. 305–329.

*Kafka G.J., Kozma A.* The construct validity of Ryff’s scales of psychological well-being (SPWB) and their



relationship to measures of subjective well-being // Social Indicators

*Lazarsfeld P.F.* Evidence and inference in social research // *Daedalus*. 1958. Vol. 87. P. 99–130.

*Lazarsfeld P.F.* Methodological problems in empirical social research // P. Lazarsfeld On social research and its language / Ed. and with introduction by R. Boudon. Chicago: The University of Chicago Press, 1993b. P. 236–254.

*Lazarsfeld P.F.* Qualitative analysis: Historical and critical essays. Boston: Allyn & Bacon, 1972.

*Lazarsfeld P.F.* Sociology of empirical social research // P. Lazarsfeld On social research and its language / Ed. and with introduction by R. Boudon. Chicago: The University of Chicago Press, 1993a. P. 257–274.

*Lundberg G.A.* Foundations of sociology. New York: The Macmillan Company, 1939.

*MacPhee J.K.* [Rev.] Health, well-being, and older people: Reed J., Stanley D., Clarke C. Health, well-being, and other people. Bristol: The Policy Press, 2004 // *Geriatric Literature*. 2005. Vol. 53. № 4. P. 722–723.

*Martin M., Westerhof G.J.* Do you need to have them or should you believe you have them? Resources, their appraisal, and well-being in adulthood // *Journal of Adult Development*. 2003. Vol. 10. № 2. P. 99–112.

*Naess S.* Subjective approach to quality of life // *Feminist Economics*. 1999. Vol. 5. № 2. P. 115–118.

*Praag van B.M.S., Frijters P., Ferrer-i-Carbonell A.* The anatomy of subjective well-being // *Journal of Economic Behavior and Organization*. 2003. Vol. 51. № 1. P. 29–49.

*Rask K., Estedt-Kurki P., Paavilainen E., Laippala P.* Adolescent subjective well-being and family dynamics // *Scandinavian Journal of Caring Sciences*. 2003. Vol. 17. № 2. P. 129–138.

*Senik C.* Income distribution and well-being: What can we learn from subjective data? // *Journal of Economic Surveys*. 2005. Vol. 19. № 1. P. 43–63.

*Srivastava A., Locke E.A., Bartol K.M.* Money and subjective well-being: It's not the money, it's the motives // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2001. Vol. 80. № 6. P. 959–971.

Well-being: The foundations of hedonic psychology / Ed. By D. Kahneman, E. Diener, N. Schwarz. New York: Russell Sage Foundation Press, 1999.

*Батурова Е.Ю.* Критический анализ подходов к измерению социального самочувствия: Дисс. на соиск. звания магистра социологии Манчестерско-

го университета. Московская высшая школа социальных и экономических наук. Рукопись. М., 2005.  
*Головаха Е.И., Панина Н.В.* Интегральный индекс социального самочувствия (ИИСС): конструирование и применение социологического теста в массовых опросах. Киев: Институт социологии НАН Украины, 1997.

*Готлиб А.С.* Социально-экономическая адаптация россиян: факторы успешности – неуспешности // *Социологические исследования*. 2001. № 7. С. 51–56.

*Гуревич М.А.* Социальное самочувствие и адаптация населения крупного промышленного региона в период перехода к рыночным отношениям: на примере Челябинской области. Челябинск: НТЦ-НИИОГР. 2001.

*Душацкий Л.Е.* Материально-властные ресурсы россиян в самооценке и социальном самочувствии // *Социологические исследования*. 2004. № 4. С. 64–71.

*Жукова Н.В.* Индикаторы социального развития как инструмент социального программирования: зарубежный опыт // *Социология: методология, методы, математические модели*. 1994. № 3/4. С. 110–153.

*Ковалева Н.Г.* Пожилые люди: социальное самочувствие // *Социологические исследования*. 2001. № 7. С. 73–79.

*Петрова Л.Е.* Социальное самочувствие молодежи // *Социологические исследования*. 2000. № 12. С. 50–55.

*Рогозин Д.* Как правильно задавать вопросы о социально-демографических характеристиках респондента // *Социальная реальность*. 2006. № 9. С. 97–105

*Рогозин Д., Климов И., Мануильская К.* Тестирование вопросов о доходе // *Социальная реальность*. 2006. № 11. С. 103–115.

*Рогозин Д., Мануильская К.* Тестирование вопросов о профессиональном статусе // *Социальная реальность*. 2006. № 10. С. 111–118.

*Рубина Л.Я.* Профессиональное и социальное самочувствие учителей // *Социологические исследования*. 1996. № 6. С. 63–75.

*Хасбулатова О.А., Егорова Л.С.* Социальное самочувствие женщин и мужчин в средних городах России // *Социологические исследования*. 2002. № 11. С. 48–54.

# Авторы номера...



**Петр Бавин**  
Старший специалист  
Фонда “Общественное  
мнение”



**Григорий Кертман**  
Кандидат исторических  
наук. Заведующий  
аналитическим отделом  
Фонда “Общественное  
мнение”. Старший  
научный сотрудник  
Института  
социологии РАН



**Светлана Климова**  
Кандидат  
философских наук.  
Ведущий специалист  
Фонда “Общественное  
мнение”. Ведущий  
научный сотрудник  
Института социологии  
РАН



**Вероника Максимова**  
Старший специалист  
Фонда “Общественное  
мнение”



**Дмитрий Рогозин**  
Кандидат  
социологических наук.  
Декан факультета  
социологии МВШСЭН.  
Старший научный  
сотрудник Института  
социологии РАН



**Ирина Шмерлина**  
Кандидат  
философских наук.  
Старший специалист  
Фонда “Общественное  
мнение”. Старший  
научный сотрудник  
Института социологии РАН

# Подписка – 2007

## на журнал “Социальная реальность”

Заполните купон и отправьте в Агентство “Книга-сервис” по адресу:

117168, Москва, ул. Кржижановского, д. 14, корпус 1;

или по факсу: (495) 129-0154, 719-08-22

Адрес e-mail для связи: [public@akc.ru](mailto:public@akc.ru)


Подписаться на любые номера журнала можно в течение всего 2007 г.

На основании указанных Вами данных после получения купона

Вам будет выставлен платежный документ (счет или квитанция)

Вышедшие из печати номера будут Вам высланы по почте после получения оплаты

Подписка принимается только на территории Российской Федерации

линия отреза 

Отметьте, пожалуйста, крестиком номера журнала  
“Социальная реальность”, на которые Вы хотите подписаться

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10

Подписной  
индекс

**C86301**

Стоимость подписки на один месяц 200 рублей (включая НДС)

Фамилия

Имя

Отчество

Почтовый индекс

Область/край

Город/село

Улица

Дом  корпус  квартира

Телефон  подпись  дата

Дополнительная информация для юридических лиц

ИНН

КПП


Полное юридическое название

Юридический адрес (при несовпадении с почтовым)

Улица

Дом  корпус

В 2007 году бесплатная рассылка будет продолжаться в ограниченном объеме по списку редакции.

линия отреза 

# Книжная серия

## Фонда “Общественное мнение”

### Монографии

**Дилигенский Г.Г.** Люди среднего класса. 2002.

**Рогозин Д.М.** Когнитивный анализ опросного инструмента. 2002.

**Докторов Б.З., Ослон А.А., Петренко Е.С.** Эпоха Ельцина: мнения россиян. Социологические очерки. 2002.

**Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика.**

Под ред. В. А. Колосова 2003.

**Блехер Л. И., Любарский Г. Ю.** Главный русский спор: от западников и славянофилов до глобализма и Нового Средневековья. 2003.

**Галицкий Е. Б.** Методы маркетинговых исследований. 2006.

**Докторов Б. З.** Первопроходцы мира мнений: от Гэллага до Грушина. 2005.

### Переводы

**Уолтон Д.** Аргументы ad hominem. *Пер. с англ.* 2002.

**Садмен С., Брэдберн Н.** Как правильно задавать вопросы: введение в проектирование массовых обследований. *Пер. с англ.* 2005.

**Садмен С., Брэдберн Н., Шварц Н.** Как люди отвечают на вопросы: применение когнитивного анализа в массовых обследованиях. *Пер. с англ.* 2003.

**Шютц А.** Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. *Пер. с англ.* 2003.

**Гофман И.** Анализ фреймов: организация повседневного опыта. *Пер. с англ.* 2004.

**Липшман У.** Общественное мнение. *Пер. с англ.* 2004.

**Цаллер Д.** Происхождение и природа общественного мнения. *Пер. с англ.* 2004.

### Хроники социологических наблюдений

**Поговорим о гражданском обществе.** 2001.

**Америка: взгляд из России. До и после 11 сентября.** 2001.

**Десять лет социологических наблюдений.** 2003.

**Социологические наблюдения (2002–2004).** 2005.

Контакт:

Тел. (495) 745-8765

E-mail: [izdat@fom.ru](mailto:izdat@fom.ru)

Басманова Светлана Борисовна, Семенова Елена Николаевна  
119421, Москва, ул. Обручева, д. 26, корпус 2